

ЮРИЙ

ГОМНИНИ

повести
и
рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**ВОРОБЬИ
ТОМИН**

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

ЛЕНИНГРАД
«Детская литература»
1975

Р 2 ср.
Т 56

Рисунки С. Спицына

Т $\frac{70803-133}{М 101 (03)-75}$ 281—75

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.
СОСТАВ, ИЛЛЮСТРАЦИИ

ΠΟ ΒΕΣΠΗ

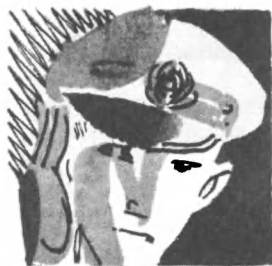

ЩЕ По городу Волшебник

повести, в которой
случаются чудеса...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Медкив Чудеса

1

Милиционеры очень любят детей. Это каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите — посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И все время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы отдать ему честь. А если девочку увидит, — тоже мчится. Наверное, ему все равно — мальчик или девочка. Главное, — успеть отдать честь.

Если же кому-нибудь попадается милиционер, который не улыбается и не отдает честь, то это ненастоящий милиционер.

А все-таки хорошо, что ненастоящие милиционеры иногда встречаются.

В Ленинграде вот есть один такой.

И если бы его не было, то ничего не случилось бы с Толиком Рыжковым...

А случилось вот что.

Шел Толик по проспекту.

Рядом с ним, по мостовой, медленно ехала сине-красная «волга».

Из динамиков, установленных на крыше «волги», на всю улицу гремел оглушительный и радостный голос диктора:

«Граждане, соблюдайте правила уличного движения! Несоблюдение этих правил часто приводит к несчастным случаям. Недавно на Московском проспекте гражданин Рысаков пытался перебежать дорогу впереди идущей автомашины. Водитель не успел затормозить, и гражданин Рысаков был сбит автомашиной. С переломом ноги он был доставлен в больницу. Граждане, помните: несоблюдение правил уличного движения ведет к несчастным случаям...»

Толик шел рядом с «волгой» и сквозь боковое стекло видел лейтенанта милиции с микрофоном в руках. Лейтенант был молодой и какой-то очень чистенький. Было странно, что у него такой оглушительный голос, хотя бы и по радио.

Толик внимательно, насколько было видно вперед, оглядел мостовую, стараясь угадать, в каком месте произошло все это с гражданином Рысаковым. Но угадать было невозможно. В обе стороны, одна за другой, катились машины.

Здоровенный самосвал, шлепая шинами по асфальту, быстро отставал от вертлявого «москвича», а их обоих, пренебрежительно пофыркивая, обгоняла тяжелая черная «чайка». И все они проезжали, может быть, над тем местом, где «недавно» лежал неосторожный Рысаков...

«А что — подумал Толик, — если бы это случилось не «недавно», а сейчас! Только чтобы машина объехала Рысакова... И — чтобы врезалась в трамвай... Но только чтобы водитель остался цел... А трамвай — сошел с рельс... Но — чтобы пассажиры все остались целы. А движение по всей улице — остановилось... И тогда нельзя было бы перейти улицу... И я не пошел бы в школу...»

Толик остановился и стал разглядывать пешеходов, которые перебежали улицу, ловко увиливая от автомобилей.

Сине-красная «волга» ушла далеко вперед. Толик опасливо покосился на нее и тоже побежал. Он юркнул между двумя автобусами, пропустил трамвай, «скорую помощь» и влетел на тротуар перед самой булочной.

Толик направился было к двери и вдруг прямо перед собой увидел милиционера. Тот стоял и смотрел на Толика. Он не отдавал честь и не улыбался.

— Ну, иди сюда, — сказал милиционер.

— Зачем? — пробормотал Толик.

— Иди, иди.

Цепляясь носками за асфальт, Толик подошел ближе.

— Вам в школе объясняли, как нужно переходить улицу? — спросил милиционер.

Голос у него был не сердитый и не насмешливый, а какой-то скучный.

— Нам не объясняли, — на всякий случай сказал Толик.

— А ты сам не знаешь, где можно переходить улицу?

— Мне в булочную надо, — тихо сказал Толик.

Милиционер молчал.

— Я очень торопился...

Милиционер молчал.

— У меня мама больная, — уже увереннее сказал Толик. — А в школу я вообще не хожу никогда. Я за мамой ухаживаю. Мне просто некогда ходить в школу.

— Чем же она болеет? — спросил милиционер.

— У нее раны... — сказал Толик и вздохнул. — От снарядов... и от бомб... и от пуль... Она на фронте воевала. Раньше она мало болела, а теперь — каждый день. И папа — тоже в больнице. Он в милиции работает. Его преступники ранили.

— Как фамилия-то? — спросил милиционер уже не скучным голосом.

— Павлов.

— Вроде слышал про такого, — сказал милиционер после раздумья. — Значит, и в школу тебе ходить некогда?

— Совсем некогда, — вздохнул Толик.

— Ну, беги в свою булочную.

Понураясь, Толик медленно направился к дверям. Вид у него был очень печальный.

В булочной Толик так же медленно ходил между прилавками, шаркал ногами, горбился и думал, что, наверное, многие замечают, какой у него несчастный вид, и догадываются о том, что у него больная мама и отец ранен преступниками.

Опустив батон в сумку и чуть не волоча его по полу, Толик вышел из булочной.

Милиционер стоял на прежнем месте. Он все-таки не отдал честь и не улыбнулся, но слегка кивнул. Мотнул головой и Толик. Теперь он ничуть не боялся милиционера.

Прежде чем перейти улицу, Толик посмотрел налево. Он ступил на мостовую и посмотрел направо. И в этот момент увидел Мишку Павлова. Мишка бежал прямо к нему и орал на всю улицу:

— Толик! Анна Гавриловна сказала, чтобы нам с тобой сегодня в школу прийти на час раньше!

Толик отвернулся, как будто Мишка кричал кому-нибудь другому. Но Мишка налетел на него и опять заорал в самое ухо:

— Я сам ее видел! Она сама сказала!

Толик посмотрел на милиционера. Тот уже не стоял на месте, а медленно шел прямо к ним.

Тихонечко, боком Толик двинулся по тротуару. Милиционер пошел быстрее. И тогда Толик бросился бежать со всех ног.

Мишка, разинув рот, постоял, посмотрел, как убегают от него милиционер и Толик, и тоже побежал за ними.

Толик ничего не видел. Если бы ему в эту минуту подвернулась машина, он, наверно, сбил бы машину. Если бы на пути оказалась

река, он, конечно, перепрыгнул бы через реку. Он старался изо всех сил, потому что на свете нет ничего хуже, чем убежать от милиционера.

Мишка давно уже отстал, а Толик еще и не разогнался как следует.

Милиционер, наверное, тоже еще не разогнался. Он бежал далеко, но догонял понемножку.

На улице останавливались прохожие. Их удивленные лица мелькали мимо Толика быстро, как фонари в метро.

Стук сапог сзади становился все ближе. Толик метнулся к дому и вбежал в парадную. Тут была еще одна дверь — во двор. Он открыл ее, и в этот момент сзади зацокали по ступеням сапоги милиционера.

Толик захлопнул дверь и услышал, как она тут же открылась за спиной. Он уже совсем было хотел остановиться, как увидел слева несколько низеньких домиков — гаражей. Между двумя домиками была узкая щель.

Толик бросился в эту щель и почувствовал, как что-то схватило его и потащило назад. Но тут же он выскочил из щели, и почему-то бежать стало легче.

Мальчишки, столпившиеся по другую сторону гаражей, так ничего и не поняли. Они видели, как промелькнуло что-то и вслед за ним промелькнуло еще что-то, а теперь во дворе стоял милиционер и, разглядывая, вертел в руках сумку с батонem. Он постоял немного и пошел к воротам.

Мальчишки посмотрели ему вслед и снова принялись рисовать на дверях гаражей звезды и писать мелом, что «Тоська + Вовка = = любовь».

А Толик долго еще не мог остановиться. За его спиной уже никто не топал, но он на всякий случай пробежал еще четыре двора, пролез сквозь какую-то трубу, спрыгнул с какой-то крыши и оказался в маленьком дворике.

Лишь теперь он понял, что за ним уже никто не гонится. Толик осматривался, ища дверь или ворота, через которые можно было бы выйти, но видел только гладкие стены.

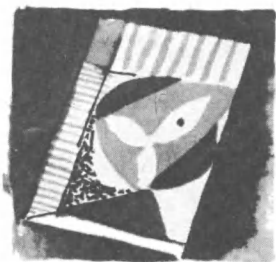
Это был очень странный двор. Высокие стены — без окон и балконов — уходили вверх, под самое небо. Двор был круглый, как колодец, и посреди него стояло что-то большое и круглое, как консервная банка.

Толик завертел головой, стараясь найти сарайчик, с которого он спрыгнул, но никакого сарайчика не было.

В здании, похожем на консервную банку, оказалась дверь. Толик отворил ее и очутился в просторном помещении.

Это было очень странное помещение.

Откуда-то сверху, с невидимого потолка, один за другим медленно опускались голубые шары. У самого пола они вспыхивали голубым светом и гасли, как будто проваливались. Один за однимплыли они сверху вниз и лопались, освещая все вокруг мерцающим светом.

II

Потом он увидел мальчика.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась груда спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

— Триста тысяч один, — сказал он.

Толик подошел поближе.

Мальчик, не глядя на Толика, взял еще один коробок.

— Триста тысяч два.

— Эй, ты чего тут делаешь? — спросил Толик.

— Триста тысяч три, — сказал мальчик.

— Как отсюда выйти? — спросил Толик. — Где тут ворота?

— Триста тысяч четыре, — сказал мальчик.

Толику стало не по себе. Он даже подумал, что это не живой мальчик, а какой-нибудь электрический, вроде робота. Такой был в кинокартине «Планета бурь». Там робот, похожий на человека, ходил на двух ногах и даже разговаривал дребезжащим, как будто железным голосом.

Толик протянул руку к плечу мальчика и тут же отдернул ее, словно испугался, что его ударит электрическим током.

— Триста тысяч пять, — сказал мальчик.

Толик начал сердиться. Он был не робот, а живой человек. И потому он умел сердиться. А этого, как известно, не умеет делать даже самый лучший и самый электрический робот.

— Триста тысяч шесть, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто сердится, а прямо-таки злится.

— Триста тысяч семь, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто злится, а прямо-таки лопается от злости.

— Триста тысяч восемь, — сказал мальчик.

«Ну ладно, — подумал Толик. — Сейчас ты у меня замолчишь». Толик вытянул руку и провел ладонью по спине мальчика, стараясь найти кнопку, которой он выключается. Спина оказалась теплой и совсем не железной.

— Триста тысяч девять, — сказал мальчик, поднял голову и посмотрел на Толика странными голубыми глазами.

— Ты что, оглох?! — крикнул Толик. — Ты, может быть, глухой, да?

— Я все слышу, — ответил мальчик. — Триста тысяч десять...

— Сейчас ты у меня получишь! — рассвирепел Толик. — Я тебе покажу, как дразниться. Я тебе покажу триста тысяч! Получишь раза два, тогда узнаешь, где триста тысяч!

— Не мешай, — сказал мальчик. — Ты же видишь — я только что начал новую тысячу.

— Мне все равно — новую тысячу или новый миллион! — сказал Толик. И вдруг остановился, увидев, как при слове «миллион» глаза мальчика засветились странным голубым светом.

Внезапно у Толика прошла вся злость. Он вдруг подумал, что все это очень странно: и двор без ворот, и комната без окон, и какие-то тысячи, и этот мальчик, хоть и не электрический, но, наверное, ненормальный. И как только он подумал об этом, ему снова стало страшно.

— Миллион... — повторил мальчик. — Это важнее всего на свете. Но это так трудно... У меня очень мало времени. Но если ты знаешь про миллион, я могу поговорить с тобой две минуты. А потом ты уйдешь. Ладно?

— Я могу и сейчас уйти; ты покажи, где ворота, — сказал Толик.

— Не знаю... — вздохнул мальчик. — Зачем нужны ворота? Мне они совсем не нужны. Мне нужно набрать миллион.

— Какой миллион?

— Миллион коробков. Ровно миллион. И тогда у меня будет больше всех в мире.

— Зачем тебе столько? — спросил Толик.

— Так у меня же будет больше всех в мире.

— Ну и что из этого?

— Вот и все, — сказал мальчик. — Больше всех в мире! Понимаешь?

— Понимаю, — послушно ответил Толик.

Он ничего не понимал. Он просто боялся молчать. Если он замолчит, то мальчик снова начнет считать коробки.

— А сколько ты уже набрал? — спросил Толик.

— Триста тысяч десять.

— Здорово! — сказал Толик, стараясь показать, что ему не страшно. — Набрал — и хорошо. Теперь пойдем во двор, и ты мне покажи, где ворота. Знаешь, я от милиционера удирал... Ох, и бежал здорово! Но ты тоже молодец: сколько коробков набрал. Теперь можешь показать, где ворота?

— Зачем мне ворота... — грустно сказал мальчик. — Мне нужен миллион коробков. Тогда мне хватит их на всю жизнь.

— На какую жизнь? — спросил Толик и, взяв коробок, повертел его в руках. — Обыкновенный коробок. Зачем тебе на всю жизнь?

Но едва Толик прикоснулся к коробку, мальчик вскочил из-за стола, и глаза его снова вспыхнули странным голубым светом.

— Не трогай! — закричал он. — Это не твое. Это все мои коробки. Уходи отсюда! Две минуты кончились. Уходи! Оставь коробок!

Толик попятился от стола. Он хотел повернуться и бежать, но глаза на лице мальчика разгорались все ярче, они становились все голубее и прозрачнее, а Толик пятился и пятился, но не мог отвернуться, словно боялся, что его ударят в спину.

Толик отступал, и стол казался ему все меньше и меньше. Около стола прыгала и бесновалась маленькая, будто игрушечная, фигурка мальчика. Она размахивала тоненькими ручками и грозила кулачками, величиной с горошину. А на ее лице, будто две звезды, мерцали два холодных голубых огонька.

— Ост-а-а-авь коробо-о-ок... — донесся до Толика далекий голос.

Этот голос словно подтолкнул его. Толик зажмурился и бросился бежать, не разбирая дороги. Мимо него мелькали какие-то стены и дома. Потом стали мелькать улицы и города. Затем, уже внизу,

поплыли реки и горы. Солнце торопливо бежало по пустому темному небу. Но вот и солнца не стало: все вокруг слилось в одну серую полосу, беззвучно уносящуюся назад.

«Я, наверное, сплю, — подумал Толик. — Я видел темное небо... Значит, уже ночь и я сплю... Нужно проснуться. Нужно попробовать шевельнуть рукой, и тогда сразу проснешься...»

Толик шевельнул рукой и открыл глаза.

На синем небе, как приклеенное, застыло солнце. Оно больше никуда не мчалось. И улица была та же самая. И булочная. Пристально глядя на Толика, подходил тот самый милиционер. А рядом стоял Мишка Павлов и орал:

— Я сам ее видел! Она сама сказала!

«Я еще не проснулся, — подумал Толик. — Наверное, плохо шевельнулся, а на самом деле еще спишь и во сне видишь, будто проснулся».

Толик снова дернул рукой. Что-то зашуршало, застучало у него в кулаке. Толик разжал кулак и глянул вниз. На ладони лежал спичечный коробок. Он был настоящий.

И Мишка был настоящий, потому что он заорал еще громче:

— Ты что, оглох? Неси свой батон домой и бежим в школу!

И милиционер был настоящий. Он взял Толика за руку и сказал:

— Если ты с такого возраста врать научился, что же из тебя дальше вырастет? Ну-ка, повтори, чем болеет твоя мама?

Толик молчал. А Мишка хоть и не понял пока еще ничего, но все же решил заступиться за друга. Он насупился и сурово глянул на милиционера.

— У него мама и не больная совсем. Чего вы ее больной обзываете? Она совсем здоровая.

— Вот и мне так кажется, — ответил милиционер и потянул Толика за рукав. — Пойдем со мной, мальчик.

III

Когда человек идет по улице рядом с милиционером, то всем ясно, что его ведут в милицию. И когда его ведут, то понятно, что ничего хорошего он не сделал.

Толик шел по улице рядом с милиционером, и ему казалось, что на него смотрят все прохожие. Конечно, они думали, что он разбил окно, подрался или украл чего-нибудь. И Толик боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

А прохожие смотрели на Толика с любопытством и почему-то улыбались. Особенно не понравился Толику один толстый дядька. Мало того, что он сам был толстый! Мало того, что он нес под мышкой расстегнутый толстый портфель, набитый толстыми апельсинами!

Мало даже того, что улыбаться он начал чуть ли не за сто метров до Толика! Он еще и сказал, проходя мимо:

— За что забрали, товарищ старшина? Отпустите. Его мама ждет.

И засмеялся, очень довольный своей толстой шуткой.

Старшина буркнул что-то непонятное. А Толик подумал: «Вот хорошо, если бы забрали сейчас этого толстого дядьку в милицию. И отобрали бы апельсины. И сидел бы он за решеткой, и плакал, и просился, чтобы его отпустили. А дома сидели бы у окна и плакали его толстые дети, потому что им никогда в жизни уже никто не принесет апельсинов».

Толстяк уже прошел, а Толик, выворачивая шею, все еще смотрел ему вслед. Вдруг произойдет чудо и толстяка все-таки заберут. Толику очень хотелось этого. А когда очень хочешь, то ведь может случиться и чудо. . . Вот он сейчас пойдет через дорогу и будет переходить ее неправильно — немного правее или немного левее белых кнопок на асфальте, или пойдет по красному свету. Тогда — свисток, и. . . толстые дети никогда не получают апельсинов.

А толстяк между тем подошел к краю тротуара и. . . Чудо! Произошло чудо, о котором мечтал Толик! Толстяк переходил улицу между двумя рядами белых кнопок. И тут все было правильно. Но он шел по КРАСНОМУ свету! Вот оно чудо, которое всегда может случиться, если его очень хочешь!

Но оказалось, что вышла только одна половина чуда. Вторая, главная половина, не получилась. Напрасно Толик ждал свистка. Толстяк спокойно перешел улицу и протиснулся в двери продуктового магазина. И Толику стало до слез обидно. А тот, кто должен был забрать толстяка, в этот самый момент легонько подтолкнул Толика в спину и сказал:

— Не задерживайся, мальчик, не задерживайся. Мне на пост нужно возвращаться.

Уже в третий раз падался навстречу Мишка Павлов. Каждый раз он забегал вперед и проходил мимо, подмигивая левым глазом. Всем видом он старался показать, что он с Толиком заодно. Но помочь Мишка, конечно, ничем не мог. Даже тем, что, отойдя на безопасное расстояние, строил рожи спине милиционера. Возле милиции Мишка отстал, и Толику стало совсем тоскливо. Вдвоем было как-то веселее.

В отделении милиции за барьером сидел капитан и писал что-то в толстом журнале. Увидев Толика и старшину, он усмехнулся.

— Вы зачем, Софронсв, ребенка привели? Разве забыли, что у нас детская комната на ремонте?

— Так точно, забыл, товарищ капитан, — сказал старшина.

— А может, вы не забыли, а просто на посту стоять надоело? Решили прогуляться?

— На улице — погода, товарищ капитан, — сказал старшина. — Это не зима. Сейчас на улице — одно удовольствие. А вот мальчик, товарищ капитан, очень странный. С одной стороны, говорит: мать у него на фронте погибла. . .

— Не погибла, — едва слышно возразил Толик. Но его никто не услышал.

— С другой стороны, — продолжал старшина, — отец, говорит, преступниками ранен. А сам, между прочим, неправду говорит. Это и товарищ его подтвердил. Как фамилия товарища-то? — повернулся старшина к Толику.

— Павлов... — совсем тихо проговорил Толик.

— Вот-вот, — сказал старшина, — а сам, между прочим, тоже Павловым назвался. И через дорогу ходит, где ему вздумается.

Услышав последние слова старшины, Толик вздрогнул и жалобно шмыгнул носом. Лишь сейчас он вспомнил, что назвал старшине не свою, а Мишкину фамилию. Какое за это полагается наказание, он не знал, но уж, наверное, самое маленькое — тюрьма или в школе поставят двойку за поведение.

— Хорошо, товарищ Софронов, идите, — приказал капитан. — Только больше мне тут детский сад не устраивайте и пост по пустыкам не бросайте. Не первый месяц служите. Пора привыкать. Ясно?

— Так точно, — сказал старшина и ушел.

— Ну-ка, Павлов, повернись ко мне лицом, — сказал капитан. — И объясни, пожалуйста, где тебя так врать научили.

— Почему... врать... — запинаясь, пробормотал Толик.

— Потому что никакой ты не Павлов. Верно?

— А как моя фамилия? — спросил Толик.

— Это ты сейчас мне и скажешь.

Капитан, усмехаясь, смотрел на Толика, и было понятно, что фамилию сказать все-таки придется.

— Рыжков.

— Ну вот, теперь ты говоришь правду. Это сразу видно, когда человек правду говорит, а когда врет. Молодец. Твоя мама когда на работу уходит?

— К двум часам, — ответил Толик и победоносно посмотрел на капитана. Сейчас-то он уж точно говорил правду, и капитан ни на чем не мог его поймать. Кроме того, судя по выражению лица капитана, тот вовсе не собирался сажать Толика в тюрьму.

— К двум часам мама ходит на работу, — задумчиво повторил капитан и спросил: — Та самая, которую на фронте убили?

— Я не говорил, что убили! — возмутился Толик. — Это он все выдумал. Я говорил, что ее ранили и она дома лежит.

— Так она, значит, лежа на работу ходит?

Толик ничего не ответил, лишь вздохнул. Чего тут говорить. Не была мама на фронте. А если еще про папу спрашивать, то совсем плохо дело. Папа, наверное, ни одного преступника в жизни не видел.

— Насчет папы и преступников, — сказал капитан, — мы лучше и говорить не будем. Вдруг еще какая-нибудь неприятность выйдет. Верно?

Толик опять ничего не ответил. Он поднял руку и сдвинул кепку на затылок, потому что ему вдруг стало жарко.

— Что у тебя в руке? — спросил капитан.

Толик разжал кулак и протянул капитану коробок со спичками, о котором он давно уже забыл.

Капитан взял коробок, раскрыл, вынул одну спичку, повертел ее в руках. Спичка была какая-то странная — без головки. Капитан переломил ее и бросил в пепельницу.

— Куришь?

— Честное слово, нет! — испуганно сказал Толик. — Хоть у кого спросите.

— Верю, — сказал капитан. — На этот раз верю. Врать ты, Рыжков, любишь. Но не умеешь. Улицу переходить, как полагается, ты, конечно, умеешь. Но не любишь. Говори-ка мне быстро номер школы и класс, в котором ты учишься. Я позвоню директору. А может быть, и не позвоню, если с этого дня ты будешь вести себя как полагается.

— Я больше не буду, — всхлипнул Толик.

— Вот я и посмотрю, будешь ты или нет. Говори номер школы и беги домой. А то мама уже думает, что ты пропал вместе с ба-тоном.

Капитан взял ручку и приготовился записать. Но едва Толик раскрыл рот, за дверями отделения раздался какой-то шум, затем топот.

Дверь отворилась, и два милиционера втащили в комнату здорового парня, который изо всех сил упирался. Милиционеры с трудом подтащили его к барьеру, и он встал, покачиваясь и утирая лиловую рожу рукавом пиджака.

— Распилав водку в кафе «Мороженое», — доложил один из милиционеров. — Принес с собой и наливал из-за пазухи.

— А твое какое дело? — заорал парень и рванул на себе пиджак. — Если и выпил — так на свои. Где хочу, там и пью! Я, может, с горя пью.

— Тихо, гражданин Зайцев, — спокойно сказал капитан. — Вы не к приятелю в гости пришли, а в милицию. Причем в нетрезвом виде. А горе ваше мы хорошо знаем. Работать не хотите, бездельничаете и пьянствуете — вот и все ваше горе. Не знаем только, откуда вы на водку деньги берете.

— Это мое дело, — неожиданно спокойно сказал парень. — Вы, гражданин начальник, свои деньги считайте. А мои на том свете сосчитают.

— Может быть, — согласился капитан. — Но вот то, что мы вам поверили, когда вас из заключения выпустили, — это уже наше дело. Вас на работу устроили — вы трех дней не проработали. Вам, понимаете, прописку дали в городе, а вы только город позорите. Устраиваете, понимаете, скандалы и пьянство. По старой дорожке пошли?

— Да я... да я ведь... Эх! — дурным голосом крикнул парень и снова рванул на себе пиджак. Он нелепо замахал руками, лицо его перекосилось. Милиционеры придвинулись поближе к нему. Толик подумал, что он сейчас бросится на капитана, и на всякий случай отодвинулся в угол. Но парень никуда не бросился. Он схватился за воротник рубашки и несильно дернул. Отлетела верхняя пуговица. Затем покосился на капитана и дернул еще раз. Отлетела еще одна пуговица.

— Бросьте спектакли устраивать, Зайцев, — сказал капитан. — Это я уже видел.

— Да я... — всхлипнул парень. — Я, может быть, целый день работу ищу. Я, может, оттого и пью, что работы нет. Может, у меня руки горят. Я — ч-человек! Понятно, начальник?

Капитан нахмурился. Он машинально вынул спичку из коробка, переломил ее и швырнул на стол.

— Послушать вас, Зайцев, — не человек вы, а прямо голубь. Хотелось бы мне, чтобы вы таким голубем стали. Да не получается...

И тут произошло такое, чего не случалось еще ни в одном отделении милиции.

Не успел закончить капитан фразу, как посреди комнаты что-то вспыхнуло и сразу же превратилось в крутящийся серый вихрь. Теплая волна воздуха ударила Толика в лицо. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что на том месте, где только что стоял Зайцев, никого не было.

Оба милиционера смотрели на пустое место.

Капитан вскочил из-за стола и замер, широко открыв глаза. И в ту же секунду с пола взвился белый голубь.

Он заметался по комнате, ударяясь головой в окна и дверь, отчаянно хлопал крыльями, шарахался от стены к стене, пока случайно не влетел прямо в форточку и, скользя между прутьями решетки, оказался на улице. В окно было видно, как он круто взмыл вверх и исчез.

Капитан растерянно посмотрел в угол. Там стоял Толик.

— Твой голубь?

— Н-нет... чес-с... сло... — дрожащим голосом сказал Толик.

Капитан выскочил из-за перегородки и подбежал к милиционерам.

— Где задержанный?!

— К-к-кажется... у-ушел... — запинаясь, проговорил один из милиционеров.

— Догнать! — закричал капитан. — Догнать немедленно!

— Е-е-есть... — отозвался второй милиционер, и все трое, вместе с капитаном, выбежали на улицу.

Толик из своего угла со страхом оглядывал комнату. Никогда еще не приходилось ему переживать столько приключений в одно утро.

Сначала он даже не подумал, что теперь можно спокойно уйти и капитан никогда уже не узнает номера его школы. Толик боялся пошевелиться. Кто его знает... Может быть, стоит шевельнуться, и в комнате снова появятся милиционеры и пьяный Зайцев. Сегодня все может случиться. Толик посмотрел на окно. Может быть, это все-таки сон?

Разве не бывает, что человеку снятся милиционеры, голуби, пьяные и даже мальчики со странными голубыми глазами? Бывает. Конечно, бывает. Только почему на одном из прутьев решетки за окном прилепилось и дрожит белое перышко? Оно как раз на уровне форточки, в которую вылетел голубь. И что это за куча тряпья на полу у самого барьера?

Наконец Толик решил выйти из своего угла.

Осторожно, боком, он подошел к барьеру.

На полу лежала одежда. Сверху был пиджак, из-под него выглядывали две брючины. Из рукавов пиджака торчали обшлага рубашки. Это была одежда Зайцева.

Она лежала так, как будто еще хранила форму человеческого тела. Удивительно, что ее не заметили милиционеры. Наверное, очень торопились.

Пока еще ничего не понимая, Толик тронул пиджак носком ботинка и отскочил в сторону. Он боялся, что из-под одежды выскочит пьяный Зайцев. Но никто не выскочил.

Пиджак сдвинулся в сторону, и показались ботинки, не чищенные, пожалуй, лет сто.

Сомнений не было. Все это принадлежало Зайцеву.

Но даже если Зайцев был фокусником, если он умел высказывать из одежды за одну секунду, все равно он не мог убежать без ботинок. Это уж Толик знал точно. Ботинки были зашнурованы. И на всем свете нет такого человека, который умеет снимать ботинки не расшнуровывая. Даже если он пьяный или фокусник.

Внезапно Толик снова вспомнил мальчика со странными голубыми глазами и его отчаянный крик: «Оста-а-авь коро-о-бо-ок!..» Почему он так кричал, если у него было еще триста тысяч таких коробков? Неужели ему жалко одного коробка? Ведь Толик и взял-то его случайно.

И опять Толик подумал, что все это ему снится. Только сон какой-то уж слишком длинный, и непонятно, почему он никак не может кончиться.

Толик подошел к барьеру и, просунув руку, дотянулся до коробка, который отобрал у него капитан. Он потряс рукой, и спички забрякали в коробке.

Да, это был тот самый коробок. И значит, сон тут ни при чем, потому что Толик никогда не носил с собой спичек.

И вдруг Толику все стало ясно. Это было невероятно, сказочно, необыкновенно и в то же время совершенно просто, если допустить, что на свете еще могут случаться чудеса.

Зазвонил телефон на столе капитана. Толик вздрогнул и, словно очнувшись, бросился к двери. Он выскочил на улицу и пустился бежать со всех ног.

На этот раз Толик быстро устал: слишком много приходилось ему сегодня бегать. Он свернул в какую-то подворотню и остановился, тяжело дыша. Мимо прошла незнакомая женщина и подозрительно, как показалось Толику, взглянула на него.

— Не набегался еще? — спросила она.

— Извините... — робко сказал Толик, пряча руку с коробком за спину.

Женщина ушла. Толик поднес коробок к самым глазам и стал внимательно его рассматривать. Коробок был обыкновенный. Вернее, он казался обыкновенным. И во всем мире лишь Толик да, может быть, еще мальчик со странными голубыми глазами знали, что коробок был **ВОЛШЕБНЫЙ!**

Зайцев никуда не исчез. Он **ПРЕВРАТИЛСЯ** в голубя. «Хотелось бы мне, чтобы вы стали голубем...» — сказал капитан. И Зайцев **СТАЛ** голубем. Он стал голубем потому, что капитан в это время переломил спичку из коробка, принадлежавшего мальчику со странными голубыми глазами. И если бы капитан знал, что это за коробок, он сразу понял бы, что Зайцев никуда не убежал, а на его глазах

вылетел в форточку. Теперь они до вечера будут ловить Зайцева, а Зайцев, распушив хвост, будет прохаживаться по тротуару перед милицией и подбирать крошки.

Так думал Толик. Но чем больше он уверял себя в том, что коробок волшебный, тем страшнее ему становилось. Если этот коробок может превратить человека в птицу, то неизвестно, что он может выкинуть с ним, с Толиком. Хорошо, если еще превратит в голубя, — хоть полетать можно. А если, например, в свинью? Придет Толик в класс. Анна Гавриловна начнет его спрашивать, а он будет только хрюкать! Толик на минуточку представил себе, как ребята таскают его за хвост, а он вырывается и визжит пороссячьим голосом. И нельзя никому пожаловаться, потому что ни один человек не станет разговаривать со свиньей.

Чем больше думал он о своей будущей пороссячьей жизни, тем опаснее казался ему коробок. И еще показалось Толику, что коробок в его руках как будто стал нагреваться. Что произойдет дальше, Толик дожидаться не стал. Он решил, что на сегодня приключений хватит, швырнул коробок на землю и пошел прочь.

Пройдя один квартал, он снова вышел к булочной. Видно, сегодня все дороги вели к этой булочной, возле которой прохаживался знакомый постовой.

Толик быстро перебежал на другую сторону улицы и уже хотел свернуть в свой переулок, как вдруг чуть не столкнулся с толстым дядькой. Тот выходил из магазина. Кроме портфеля, в руках у него были теперь еще и толстые свертки. Из одного кулька выглядывали толстые сардельки, и дядька придерживал их толстыми пальцами, чтобы они не выпали. Да и сам он стал как будто еще толще и еще противнее улыбался своими толстыми губами. Он не заметил или не узнал Толика, и от этого Толику стало еще обиднее.

И тут Толик подумал: теперь ничего не стоит отомстить толстяку. Ему так захотелось отомстить, что он, позабыв страх перед милиционером, бросился бежать через улицу. Он очень торопился. Он боялся, что толстяк уйдет прежде, чем он успеет вернуться.

Пулей Толик ворвался в подворотню. Коробок лежал на прежнем месте. Толик схватил его и помчался обратно.

Толстяк уже заворачивал за угол. Толик отвернулся к стенке дома, сломал спичку и шепотом сказал:

— Хочу, чтобы этого толстого забрали в милицию.

Толстяк уже почти скрылся за углом. Постовой спокойно прохаживался по улице. Вдруг он остановился, подозрительно посмотрел вслед толстяку, поднес к губам свисток и, отчаянно свистя, побегал наискосок через улицу. Он быстро догнал толстяка и сказал:

— Гражданин, пройдемте в отделение.

Толстяк, ничего не понимая, повернулся к нему.

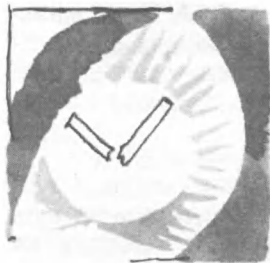
— Это вы мне?

— Вам, гражданин.

— Но за что? Что я сделал?

— Ничего не знаю, гражданин. Пойдемте со мной.

Толстяк тяжело вздохнул, поправил расползающиеся свертки и покорно пошел вслед за милиционером.

IV

Дверь Толику открыла мама.

Ничего хорошего в этом не было. Он думал, что мама уже ушла на работу. Она возвратится вечером. А вечером можно было лечь спать пораньше. Никто не станет будить единственного сына, чтобы выругать его за утренние дела.

— Так... — сказала мама.

Мамино «так» тоже не предвещало ничего хорошего. Толик молча шмыгнул мимо нее в ванную. Там он открыл сначала горячую, потом холодную воду, потом сделал среднюю и долго мыл руки. Мама стояла в дверях ванной и молча наблюдала за Толиком. Пришлось мыть и лицо. С мылом. Но мама не уходила. Тогда он стал чистить зубы. И тут мама не выдержала.

— Ты где был? — грозно спросила мама.

— У-гр-р-р... бул... кр-р-л... — ответил Толик, не вынимая из рта зубную щетку.

— Положи щетку.

Толик вынул щетку и набрал в рот воды.

— Ты где был? — снова спросила мама.

— Очень холодная вода, — сказал Толик и пустил погорячее.

— Я спрашиваю: ты где был?

— Я?

Мама взяла с вешалки полотенце, вытерла Толику рот и вытолкнула его из ванной. Толик хотел удрать в комнату, но мама взяла его за шиворот. Притащила на кухню и усадила на табуретку. Перед Толиком стояла тарелка остывшего супа. Толик схватился за ложку, надеясь оттянуть расплату.

— Не смей есть! — сказала мама.

— А я как раз не хочу есть, — тонким голосом отозвался Толик. — Знаешь, мама, у меня аппетита нет.

— Я тебе покажу «не хочу»! Ешь немедленно!

Толик запустил ложку в суп. Но мама быстро поняла свою оплошность...

— Положи ложку! Отвечай, где был.

— Знаешь, мама, — сказал Толик, — я по улице шел, а там такое большое движение...

— Я опоздала на работу, — сказала мама. — Я все время стояла у окна. Я думала, ты попал под автобус.

— Это не я попал, а Рысаков. Но ты не бойся, его отвезли в больницу.

— Я боюсь, что ты растешь бессовестным негодяем, — сказала мама, и в глазах ее появились слезы.

Теперь Толику на самом деле расхотелось есть. Он очень не любил, если мама плакала. Тогда он просто не знал, что делать. Ему было жалко на нее смотреть. И хотелось убежать из дому, чтобы не видеть, как она плачет. Но сейчас убежать было невозможно.

Толик посопел, повздыхал и принялся утешать маму.

— А знаешь, чего я на улице видел! — сказал он. — Там на

улице один дяденька купил сардельки. Толстый такой. А один мальчик украл у него сардельку и побежал. А милиционер за ним погнался. И я тоже погнался. Я его первый догнал. А милиционер сказал мне «спасибо» и записал адрес, чтобы позвонить в школу. Этого милиционера преступники ранили. А я...

Но мама не дала Толику рассказать про преступников.

— Замолчи, врун, — сурово сказала мама. — Почему-то ни с кем другим ничего не случается. Только у тебя все время какие-то преступления. Мне давно надоело твое вранье. Три дня не пойдешь на улицу!

Толик беспокойно завозился на стуле. Конечно, он виноват. Растроил маму. Но три дня — это уж слишком.

А мама в это время пристально посмотрела на ноги Толика, Толик тоже посмотрел, но ничего особенного не увидел. Впрочем, и мама не увидела. Она услышала. Просто удивительно, до чего у всех мам чуткие уши. Кроме того, у них ловкие руки.

В одну секунду рука мамы оказалась в кармане брюк Толика и вытащила коробок со спичками.

— Толик, ты куришь! — с ужасом сказала мама.

Толик взглянул на коробок. Он совсем забыл про него, как только мама заплакала. И в ту же секунду он понял, что надо делать. Он выхватил коробок из маминых рук, бросился в ванную и сломал спичку.

Когда Толик вернулся в кухню, мама встретила его радостной улыбкой. Она обняла его, погладила по голове и поцеловала в щеку.

— Славный ты у меня мальчик.

— Угу, — ответил Толик.

— Как ты ловко выхватил коробок, — сказала мама. — Я так обрадовалась. Ты просто настоящий спортсмен.

— Мама, ты на работу пойдешь? — спросил Толик.

— Нет, мальчик, сегодня не пойду. Как же я могу пойти на работу, если тебе нужно погреть суп? Ты ведь устал, бедный, на четвертый этаж поднимался с этим батоном. А я, глупая, сама не догадалась сходить. А батон-то тебе дали какой грязный! Я сейчас сбегаю за новым.

— Не надо, мама. Я сам его испачкал. Я этим батоном в футбол играл, — сказал Толик, решив до конца выяснить могущество коробка.

— Батоном? В футбол? — спросила мама и засмеялась счастливым смехом. — Смотри, какой молодец! Я догадалась: у тебя не было мяча и ты играл батоном. Я всегда говорила, что ты сообразительный ребенок. Но я куплю тебе мяч. Может быть, тебе иногда захочется поиграть мячом. Только ты не думай, что я тебя заставлю играть мячом. Если хочешь, играй батоном.

— Купи два мяча. И канадскую клюшку. И две шайбы, — сказал Толик.

— Обязательно, — сказала мама.

Между тем ловкие мамины руки делали все, что нужно, и вскоре на столе появился подогретый суп, второе и даже банка консервированных ананасов, которые берегли к празднику.

Мама села напротив Толика и с доброй улыбкой наблюдала за тем, как он вылавливает пальцем кружочки ананасов.

— А почему ты не ешь суп и второе? — озабоченно спросила мама.

— Не хочу.

— Правильно, — сказала мама. — Всегда нужно делать только то, что тебе хочется.

Толик доел ананасы и сунул руку в карман — проверить, на месте ли коробок.

Мама внимательно за ним следила. Она услышала бряканье спичек и тяжело вздохнула.

— Когда я увидела спички, Толик, — сказала мама, — я очень расстроилась. Я сразу догадалась, что ты начал курить. И я расстроилась потому, что во всех магазинах висят эти глупые объявления: «Детям до шестнадцати лет табачные изделия не отпускаются». А ведь тебе всего одиннадцать. Это просто ужасно, что ты не можешь купить себе папирос. Я теперь сама буду для тебя покупать.

Толик посмотрел на маму.

Может быть, она все-таки шутит? Чего-чего, а уж курить Толика не заставишь. Подумаешь, удовольствие — дышать всяким дурацким дымом!

Но мама, кажется, не шутила. Ее доброе лицо просто светилось от удовольствия, что она видит Толика и разговаривает с ним. Сейчас она была готова выполнить любое желание сына. И Толик подумал, что если он вдруг поцелует маму, то она снова заплачет, но на этот раз уже от радости.

На какое-то мгновение ему стало неловко, как будто он заставил маму сделать что-то нехорошее. И мама, словно маленький ребенок, поверила обману и сделалась послушной, ужасно доброй, но перестала быть прежней мамой.

Однако Толик подумал, что все это не так уж плохо. Ананасы, в конце концов, гораздо приятнее получать, чем подзатыльники. Два мяча и канадская клюшка тоже не помешают. А если искать виноватых, то Толик здесь ни при чем, а виноваты спички и мальчик со странными голубыми глазами.

Все же, чтобы доставить маме приятное, Толик сказал, что он вовсе не курит и курить никогда не будет. И мама обрадовалась так же, как раньше, когда думала, что Толик начал курить.

Затем мама пошла в комнату и сложила в портфель учебники и тетради Толика.

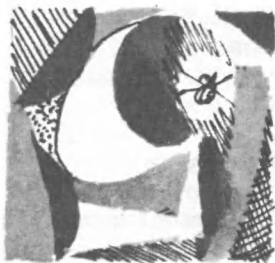
Она специально проверила по дневнику расписание уроков, чтобы положить все нужное и ничего не забыть.

На прощание она еще раз поцеловала Толика, открыла ему дверь и все время махала рукой, пока он спускался по лестнице.

А Толик, спустившись вниз, остановился.

Он засунул руку в карман, нащупал коробок и засмеялся от удовольствия.

Началась новая, совершенно сказочная жизнь.

V

Когда Толик вошел в класс, все уже сидели на местах. Анна Гавриловна показывала что-то на карте. Она обернулась на скрип двери.

— Добро пожаловать, Рыжков. Ты почему опоздал?

— Я? — спросил Толик.

— Ты, — сказала Анна Гавриловна.

— Я... — произнес Толик и задумался.

Учительница улыбнулась.

— Не успел еще придумать?

— Я... нет... — сказал Толик.

— Садись на место, Рыжков.

Анна Гавриловна повернулась к карте и стала объяснять дальше.

Толик сел на свое место.

— Отпустили? — спросил Мишка.

— А ты никому не говорил?

— Нет.

— Теперь можешь говорить, мне все равно, — прошептал Толик и похлопал себя по карману.

— Чего там у тебя? — спросил Мишка.

— Ничего. Много будешь знать — скоро состаришься, — ответил

Толик.

— Рыжков и Павлов! — сказала Анна Гавриловна, не оборачиваясь.

Мишка и Толик притихли и стали слушать. Анна Гавриловна рассказывала о том, как изменится карта нашей страны через десять лет. Она говорила о плотинах, которые построят за это время. Говорила о реках, как они разольются шириной чуть ли не с море.

— Я теперь могу любую реку переплыть, — шепнул Толик.

Мишка посмотрел на него и молча постучал по лбу согнутым пальцем. Но Толик даже не рассердился. Мишка ведь не знал ничего.

Потом Анна Гавриловна стала рассказывать о том, какие богатства скрываются на дне океанов: всякие водоросли, которые можно есть, нефть и что-то еще такое, чего Толик не расслышал, потому что в этот момент говорил Мишке:

— Я теперь и океан любой могу переплыть.

Мишка снова постучал пальцем по лбу. На этот раз Толик обиделся.

— Сам дурак, — сказал он. — Не знаешь ничего — и молчи.

— Рыжков, — сказала Анна Гавриловна, — повтори, что я говорила.

Толик вскочил с места.

— Вы говорили про плотины и про водоросли.

— Что я говорила про плотины и про водоросли?

— Их можно есть.

— Плотины можно есть?

Ребята дружно засмеялись. Мишка тоже засмеялся. Толику стало совсем обидно. Если бы они знали, что у него в кармане, то не смеялись бы, а плакали от зависти.

— Плотины нельзя есть, — буркнул Толик. — Они железные.

— Они бетонные, — сказала Анна Гавриловна. — Ставлю тебе двойку за невнимательность.

Двойку Толику получать не хотелось. Двоек у него в этой четверти не было. Это не очень приятно — в первый раз получать двойку. И Толик сунул руку в карман.

— Ой, Анна Гавриловна, можно выйти на минутку?

— Что случилось?

— Мне... мне плохо...

Анна Гавриловна пожалала плечами.

— Иди.

Толик выскочил за дверь. Пока он ходил, учительница открыла журнал и поставила против фамилии Рыжков двойку.

Толик вернулся почти сразу. Он скромно сел на место рядом с Мишкой и уставился на Анну Гавриловну. Учительница подняла голову.

— Рыжков, — сказала она, — я поставила тебе двойку за невнимательность. А теперь... я... переправлю ее... на... пятерку. Я делаю это потому, что... потому... Я не знаю почему. Так нужно. Ты... очень... хороший... ученик... Рыжков.

Анна Гавриловна подняла руку и устало потерла лоб.

— На сегодня закончим, — сказала она и быстро вышла из класса.

Ребята все, как один, посмотрели на Толика. Они ничего не понимали. Они знали Анну Гавриловну с первого класса. У нее никогда не было любимчиков. Двойки она всегда ставила за дело. Пятерки — тоже за дело. Ответил плохо — двойка, хорошо — пятерка. Толик почти всегда отвечал хорошо. Но сегодня он, конечно, заслужил двойку.

Наконец Лена Щеглова не выдержала.

— Эй, Рыжков, — сказала она. — Отличник Рыжков. Расскажи еще про железную плотину.

И сразу ребята повскакали с мест и окружили парту Толика.

— Отличник! — закричали они. — Отличник! Плотину съел.

— Она, может, пошутила, — отбивался Толик. — Может быть, у нее голова болит, вот она и ушла.

— Ни чуточки она не пошутила, — сказала Лена Щеглова. — Она переправила двойку на пятерку. И даже кляксу поставила. Я сама видела. Она из-за тебя ушла.

А Ленья Травин — мальчик, который умел играть на скрипке, — сказал:

— Ты должен извиниться перед Анной Гавриловной.

— Чего мне извиняться! — возмутился Толик. — Я сам себе, что ли, поставил? Она сама поставила! Я за нее отвечать не буду.

— Тогда мы сходим и попросим, чтобы она тебе опять на двойку переправила. Потому что это нечестно, — сказал Ленья.

— И пожалуйста, — засмеялся Толик. — Все равно она тебя не послушает. Ты лучше на скрипке играй.

— Кто пойдет со мной к Анне Гавриловне? — спросил Ленья.

Но идти почему-то никто не захотел. Даже Лена Щеглова, хотя она и считала себя самой справедливой девочкой в классе. Наоборот,

ребята один за одним стали отходить от парты Толика и рассаживаться по местам. И Лена отошла. Только напоследок она сказала:

— Трусливо и нечестно.

— После уроков получишь, — ответил Толик.

Возле парты остался один Ленья.

— Тогда я один пойду, — сказал он.

— Ха-ха-ха, — сказал Толик. — Ни капельки не страшно.

В этот момент открылась дверь и в класс заглянул директор. Ребята вскочили. Четвертый класс здорово боялся директора. Его и пятые классы боялись. И шестые, седьмые, восьмые — тоже. Потому что он мог исключить кого угодно в два счета.

— Какой у вас урок? — спросил директор.

— Природоведение, — ответила Лена Щеглова.

— А где Анна Гавриловна?

— Она... ушла.

— Куда ушла?

Ребята молчали. Им не хотелось выдавать учительницу. Если директор узнает, что она поставила вместо двойки пятерку, то может и ее исключить в два счета.

Наконец Ленья, который собирался уходить в музыкальную школу и потому немножко меньше других боялся директора, сказал:

— Очевидно, у нее голова заболела.

— Гм, — сказал директор и вышел.

И сразу все опять набросились на Толика. Ребята кричали, что из-за него теперь попадет Анна Гавриловне. Может быть, ее даже исключат из школы. Тогда Толик пускай лучше в класс не приходит. А Лена Щеглова предложила пойти и все честно рассказать директору и попросить, чтобы он простил Анну Гавриловну. Тогда все набросились на Лену. Потому что если рассказать, то директор наверняка все узнает. А так, может быть, и не узнает. В классе стоял такой шум, что никто не услышал, как вошла Анна Гавриловна.

— Почему вы так шумите? — сказала она. — Вас на одну минуту нельзя оставить. Садитесь по местам.

Ребята быстро расселись, поглядывая на Анну Гавриловну. Всем было интересно узнать, что сказал директор. А может быть, директор ее и не встретил? Лучше, если бы не встретил.

Учительница сидела за столом, наморщив лоб. Она как будто хотела что-то вспомнить и не могла. И молчала.

Первой не выдержала Лена Щеглова.

— Анна Гавриловна, — сказала она, — а сейчас директор приходил.

— Я знаю, — кивнула Анна Гавриловна.

— А мы сказали, что у вас голова болит...

Анна Гавриловна обвела взглядом класс. Она увидела сияющие лица.

Всем было приятно, что они так ловко обманули директора.

Анна Гавриловна улыбнулась, и сразу исчезли морщины на ее лбу.

— Вот вы какие заговорщики, — сказала она. — А я и не знала...

— Конечно, — ответила Лена. — Вы не бойтесь, Анна Гавриловна. Мы никому не скажем.

— Что же вы не скажете?

— Что вы Рыжкову пятерку поставили.

— Ничего не понимаю, — сказала Анна Гавриловна. — Конечно, я поставила ему пятерку. Почему это нужно скрывать? Он очень хорошо отвечал. Я ДОЛЖНА была поставить ему пятерку.

Ребята переглянулись. Они никак не могли понять, что случилось с учительницей. На время все даже забыли про Толика. А Толик съежился и сполз немного под парту, чтобы стать незаметнее. Уж он-то знал, в чем тут дело.

— Ничего не понимаю, — повторила Анна Гавриловна. — Почему вы на меня так смотрите? Что случилось, Щеглова?

— Я... я не знаю, Анна Гавриловна... — растерянно сказала Лена и села.

Учительница в недоумении посмотрела на Толика.

— Рыжков, может быть, ты объяснишь, в чем дело? Почему все так волнуются из-за твоей отметки?

— Я... я не знаю...

Толик поднялся за партой и склонил голову набок, будто и ему самому все было удивительно. В этот момент комок жеваной промочашки стукнул Толика по уху.

— Громов, выйди из класса, — сказала Анна Гавриловна.

Женя Громов молча направился к двери. Его не в первый раз выставляли из класса. Но сегодня все понимали, что Громов пострадал ни за что. Все с сочувствием смотрели на Женю и потихоньку показывали кулаки Толику. Даже Леня Травин показал кулак, хотя он никогда не дрался. Леня боялся повредить пальцы. Тогда из него не получится великий скрипач.

Дверь за Громовым закрылась.

— Я жду, Рыжков, — сказала Анна Гавриловна.

Толик покраснел и завозил руками. Он очень жалел, что поступил так неосторожно. Он уже понял, что пятерки надо получать совсем по-другому. С завтрашнего дня у него будут одни пятерки. А сейчас... Сейчас надо что-то отвечать.

— Я, Анна Гавриловна, — начал было Толик, но тут же как-то странно дернулся и плюхнулся на скамейку. Это Саша Арзуханян, дотянувшись ногой под партой, стукнул его под коленку.

— Арзуханян, сядь на переднюю парту, — сказала Анна Гавриловна.

И Саша Арзуханян, который не боялся спорить даже с самой учительницей, на этот раз молча прошел по классу и сел на переднюю парту.

— Сядь, Рыжков, — сказала Анна Гавриловна. Она обвела взглядом класс и добавила: — Я всегда думала, что мы с вами друзья. И у нас был уговор: все честно рассказывать друг другу. Пока я выходила, что-то случилось. Но вы не хотите со мной разговаривать. Я вижу, что вы ко мне стали плохо относиться...

— Нет, Анна Гавриловна! Нет! — закричали ребята.

Но учительница продолжала:

— Подумайте и сами решите, будем мы с вами дальше дружить

или нет. А наказывать я никого не буду. Ни Громова, ни Арзуханяна. Можете вести себя как хотите.

Раздался звонок. Анна Гавриловна взяла журнал, указку и вышла из класса. Ребята молчали. Потом Саша Арзуханян сказал:

— Ну ладно, Рыжков, пусть только уроки кончатся...

VI

После уроков Толик вышел из класса последним. Он не пошел сразу на улицу. Он походил по пустым коридорам, заглянул в спортзал. Там старшекласники играли в баскетбол. Толик прокрался в зал и сел в уголке на скамейку. Несколько минут его не замечали, но потом мяч откатился к самым его ногам. Потный и свирепый десятиклассник подобрал мяч и закричал на Толика:

— Ты чего под ногами путаешься!

— Я не путаюсь, — сказал Толик.

— Ты еще у меня поговори! — зарычал десятиклассник.

Толик встал со скамейки и тихонько пошел к дверям. Бесполезно спорить с десятиклассником. Особенно если он проигрывает. Когда проигрывают, всегда злятся не на того, на кого нужно.

Толик поднялся на второй этаж, заглянул в пионерскую комнату. Там уже никого не было. На третьем этаже тоже никого не было. Лишь в дальнем конце коридора слышалось какое-то поскребывание.

Толик побрел туда. Там была нянечка. Она вытирала пол сырой тряпкой. Она покосилась на Толика, но ничего не сказала. Толик стал смотреть, как она вытирает пол. Наконец нянечка не выдержала.

— Ты чего домой не идешь? — сказала она. — Сегодня телевизор детский.

— Детский уже кончился, — ответил Толик. — Его в пять показывают.

— Ну все равно — иди. Не мешайся, — сказала нянечка.

— А хотите, я вам помогу?

— Чего это с тобой сегодня случилось? — удивилась нянечка.

— А я вообще люблю помогать.

— Сказано тебе — иди, — рассердилась нянечка. — Еще наработаешься.

Делать нечего. Толик медленно спустился по лестнице. Осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. За оградой школы, на тротуаре, стояли ребята. У Толика похолодело в животе. Он надеялся, что они уже ушли. Но они не ушли. Они ждали Толика. И вовсе не затем, чтобы пригласить его поиграть в футбол или шайбу.

Там были Женя Громов, Саша Арзуханян, Леня Травин. Немного в стороне от них стоял Мишка Павлов. Мишка драться не будет, скорее всего он заступится, потому что Мишка все-таки друг. Травин тоже не в счет. Если он придет домой с поцарапанными пальцами, его за это не похвалят. Зато уж Громов и Арзуханян времени терять не будут. Они всегда ходят вместе, заступаются друг за друга. Их побаиваются даже пятиклассники.

Толик вздохнул и сунул руку в карман. Очень уж ему не хотелось тратить спичку на такие пустяки. Но ничего не поделаешь. Шишки получать ему не хотелось еще больше.

Толик достал коробок. Прежде чем сломать спичку, он еще раз выглянул за дверь. Может, ушли? Ну ладно, пускай стоят. Им же хуже. Теперь Толик знал, что загадать. Он и сейчас такое загадает, что они не обрадуются.

Толик переломил спичку. Второпях он забыл про Мишку. Конечно, про него не надо было загадывать. Мишка, наверное, остался, чтобы помочь Толику. Но Толик об этом просто не подумал. Он загадал про всех сразу и вышел на улицу.

Ребята увидели его.

— Иди, иди, — сказал Арзуханян. — Иди, не бойся. Из-за тебя Анна Гавриловна с нами поссорилась. Сейчас ты получишь.

— Толик, не бойся! — крикнул Мишка.

— А ты, Павлов, лучше отойди, — сказал Громов. — А то и тебе попадет.

— Не вмешивайся, Павлов. Я уже не вмешиваюсь, — сказал Леня Травкин и засунул поглубже в карманы свои драгоценные руки.

— А я и не боюсь! — крикнул Толик. И, чтобы ребята еще больше разозлились, добавил: — Чихать я на вас хотел. Понятно?

Толик подошел и встал напротив Арзуханяна.

Тогда Мишка тоже подошел и встал сзади Толика. А Женя Громов встал сзади Мишки.

— Да ты не бойся, — сказал Арзуханян и сплюнул на ботинок Толика, но не попал.

— Да я не боюсь, — ответил Толик и сплюнул на ботинок Арзуханяна и попал.

— Ах, так? — сказал Арзуханян.

— Да, так... — ответил Толик.

— Ну, тронь... — сказал Арзуханян.

— А ты тронь, — ответил Толик.

— Я-то трону.

— Попробуй.

— Я-то попробую.

— Чего же ты не трогаешь?

— Я-то трону, — сказал Арзуханян, размахнулся и стукнул Громова.

— Ты чего дерешься! — закричал Громов и стукнул Мишку.

— Ты чего пристаешь! — закричал Мишка и стукнул Леню Травина.

Леня Травин удивился. Он подумал немного, вынул из карманов свои драгоценные руки и стукнул Арзуханяна. Началась свалка.

Громов, Арзуханян, Травин и Мишка колотили друг друга, а Толик стоял рядом, но они как будто не замечали его. Они кричали:

— Вот тебе за Анну Гавриловну!

— Вот тебе за пятерку.

В общем, поднялся такой шум, что ворона, примостившаяся на ночь под крышей школы, проснулась, посмотрела вниз, каркнула и полетела досыпать на другую улицу.

Интереснее всего было то, что Арзуханян все время пытался стукнуть Громова, хоть они дружили с первого класса. А Травину, который вообще уже ни в чем не был виноват, больше всего доставалось от Мишки. А сам Травин не обращал на Мишку внимания. Он вцепился в Арзуханяна и выкручивал ему ухо своими музыкальными пальцами.

Все это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошел какой-то гражданин с веником под мышкой. Наверное, он шел из бани, по тому что лицо у него было красное, распаренное. Не долго думая, он хлестнул Травина по спине веником, затем оттащил Арзуханяна от Громова и сказал басом:

— А ну, кто хочет в милицию?

Больше он ничего не успел сказать. Через секунду на месте драки никого не осталось. Травин, Арзуханян и Громов ударили через проходной двор. Они бежали очень быстро, хотя за ними никто не гнался. А Мишка и Толик улепетывали на другую сторону улицы. Они пробежали квартала два и пошли шагом.

— Ничего себе дела, — сказал Мишка, когда немного отдышался. — Я даже не понимаю, чего я с ними драться стал. Я думал за тебя заступиться. А они тебя даже не тронули. Я драться не хотел. Только знаешь чего... — Мишка оглянулся и прошептал: — У меня руки будто сами размахивались. Честное слово! Я хочу в сторону отойти, а меня будто кто-то не пускает. И руки сами размахиваются... И я — бац! бац! А сам даже не хочу вовсе.

— У тебя, Мишка, руки правда сами размахивались, — подтвердил Толик. — Ты не виноват. Это я виноват. Я про всех загадал, а про тебя забыл загадать, чтобы тебе не драться.

— При чем тут «загадал»? — удивился Мишка.

— При том. Знаешь, у меня чего есть?

— Чего?

— А ты никому не скажешь?

— А я про милицию сказал? — обиделся Мишка.

— Тогда слушай, — сказал Толик. — Сначала ты не поверишь. Но я тебе докажу. У меня есть...

Но тут Толик замолчал. Он вдруг подумал, что Мишке не надо рассказывать про коробок. Конечно, Мишка — друг. Он никому не проболтался про милицию. Но одно дело милиция, а другое — коробок.

За этот день Толик так привык к чудесам, что ему казалось, будто он всю жизнь живет с этим коробком. А Мишка может кому-нибудь проговориться. Тогда у Толика коробок отнимут. Или стащат. Можно сказать, один раз в жизни повезло. Зачем же болтать об этом первому встречному? Конечно, Мишка, не первый встречный. И Толик обязательно с ним поделится. Он даст Мишке пять спичек. Или даже

десять. А может быть, половину. Но не сейчас. Потом. Завтра. Или послезавтра.

— Так чего у тебя есть? — нетерпеливо спросил Мишка.

— Да ничего у меня нет, — сказал Толик. — Просто я пошутил.

— А ты не врешь? — подозрительно спросил Мишка.

— Нет. Когда я тебе врал? — спокойно ответил Толик.

— А за что тебя в милицию забрали?

— Дорогу перешел неправильно.

— Я хотел с тобой вместе в милицию пойти, а потом испугался, — признался Мишка.

— Все равно ты бы ничего не сделал, — сказал Толик. — Они же сильнее.

— Сильнее, — согласился Мишка.

Некоторое время приятели шагали молча. Они уже подошли к переулку, где жил Толик. И тут Мишка спросил:

— Толик, а почему тебе Анна Гавриловна пятерку поставила? Ты же плохо отвечал. Я ведь сам слышал.

— Я неправильно загадал... — начал было Толик и спохватился. Конечно, загадал он неправильно. Нужно было загадать, чтобы хорошо ответить. А он сломал спичку и сказал: «Пускай мне поставят пятерку». Анна Гавриловна ничего не могла поделать. Ей пришлось поставить пятерку за плохой ответ.

А ребята все заметили. Про них Толик ведь не загадывал. Больше он такой глупости не сделает. Но Мишке пока знать об этом совсем не обязательно.

— Чего ты неправильно загадал? — спросил Мишка. — Ты уже второй раз говоришь про «загадал».

— Я ж не виноват, — сказал Толик — Она сама поставила. Ты же сам видел.

— Я видел, — согласился Мишка. — Только я все равно ничего не понимаю.

— До свиданья, Мишка, — сказал Толик. — Меня папа ждет.

— Завтра придешь? Будем самолет доделывать.

— А хочешь, я тебе настоящий самолет подарю? — засмеялся

Толик.

Но Мишка, конечно, не догадался, что Толик говорит всерьез. Он уже привык, что Толик любит сочинять небылицы. И, как всегда в таких случаях, Мишка постучал по лбу согнутым пальцем. И на этот раз Толик не обиделся. Ведь он говорил правду.

Через две ступеньки Толик взлетел на четвертый этаж.

— Здравóво, приятель, — сказал папа, открывая дверь.

— Телевизор кончился? — спросил Толик.

— Для вас кончился, для нас начался, — ответил папа. — Двоек много нахватал?

Толик швырнул портфель на стул.

— Одну пятерочку нахватал, — сказал он небрежно. — Мама дома?

— Мама на работе. Есть будешь?

— Открой баночку ананасов, — попросил Толик.

— Я тебе дам ананасов, — пригрозил папа. — Я уж тут видел одну пустую банку. Твоя работа?

— Мама сама дала.

— Напрасно дала, — сказал папа. — Договорились же — к празднику. Я вообще не понимаю, что с ней сегодня случилось. Она звонила мне на работу и просила купить тебе два мяча, канадскую клюшку и две шайбы. Зачем тебе два мяча и две шайбы?

— Просто так, — сказал Толик. — Я пошутил. Можно один мяч и одну шайбу. Купишь?

— Посмотрим на ваше поведение, — сказал папа. — Ты, старик, на кухне сам справишься? А то у меня второй тайм начинается.

— Ты смотри, — согласился Толик. — Я сам погрею.

— Молодец, старик, ты у меня уже совсем взрослый, — сказал папа и убежал к телевизору.

У папы сегодня было хорошее настроение. Наверное, его команда выигрывала. Он всегда называл Толика «старик», если ему было весело. А маму тогда называл «старуха». Маме это не нравилось. А Толику было все равно — старик так старик.

На кухне Толик допил остатки ананасного сока из банки. Затем он поставил на плиту кастрюлю с супом, достал из кармана спички и... сразу забыл про суп. Зато вспомнил как глупо он израсходовал сегодня столько спичек. Эх, если бы начать день сначала. Ведь если говорить всерьез, то почти все спички были истрачены почти зря.

Первую капитан сломал и выбросил в пепельницу, но ничего не сказал, и она пропала, как самая обыкновенная спичка.

Второй спичкой капитан превратил Зайцева в голубя. Зайцев не понравился Толику. Но оттого, что на свете стало одним Зайцевым меньше, а одним голубем больше, Толику не было никакой пользы.

Третья спичка отправила толстяка в милицию. Это еще ничего. В другой раз не будет смеяться. Пусть поплачет вместе со своими толстыми детьми.

Четвертая — маме. Хорошо это или нет, еще неизвестно. Если купят мяч, клюшку и шайбу, тогда еще ничего.

Пятая — совсем глупая. Ведь из-за нее пришлось потратить и шестую. А главное, ребята все равно не забудут про пятерку. Про них ведь Толик не загадывал. Еще из этого дела придется выкручиваться. Вот явится завтра Толик в школу, а его снова начнут спрашивать про пятерку...

Толик вздохнул. Ничего не поделаешь. Надо потратить еще одну.

Толик переломил спичку и сказал:

— Пускай ребята забудут про пятерку.

Толик с сожалением разглядывал обломки спички. Это были мячи, клюшки, отличные отметки, банки ананасов и сотни порций мороженого. Все это пропадало вместе со спичкой.

«А может быть, я могу загадать еще какое-нибудь желание?» — подумал Толик и крикнул первое, что пришло в голову:

— Хочу сто сливочных тянучек!

Толик посмотрел на потолок, откуда, как он думал, свалятся тянучки. Но на потолке тянучек не было. Там сидела первая весенняя муха и потирала ладошки.

Одна спичка могла выполнить зараз только одно желание.

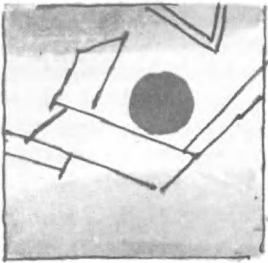
Толик выложил на стол все спички и принялся их пересчитывать.

В этот момент в комнате, где сидел папа, раздался оглушительный рев телевизора. Затем выбежал папа и крикнул:

— Старик, наши ведут два-ноль! Будет тебе клюшка!

Толик быстро прикрыл спички руками, но папа не обратил на них никакого внимания и снова скрылся в комнате.

А Толик моментально собрал спички и отправился спать. Он очень устал сегодня и заснул сразу. Ему снилась прекрасная жизнь, в которой исполняются все желания. Ему снилось все сразу: горы клюшек, тысячи мячей и еще, как они с Мишкой летят на космическом корабле «Восток», а внизу стоит Гагарин, грозит им пальцем и кричит, чтобы они скорее спускались.

VII

Утром Толик проснулся рано. Он долго лежал с открытыми глазами и все старался понять, отчего сейчас так хорошо и приятно. Он чувствовал себя так, будто сегодня был первый день каникул, а впереди — длинное лето, когда можно каждый день купаться и не ходить в школу. В общем, что-то радостное было впереди, но никак не вспоминалось, что именно.

В коридоре слышались осторожные шаги. Поскрипывал паркет. Это мама тихонько пробиралась на кухню. Тихонько, чтобы не разбудить Толика. На кухню — чтобы приготовить ему завтрак.

Толик слышал, как зашумел газ и звякнуло что-то железное. Потом все стихло. Наверное, мама прикрыла дверь.

Толик закрыл глаза и стал вспоминать все в обратном порядке. Вот он летит на спутнике, а внизу — Гагарин. Мишка — рядом. Он в космическом костюме. А Толик — в школьной форме. И как будто он не внутри кабины, а снаружи. Но дышится ему легко, и он видит Гагарина, который приказывает им спускаться. А Толик кричит: «Все в порядке. Самочувствие отличное!» — и увеличивает скорость. Это, конечно, сон.

А вот — канадские клюшки, сложенные кучами, как дрова. И это сон.

Папа вбегает на кухню и кричит, что наши ведут: два-ноль. Это уже не сон, потому что перед этим было... И тут Толик вспомнил, что было перед этим, и похолодел. Он быстро сунул руку под подушку. Коробок был там. «Ура!» — крикнул Толик. Конечно, крикнул он мысленно, про себя. Кричать вслух не стоило: мама могла услышать и поинтересоваться, почему он кричит «ура», вместо того чтобы чистить зубы.

Коробок лежал под подушкой. И теперь было понятно, отчего Толику так легко и совсем не хочется спать.

Все это было оттого, что коробок не приснился. Он был настоя-

щим. Он был волшебным. А Толик был теперь самый счастливый человек на свете.

Дверь чуть приоткрылась. В щелке показался настороженный мамин глаз.

— Ты не спишь? — послышался шепот.

— Я давно проснулся, — ответил Толик, засовывая спички поглубже под подушку.

— С добрым утром! — сказала мама, входя в комнату. — А я уже приготовила тебе завтрак — твои любимые оладьи с вареньем. Иди скорей умывайся.

— Можно, я не буду умываться? — спросил Толик.

— Конечно, — охотно согласилась мама. — Ходи грязный, если тебе хочется.

Толик подозрительно взглянул на маму. А мама ласково смотрела на Толика. И лицо ее сияло таким доброжелательством, что сомнений не оставалось: коробок продолжал действовать.

— И зубы чистить не буду, — сообщил Толик.

— Ну, разумеется, — сказала мама и нахмурилась. — Я всегда возмущалась матерями, которые принуждают своих детей чистить зубы. Но я не из таких. Дети должны делать, что им хочется. А матери должны выполнять все их желания. Иначе — для чего бы мне жить на свете? Конечно, только для тебя — самого дорогого и любимого моего мальчика.

Пока невымытый Толик уплетал оладьи с вареньем, мама не сводила с него глаз. Она следила за каждым его движением, подкладывала на тарелку варенье, подвигала поближе стакан с кофе и, казалось, была вне себя от счастья, наблюдая, как Толик пережевывает оладьи нечищеными зубами.

— Спасибо, — сказал Толик, прожевав девятую оладью.

Мама смутилась:

— Ну что ты, Толик... Это я должна сказать тебе спасибо.

— За что?

— За то, что ты так хорошо покушал.

— Не стоит, — сказал Толик. — Мама, я пойду уроки учить.

— Ты у меня умница, — сказала мама. — Учи хорошенько. Будешь ученым.

— Или пойду лучше погуляю? — спросил Толик.

— Конечно, лучше погуляй, — обрадовалась мама. — Зачем тебе уроки учить! Не всем же быть учеными. Расти лучше неучем.

Засунув коробок поглубже в карман, Толик вышел во двор.

Утро было солнечное, но во двор солнце еще не пришло. Оно гуляло где-то над крышами, с которых свесились уже маленькие, истекающие последними слезами сосульки.

В этот двор солнце приходило лишь к концу дня. И это было очень хорошо. Только поэтому сохранилась еще в дальнем конце двора небольшая площадка с утоптаным снегом, на которой ребята гоняли шайбу.

Они были там и сейчас. Ровесники Толика, и ребята поменьше, и даже совсем малыши. Первыми выходили гулять малыши: им не нужно было учить уроков. Они приносили палки, обломки дедовых тросточек, доски от ящиков и прочее деревянное барахло. У них не

было ни одной настоящей клюшки, а шайбу заменял резиновый мячик. Малыши кучей носились по площадке, орали, били друг друга по ногам своими палками и воображали, что играют в хоккей.

Попозже, выучив уроки, выходили ребята из третьих, четвертых и пятых классов. Малышей прогоняли с площадки, и начиналась игра уже посерьезнее. Настоящих клюшек и у них было немного, но зато была шайба, а самодельные клюшки все-таки походили на взаправдашние, потому что состояли из двух палок, прибитых друг к другу под углом.

Когда Толик вышел из дому, час малышей уже кончился. Некоторые, правда, пытались робко дотронуться своими палками до настоящей шайбы, прыгающей по площадке, но их «слегка» подталкивали, и они вылетали с площадки быстрее шайбы.

Играли без коньков. Воротами служили два ящика, поставленные набок.

— Иди сюда, Толик, — позвали ребята.

Толик нехотя подошел. Играть ему хотелось. Но он знал, что никто не отдаст ему клюшки, а свою Толик сломал два дня назад.

— У меня клюшки нет, — сказал Толик.

— Становись на ворота.

— На воротах тоже клюшка нужна.

— А ты вон у него возьми.

Толик хмуро взглянул на последнего малыша, чудом уцелевшего на площадке. В руках у него было что-то вроде обломка костыля. Не очень-то большое удовольствие играть такой закорючкой! Но все же это лучше, чем стоять в стороне.

— А ну дай сюда! — приказал Толик.

Малыш жалобно взглянул на Толика своими ясными глазами и протянул ему закорючку.

— А ну беги отсюда! — грозно сказал Толик.

Малыш понял, что до конца игры клюшки ему не видать как своих ушей. А если ее сломают, то и вообще не видать. Но ничего не поделаешь. Малыш вздохнул и отошел в сторону, мечтая о том времени, когда он вырастет и ему купят настоящую клюшку и он этой клюшкой огреет Толика по затылку.

Игра началась стремительной атакой на ворота Толика. Нападающие и защитники столпились возле ящика и молотили клюшками по шайбе. И так как они ударяли почти одновременно, то шайба не продвигалась ни назад ни вперед, а лишь слегка подпрыгивала на месте. Наконец кому-то удалось вытолкнуть ее на свободное место. Толик заметался в воротах, встал на одно колено, как это делают настоящие вратари. Бросок! Шайба попала Толику в колено и отскочила в поле. Тут же ее подхватили защитники и помчались к другим воротам. Толик потер ушибленное колено, но, увидев, с каким восхищением смотрят на него малыши, выпрямился и небрежно сплюнул.

Тем временем шайба застряла у чужих ворот. Ее гоняли с края на край, швыряли по воротам издалека и с близкого расстояния, но никак не могли попасть. Там не было вратаря, и вместо ворот поставили совсем маленький ящик.

Наконец один нападающий из команды Толика вывел шайбу за ворота и забил ее с другой стороны в щель между досками. Игра прекратилась. Ребята сгрудились в кучу и спорили, считать гол или нет. Толику было скучно. Не очень большое удовольствие торчать в воротах и ждать, пока к ним подкатится шайба. Может быть, еще целый день будут гонять на серединке. Тем более, что скоро придут шестиклассники и семиклассники и погонят с поля всех до единого. У них своя игра.

Скучая, Толик оглядывал двор. Он увидел, как из парадной вышла мама и направилась на улицу. Она торопилась, наверное, в магазин.

Но вот шайба снова вернулась к воротам Толика. На этот раз его огрели клюшкой по другому колену и забили гол. Потом снова надолго застряли на противоположном конце площадки. Шайбу, забитую сквозь щель, не засчитали, и, значит, противник вел один-ноль. От этого становилось еще скучнее. Толик любил забивать, а не пропускать голы.

Снова появилась мама. Она что-то несла в руках. Нет, не что-то! Толик бросил ворота и побежал маме навстречу. Ребята остановили игру и с завистью смотрели, как мама Толика протягивает ему новенькую канадскую клюшку.

— Ты просил две, — сказала мама, — но в магазине осталась одна-единственная. Я уж с ними ругалась, ругалась... Говорят, одна, больше нет. И мячей нет. Просто безобразие! Я сейчас поеду в универмаг.

— Ничего, — сказал Толик, — потом купишь. Тебе ведь на работу надо.

— Ну, работа — неважно, — отмахнулась мама. — Важно, чтобы у тебя было все необходимое для этой замечательной игры, хоть я и не знаю, как она называется.

— Мама, иди, пожалуйста, на работу, — нервно сказал Толик. Он видел, что ребята прислушиваются к их разговору. Он боялся расспросов.

— Если ты меня отпускаешь, я иду. До свиданья, мальчик, — сказала мама.

Ребята засмеялись. Толик небрежно швырнул клюшкой обломок сосульки, и ребята сразу позабыли, чему они смеялись. Тут было не до смеха. Настоящая новенькая полированная клюшка была просто замечательна.

— А ну-ка дайте шайбу, — сказал Толик.

Ему подвинули шайбу.

— А ну-ка отойдите от ворот, — сказал Толик.

Все послушно посторонились.

Толик поправил шайбу клюшкой, приладился и швырнул. Шайба с грохотом влетела в ящик. Клюшка, так хорошо спружинившая во время броска, нервно подрагивала в руках Толика. Толик ногой отшвырнул закорючку, с которой он стоял в воротах.

— Забирай свою палку! — крикнул он малышу. — Давайте, ребята, поехали.

Играл Толик ничуть не лучше других. Но все так почтительно расступились перед ним, боясь повредить новую клюшку, все так

подсовывали ему шайбу, чтобы посмотреть, как такая клюшка бросает по воротам, что Толику без особого труда удалось забить две шайбы. После этих шайб ему стало казаться, что он и на самом деле играет лучше всех. Он стал командовать.

— Пас! — орал Толик. — Кому даешь, мазло? Мне давай!

И ему давали. И он швырял по воротам. И мазал. И попадал. И у него была новая клюшка.

Толик носился по двору, орал на своих и на противников и не замечал ничего вокруг. А замечать стоило. Во двор помаленьку собирались старшие школьники. Среди них был Олег Чичерин, по прозвищу Чича. У него тоже не было клюшки.

— Пас! — заорал Толик, выбегая на край площадки.

А на краю площадки Толик кого-то задел плечом. Он на секунду остановился, поднял голову и замер. Прямо на него, мерзко улыбаясь, смотрел Чича.

— А ну покажи, — сказал Чича, протягивая руку к клюшке.

— Это моя клюшка, — тихо сказал Толик.

— А ну дай сюда! — приказал Чича.

Чича постучал клюшкой о снег, попробовал ее на изгиб и подошел к шайбе. Рисуясь, он поплевал на перчатки, толкнул шайбу носком ботинка и с ходу бросил ее в ящик. Бросок был сильный. Ящик даже чуть не опрокинулся.

— Поехали, — сказал Чича.

Толик и его ребята стояли в сторонке и смотрели, как носилась по площадке банда старшеклассников. У них почти у всех были настоящие клюшки. И поэтому клюшку Толика никто не жалел. По ней лупили точно так же, как и по остальным. Каждую секунду она могла превратиться в обломки. И Толик не выдержал.

Он выбрал минутку, когда Чича оказался рядом, и попросил:

— Чича, отдай.

— А ну иди отсюда! — грозно сказал Чича и треснул по шайбе изо всей силы.

В эту минуту Толик ненавидел Чичу. Он помнил про коробок и понимал, что может отнять клюшку в любой момент. Но ему не хотелось тратить волшебную спичку на такие пустяки. Уж и так много спичек было истрачено совершенно напрасно. И Толик попробовал последнее средство.

— Я маме скажу, — пообещал он и направился к своей парадной.

— Стой, — приказал Чича, которому вовсе не хотелось связываться ни с какой мамой. — Давай тогда так. Собирай свою команду. А я соберу свою. И мы сыграем. Если проиграем мы, то отдадим вам свои клюшки. А если проиграете вы, то отдадите свои клюшки нам. И все будет честно.

Чича подмигнул своим. Старшеклассники дружно заржали. Каждый из них был чуть ли не на голову выше Толика. Выиграть у них было невозможно. Толик понимал, что его подначивают. Но именно потому, что его подначивали, ему стало особенно обидно. Тем более, что вся эта банда старшеклассников смеялась так нахально, будто играли они сильнее всех в мире. Уж наверное, они были не сильнее волшебного коробка!

— Ну и сыграем! — сказал Толик, внезапно решившись.

— Один период — десять минут, — сказал Чича. — По нашему уговору — на клюшки. Не забудь про уговор.

— Сам не забудь, — отозвался Толик. — Давай, ребята, кто со мной?

Но приятели Толика благоразумно жались в сторонке. Никому не хотелось расставаться со своими клюшками. В этом момент Толик увидел Мишку, которому наскучило ждать дома.

— Мишка, иди сюда! — крикнул Толик. И обернулся к Чиче. — Мы с ним вдвоем сыграем.

— Давайте двое на двое, — согласился Чича, ставший вдруг очень покладистым. — Уговор тот же. Если у него нет клюшки, на одну твою сыграем. А выиграете — обе наши заберете.

Старшеклассники снова заржали. Они просто чуть не валились на землю от хохота. Пока они смеялись, Толик объяснил Мишке, в чем дело.

Верный Мишка согласился сразу, хотя и не умел играть. Он считал, что друзья должны помогать друг другу в любом случае. У него не было клюшки, но он согласился играть ногами.

— Ты им, главное, мешай побольше, — сказал Толик. — А забивать я буду.

— Ну, скоро вы там? — сказал Чича, выбрав у своих приятелей самую лучшую клюшку.

Толик, не отвечая, бросился в парадную, сломал спичку и проигнес:

— Хочу забить двадцать голов. — Он был уверен, что двадцати хватит.

Толик и Мишка встали на середине поля. Против них стояли Чича и самый здоровый из старшеклассников.

— Команде младших — физкультпривет! — сказал Чича.

— Команде старших — физкультпривет! — сказал Толик.

Он понимал, что хитрый Чича нарочно старался сделать вид, будто все идет по правилам. Но не ответить было нельзя. И все действительно получилось будто бы по правилам. Теперь только последний негодяй мог не отдать клюшку после проигрыша.

Один из старшеклассников вбросил шайбу. Толик и Чича одновременно опустили клюшки, одновременно коснулись шайбы и...

Никто ничего не понял. Шайба, словно оттолкнувшись от клюшки Толика, со свистом понеслась по воздуху и грохнула в ящик. Старшеклассники разинули рты. Они подумали, что Чича случайно бросил по своим воротам. Даже сам Чича недоуменно вращал головой и соображал, как же это его угораздило швырнуть шайбу не в ту сторону.

— Ноль-один, — сказал наконец Чича. — Вбрасывай.

И снова шайба забила в ящике.

Семь раз вбрасывал Чичин приятель шайбу, и семь раз, прежде чем игроки успевали сделать хоть один шаг, она оказывалась в ящике старшеклассников.

Чича так и не понимал, в чем дело. После каждого гола он оглядывался на своих приятелей. А приятели теперь уже думали, что Чича решил дать фору. Сначала они посмеивались, но после седьмой

шайбы перестали смеяться. Они кричали, что довольно валять дурака — пора играть по-настоящему.

После десятого гола Чича нахально оттолкнул Толика прежде, чем шайба коснулась земли, завладел ею и повел к воротам. Не ожидавший такого приема, Толик даже не пытался его догнать. И счет стал 10 : 1. Еще девять раз повторил Чича тот же прием. 10 : 10. Толику никак не удавалось прикоснуться к шайбе. Старшекласники задыхались от смеха. Им казалось ужасно остроумным, что Чича сперва дал такую фору, а теперь запросто выигрывал.

Не до смеха было только Чиче. Десять шайб достались ему с трудом. Он забывал их один, не обращая внимания на своего приятеля. А тот напрасно бегал к воротам и ждал паса. Чича не доверял ему, потому что играл лучше. Но все же Чича заметно устал. Да еще Мишка путался у него под ногами, и его приходилось обводить.

При счете 11 : 10 в пользу старших Мишка перешел к решительным действиям. Играть он не умел, но старался изо всех сил. Он бросался Чиче в ноги, пинал его клюшку, преграждал ему дорогу. Он знал, что в хоккее разрешаются силовые приемы, и поэтому не очень обижался, когда после сильного толчка летел на землю. Мишка готов был расшибиться в лепешку. И он помаленьку расшибался: ушиб локоть, колено и даже каким-то образом умудрился получить шишку на затылке. В общем-то, Мишка был тихим человеком. Но он очень хотел помочь Толику. И это ему удалось. Во всей этой суматохе Толику удалось четыре раза прикоснуться к шайбе. И неизменно шайба оказывалась в ящике Чичи. 11 : 14 в пользу младших.

— Зажми его! — крикнул Чича, показывая на Мишку. — Возьми его на корпус!

Чичин приятель подбежал к Мишке и «взял его на корпус». Вполне законный силовой прием. Да, вполне законный... Только Мишка был килограммов на пятнадцать легче и после «законного» приема покатился по земле и влетел головой в собственные ворота-ящик. А вслед за ним влетела шайба, брошенная Чичей.

Так оно и пошло: один «брал на корпус» Мишку, а другой обводил Толика и забрасывал шайбу. И когда до конца игры оставалось две минуты, счет стал 19 : 16 в пользу Чичи.

И вот уже старшекласники придвинулись поближе, чтобы дать Толику по шее, если он не отдаст свою клюшку. И вот уже Толик мысленно простился с этой клюшкой, недоумевая, почему коробок его так подвел. А Чича, утирая со лба пот, хищно поглядывал на клюшку, беспокоясь о том, чтобы Толик не сломал ее за последние две минуты.

И вдруг Толик почувствовал, что тело его стало необычайно упругим и легким, как пружина. Страх перед Чичей пропал. В руках ощущалась какая-то необыкновенная сила. Ноги перестали скользить по снегу. В одно мгновение он догнал Чичу, отнял у него шайбу, развернулся и швырнул не глядя. Гол!

Снова судья ввел шайбу в игру. И снова Толик шутя отнял у Чичи шайбу. Гол!

Приятель Чичи бросился ему на помощь, но на дороге у него самоотверженно лег Мишка. Чича, выпятив грудь, бросился на Толика. Он здорово разозлился. Он уже не думал о шайбе, а думал

лишь о том, как бы сбить с ног, смеять и даже р-р-растоптать Толика, который опозорил его перед всем двором.

Чича обрушился на Толика всей своей восьмиклассной тяжестью. А Толик, с неизвестно откуда взявшейся смелостью, легко и свободно «взял его на корпус». Он подставил плечо и тут же ловко вильнул в сторону. И Чича грохнулся на землю вместе со своим восьмилетним образованием.

Пока он лежа болтал ногами и ругался, Толик устремился к шайбе.

Гол!

19 : 19.

Судья поднял шайбу.

Он подошел к центру площадки, подождал, пока Чича займет свое место, и посмотрел на часы.

— Осталось пять секунд, — сказал он.

Судья тоже был приятель Чичи.

Он держал шайбу над клюшками Толика и Чичи, но не выпускал ее из рук. Он нахально затягивал игру, ожидая, пока кончится время. Старшеклассники уже мечтали о ничьей.

— Осталось три секунды, — подлым голосом сказал судья и крепче сжал шайбу, чтобы случайно не выпустить ее из рук.

— Две секунды...

И в этот момент шайба шевельнулась в его кулаке. Она прыгнула из его рук и упала на клюшку Толика.

— Гол! — заорал Мишка.

20 : 19!

Победа!

Малыши, отойдя на всякий случай подальше, издавали радостные вопли и стучали по мусорному баку своими костыликами. Им было приятно, что младшие набили старшим.

А старшие радостных воплей не издавали. Они молча смотрели на Чичу и ждали.

Чича облизнул сухие губы.

— Давай еще сыграем, — хрипло сказал он.

Толик, не отвечая, ковырял клюшкой снег.

— Ну, — сказал Чича.

— Мы же договорились: десять минут. Я твою клюшку не возьму. Мне не надо, — примирительно сказал Толик.

— А я говорю — сыграем еще! Понял?

Толик растерянно оглянулся. Хромая, к нему подходил Мишка. Но что мог сделать Мишка? У Толика вся смелость вдруг куда-то пропала. Он уже не чувствовал себя легким и сильным.

— Давай иди на центр! — приказал Чича. — Еще десять минут.

И Толик поплелся на центр поля. Он очень боялся Чичи. Так боялся, что даже забыл про коробок. Но тут его остановил Мишка. Мишка ничего не знал про коробок, забывать ему было нечего. И он хорошо помнил, что игра окончилась со счетом 20 : 19.

— Чича, — сказал Мишка, — мы же договорились на десять минут. Ты лучше отдай клюшку, а то у меня еще не все уроки сделаны. Мне домой нужно.

Чича даже рот раскрыл от такого нахальства.

— Чего? ... — изумленно проговорил он. — Это кто тут Чича? Ты кому сказал Чича, клоп несчастный?!

И Олег Чичерин, по прозвищу Чича, поднял руку, чтобы ударом по Мишкиному лбу показать, в чем разница между восьмым и четвертым классом.

— А ну стой! — послышался негромкий голос.

Рядом с площадкой, прислонившись к стенке дома, стоял высокий человек в синей с помпоном шапочке. Он давно уже стоял тут, наблюдая за игрой. В особенности пристально он следил за Толиком. К Толику первому он и обратился.

— Подойди ко мне, мальчик.

Чича опустил руку и насупился. Он не любил, когда посторонние вмешивались в его дела. Толик подошел к незнакомцу.

— Как тебя зовут?

Толик сказал.

— Хоккей любишь?

— Люблю, — ответил Толик, — а что?

Незнакомец написал что-то на листке блокнота и протянул листок Толику.

— Приходи в пятницу на летний каток. Будешь играть в детской команде. Согласен?

Толик торжествующим взглядом посмотрел на старшеклассников. На глазах всего двора его приглашали играть в настоящей команде. Еще бы тут не согласиться!

— Согласен, — сказал Толик.

— А теперь иди ты сюда, — незнакомец поманил пальцем Чичу.

— Ну чего? — недовольно спросил Чича.

— Ничего. Отдай ему клюшку. И запомни: настоящий спортсмен не играет ни на деньги, ни на клюшки. Но ты хотел без труда забрать клюшку у младшего. Теперь отдавай твою.

— А вам какое дело... — начал было Чича, но вдруг поперхнулся, внимательно взгляделся в незнакомца и воскликнул:

— Вы товарищ Алтынов, игрок сборной СССР?

— Это неважно, кто я, — сказал незнакомец. — Ты лучше клюшку отдай.

— Да я с удовольствием отдам, — сказал Чича, одной рукой протягивая Мишке клюшку, а другой показывая ему кулак. — Пусть берет. А вы меня в команду запишете?

— Нет, не запишу.

— А мне клюшки не надо, — сказал Мишка. — Я все равно играть не умею. Пусть лучше у него останется.

Незнакомец внимательно посмотрел на Мишку и улыбнулся.

— А ты тоже приходи. Ты очень смело играл. А хоккей — игра для смелых людей.

— Да я же играть не умею, — сказал Мишка.

— Это неважно, — сказал незнакомец. — Играть можно научиться, а вот мужеству — трудновато. Приходите оба. Я буду ждать.

VIII

Когда за час до школы Толик пришел к Мишке, тот все еще сидел за арифметикой.

— Два примера осталось, — сказал Мишка. — Столько уроков задают. Учишь, учишь целый день — погулять некогда.

— А я теперь не буду учить, — сообщил Толик.

— Ну и будешь двойки получать.

— Буду пятерки получать, — сказал Толик. — Могу поспорить. Давай поспорим. Если я хоть одну четверку получу, можешь мне сто щелчков по лбу дать. А если не получу, — тебе сто щелчков.

— Ну да, — сказал Мишка, — ты, наверное, на сегодня все выучил, а я должен тебе лоб подставлять.

— Я даже и не думал учить.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну и получишь двойку, если вызовут.

— Ну давай поспорим. Слабо?

— Давай, — согласился Мишка. — Только я все-таки арифметику доделаю. А ты посиди пока.

— Я посижу, — сказал Толик. — Я посижу и подумаю, в какое место твой лоб щелкать.

Мишка ничего не ответил. Он уткнулся в тетрадку. А Толик принялся расхаживать по комнате. Пять минут тому назад он истратил десятую спичку. И на этот раз желание было загадано что надо. Теперь Толик знал все уроки до конца года. До самого лета он мог не прикасаться к учебникам. Дома у него лежали тетрадки с заданиями, приготовленными на месяц вперед. А голова Толика была просто начинена ответами на любые вопросы. И все это — без труда, все сделалось само собой, стоило лишь сломать спичку.

Толик расхаживал по комнате и думал о том, как здорово ему повезло. Он может сделать все что угодно и потребовать все что угодно — хоть ТУ-104. Можно стать Героем Советского Союза. Или — чемпионом мира. Или — знаменитым артистом, вроде Олега Попова. Или пожелать тысячу банок консервированных ананасов. Только делать все надо осторожно, чтобы не получилось, как на уроке Анны Гавриловны.

Толик покосился на Мишку, который дописывал свою арифметику. Стоило истратить спичку, и Мишка тоже знал бы уроки хоть на десять лет вперед. Толик обязательно поделится с ним спичками. Но не сейчас. Может быть, завтра, когда придумает все свои желания. А что останется — Мишке. Ведь все-таки он — друг и с ним нельзя не поделиться.

Наконец Толику надоело молчать. Он подошел к Мишке и заглянул через его плечо в тетрадку. Мишка аккуратно выводил цифры. Толику стало смешно, что он так старается.

— Ну что, выучил? — спросил Толик. — А сколько будет дважды два?

— Не остроумно, — сказал Мишка. — Ты лучше не мешай.

Толик походил еще немного. Он услышал, как за дверью кто-то скребется, и открыл дверь. В комнату вошла Майда — большая овчарка. Толика она знала, но не обратила на него никакого внимания. Она подошла к Мишке и положила передние лапы ему на плечи.

— Толик, отстань, — сказал Мишка.

Толик засмеялся. Мишка обернулся, и Майда лизнула его в щеку.

— Лежать! — приказал Мишка.

Майда вздохнула и улеглась возле Мишки.

— Стоять! Майда! — грозно сказал Толик.

Майда покосилась на него.

— Сидеть!

Но Майда и ухом не повела. Она слушалась одного Мишку. Толик давно завидовал Мишке. Теперь он мог завести себе хоть сотню собак, даже почище Майды. Но Толику было обидно, что Майда — старая знакомая — не обращает на него никакого внимания. Ему очень хотелось, чтобы Майда его лизнула или хотя бы положила лапы на плечи. Ведь собаки никогда не подлизываются и не врут. И если к тебе хорошо относится собака, — значит, и сам ты неплохой человек.

Толик встал на четвереньки и подполз к Майде. Он подставил ей щеку, чтобы она лизнула его, как Мишку. Майда отвела морду в сторону. Она даже закрыла глаза, как будто ей было противно смотреть на Толика.

— Дура, — сказал Толик.

Майда вздохнула, поднялась, потянулась и вышла из комнаты с таким видом, будто ей надоело слушать глупости.

— Мишка, — сказал Толик скучным голосом, — сколько будет трижды три?

Мишка дописал ответ последней задачки и встал.

— Все, — сказал он. — Можно идти в школу.

— Нет, ты скажи, сколько будет трижды три.

— Девять.

— Воображала, — сказал Толик. — Профессор арифметики.

Но Мишка не стал ссориться, потому что он был человек добрый, и ребята вместе пошли в школу.

Пожалуй, не стоит рассказывать, как прошел этот день. Потому что главное случилось не на уроках, а после них: Во время уроков Толика вызывали три раза, и он получил три пятерки. И это не стоило ему никакого труда. Язык сам собой болтался у него во рту и говорил то, что нужно. Он отвечал точно, как написано в учебнике. Толик даже не слушал, что произносит его язык. Он знал, что все будет правильно.

Учителя его похвалили. Анна Гавриловна тоже похвалила, но сказала, что напрасно он говорит слово в слово по учебнику, как будто у него своих слов нет. Все же пятерку она поставила. А ребята про вчерашний день ничего не напомнили и ничего Толику не сказали.

После уроков Толик вместе со всеми вышел на улицу.

— Эй, ребята, — сказал он, — подождите, я сейчас Мишке буду щелчка давать. Он мне проспорил. Мишка, иди сюда.

— Я-то проспорил, — сказал Мишка. — Может быть. Только ты врешь, что уроки не учил. Если бы не учил, ты бы на пятерки не ответил.

— Честное слово, не учил!

— Честное слово, врет, — сказал Саша Арзуханян.

— Очевидно, врет, — заключил Леня Травин.

— Кто врет?! — возмутился Толик.

— Ты, — сказала Лена Щеглова. — Ты, ты, ты... И еще раз: ты, ты, ты...

— Я вру?! А хочешь, докажу?

— Не докажешь, — сказала Лена. — Не докажешь, не докажешь...

— Я не докажу? Да я... Да у меня... — сказал Толик и сунул было руку в карман, но вовремя опомнился.

— Ну, чего у тебя?

— Ничего, — ответил Толик. — Мишка, подставляй лоб.

И хотя ребята были на стороне Мишки, никто за него не заступился, потому что всем было интересно посмотреть, как он получит сто щелчков. Да Мишка и не допустил бы, чтобы за него заступались.

Он подошел к Толику и подставил лоб.

— Бей.

Первый раз Толик щелкнул на совесть. Даже ногтю стало больно. Ребята, обступившие их, засмеялись, потому что удар вышел звонкий, а Мишка зажмурился.

После двадцати ударов на Мишкином лбу появилось красное пятно.

— Теперь в другое место бей, — посоветовал Леня Травин. — А то нечестно.

— Куда хочу, туда и бью, — сказал Толик, — правильно, Мишка?

— Ты давай бей, — ответил Мишка. — Ты меня лучше не спрашивай.

Толик ударил еще три раза.

— Хватит, — сказал Толик. — Остальные я тебе прощаю.

Мишка покраснел. Он пошире расставил ноги, как будто хотел лучше укрепиться на земле.

— Мне твоего прощения не нужно, — сказал Мишка. — Семьдесят семь осталось. Бей дальше.

— А я не буду! — заупрямился Толик.

— Тогда я вообще с тобой не разговариваю, — сказал Мишка.

— Все равно бить не буду!

Мишка исподлобья взглянул на Толика, поднял с земли свой портфель и молча пошел прочь. Ребята, поняв, что представление закончилось, тоже разошлись. Толик остался один. Он видел, как, сгорбившись, будто неся на плечах большую обиду, удаляется от него Мишка. Толику вдруг стало нехорошо и тоскливо, словно он остался один во всем мире. Он убеждал себя, что спор был все-таки честный. Уроков он на самом деле не учил. И щелчки, которые получил

Мишка, тоже были честными. Но на душе у него было по-прежнему противно, а Мишка, уходил все дальше и дальше.

— Мишка, подожди! — крикнул Толик и бросился вдогонку. — Мишка, ведь ты же проспорил, — сказал он, дергая друга за рукав. — Чего ты обиделся, если сам проспорил?

— Отстань, — сказал Мишка. — Я не обиделся. Я с тобой не разговариваю.

— А хочешь мне щелкнуть? — предложил Толик.

Мишка наклонил голову и зашагал еще быстрее. Он больше ничего не отвечал и не оборачивался, и Толику вдруг стало жалко Мишку и обидно, что они поссорились. Почему-то было жалко и себя тоже и очень хотелось придумать что-нибудь, отчего все стало бы по-прежнему.

Конечно, Толик мог сломать спичку и Мишка побежал бы к нему обниматься. Сначала Толик так и хотел сделать. Но тут же он подумал, что таких друзей коробок мог наделать сколько угодно. А Мишка все-таки был один.

Внезапно решившись, он выхватил из кармана коробок, подбежал к Мишке и протянул ему спички.

— Мишка, — сказал он, — ладно, давай мы их пополам разделим. Можешь сам разделить. Ты ведь еще ничего не знаешь. Ты сам раздели, а потом я тебе расскажу.

Но Мишка молча оттолкнул его руку. Спички рассыпались по тротуару. А пока Толик их подбирал, Мишка скрылся за углом дома.

IX

На летний каток Толика отпустили неохотно. Не мама, конечно, а папа. Вечером мама и папа долго спорили о том, можно ли Толику играть в хоккей. Папа говорил, что при игре в хоккей ничего не стоит поломать ноги или, в лучшем случае, потерять один — два зуба.

— Я не хочу, чтобы мой сын стал калекой. А хоккей очень грубая игра, — сказал папа.

— То-то ты и сидишь целый вечер перед телевизором, — ответила мама.

— Там играют взрослые. И они вовсе не мои дети, — сказал папа.

— А Толик мой сын. И он имеет право делать все, что ему хочется, — сказала мама, нежно поглядывая на Толика.

— Кажется, он и мой сын тоже, — сказал папа, сердито глядя на маму.

— Ты его совсем не любишь!

— Я вообще не понимаю, что с тобой случилось, — сказал папа. — Ты разрешаешь ему все что угодно. А он этим пользуется. Он

все время от нас что-то скрывает. Он даже врать стал больше, чем обычно. Или ты хочешь, чтобы он вырос лгуном?

— Да, — с гордостью сказала мама. — Он милый маленький, славный лгун. За это я его и люблю. . .

Папа подозрительно посмотрел на маму. Потом Толика выслали из комнаты, и он не слышал, о чем они говорили дальше. Наверное, мама все же сумела переспорить папу — утром Толика отпустили без всяких разговоров.

Теперь, по дороге на стадион, он мечтал о том, как здорово он будет играть в хоккей и как его покажут по телевизору. Папа перестанет сердиться, когда увидит, что Толик забьет десяточка два шайб в ворота какой-нибудь заграничной команды. А что так будет, Толик не сомневался. Недаром перед уходом из дому он сломал спичку и загадал, чтобы играть сегодня лучше всех в мире.

Когда Толик пришел на каток, на ледяном поле играли взрослые. На пустых трибунах сидело десятка три ребят. Среди них был Мишка. Толик подошел к ребятам и поздоровался. Все ответили, а Мишка даже не посмотрел в его сторону. Мишка разглядывал небо, на котором в эту минуту не было ничего, кроме маленького облачка.

«Вот сломаю сейчас спичку — сразу целоваться полезет», — подумал Толик. Но пока он раздумывал, стоит ли тратить спичку на такие пустяки, подошел тренер. Это был тот самый человек, который пригласил сюда Мишку и Толика.

— Меня зовут Борис Александрович Алтынов, — сказал тренер. — Сегодня у нас первое занятие. Майки, трусы и тапочки у всех есть?

Ребята переглянулись, пошептались, и самый храбрый спросил:

— А зачем майки и тапочки? Разве мы будем играть в тапочках?

— Играть мы пока не будем, — сказал тренер. — Займемся физической подготовкой. Потом будете учиться правильно держать клюшки, правильно стоять на коньках. Играть начнем не скоро. А теперь — марш в спортзал. Он под трибуной.

— А кто уже умеет играть? — спросил Толик.

— Играть из вас никто еще не умеет, — сказал тренер. — Вам еще надо на льду стоять научиться.

— А я умею, — сказал Толик. — Вот честное слово!

— Это тебе кажется, что умеешь, — усмехнулся тренер.

— А вот умею, — настаивал Толик.

Тренер оглядел погрузневших ребят. Им тоже хотелось играть на ледяном поле, а не заниматься «физической подготовкой». При чем тут подготовка, если хоккей — игра и нужно играть и забивать шайбы. На лице тренера появилась загадочная улыбка.

— Володя! — позвал он судью, носившегося по полю вместе с игроками. — Владимир Васильевич, подойди сюда, пожалуйста.

Судья остановил игру и подъехал к бортику.

— Вот тут у меня игроки собрались, — сказал тренер. — Все играть хотят. Не возьмешь ли одного попробовать? — И, наклонившись к уху судьи, добавил шепотом: — Мальчишки способные, но воображают, что уже все умеют. Особенно вот этот. Между прочим,

как раз самый способный. Только скажи ребятам, чтобы не толкнули случайно, понимаешь?

— Все понятно, — судья подмигнул тренеру и сказал Толику: — Иди переодевайся. В раздевалке тебе все дадут.

В раздевалке Толик провозился минут пятнадцать. Он никак не мог разобраться в гуде снаряжения, которое ему дали; спасибо, гардеробщик помог.

— Кем же ты будешь играть? — спросил тренер.

— Нападающим.

— Очень хорошо. Будешь играть вон за тех, синих. Иди на место.

Толик вышел на площадку. Игроки, улыбаясь, разглядывали маленького хоккеиста. Даже не хоккеиста, а так... хоккеистика. Рядом с высокими игроками Толик казался очень маленьким и щуплым. А «синие» и «зеленые», с их квадратными спинами, широченными плечами, шлемами, выглядели как настоящие роботы. Все они были мастерами спорта.

Игра началась. Шайбой завладел игрок «зеленых». Толик быстро откатился назад, в оборону. «Зеленый» вел шайбу, не глядя на Толика. Он даже и не старался обвести мальчишку, а просто ехал и лишь возле самого Толика круто свернул в сторону, чтобы не задеть его плечом.

Толик вытянул руку с клюшкой и... «зеленый» промчался мимо, а шайба осталась у мальчишки. Толик ни о чем не думал. Все делалось само собой. Руки и ноги тоже двигались сами. Не теряя ни секунды, Толик, набирая скорость, помчался к воротам противника. Он обвел защитника, бросившегося ему навстречу, вышел один на один с вратарем и сильнейшим броском послал шайбу в ворота. Вратарь упал. В последнее мгновение он успел подставить клюшку, и шайба грохнула о борт с такой силой, словно ею выстрелили из пушки. Ее тут же подхватили «зеленые» и повели к противоположным воротам.

Вратарь, лежа на льду, с удивлением смотрел на Толика. Такой сильнейший бросок мог сделать мастер, но никак не мальчишка. Впрочем, вратарь не знал, что этот мальчишка сегодня — сильнейший игрок мира. Не знали этого, к несчастью, и остальные «зеленые».

Поначалу они играли, не обращая на Толика внимания. Или, вернее, они старались как-нибудь случайно не задеть его или не стукнуть. Они вовсе не думали, что мальчишка может им помешать. Они хотели только доказать ему, что он не умеет играть. Но это им дорого обошлось. Пока они деликатничали, Толик несколько раз отобрал у «зеленых» шайбу. Почти не глядя, он передавал шайбу своим «синим», сам выходил к воротам и бросал. Отобрать у него шайбу было почти невозможно.

Через две минуты Толик забил первый гол.

Через четыре минуты еще два гола забили «синие» с его подачи.

Но ни «синие», ни «зеленые» ничего не понимали. Этот мальчишка, который вихрем носился по площадке, отнимал шайбы и забивал голы, играл как мастер. Он играл лучше всех. Это было совершенно ясно.

Взгроздившись на трибуну, на поле смотрел изумленный тренер Борис Александрович Алтынов — игрок сборной СССР и щипал

себя за ухо, чтобы проверить, не снится ли ему все это. Он был готов поклясться, что мальчишка играет лучше его самого. И более того. Он готов был поклясться, что еще никогда в жизни не видел такого великолепного хоккеиста.

Тем временем по стадиону уже разнесся слух, что на поле происходят какие-то чудеса. Спортсмены, закончившие тренировку, повывлезали из раздевалок на трибуны. Из своей комнатки прибежал директор стадиона. И даже гардеробщик поднялся наверх, потому что в раздевалке никого не осталось.

Все смотрели на Толика и подсмеивались над «зелеными» мастерами, которые ничего не могли поделать с мальчишкой.

«Зеленые» начали понемногу злиться. Они уже не объезжали Толика, а вступали с ним в борьбу, толкали его на борт, старались отнять у него шайбу. Но это удавалось очень редко. Толик ловко увертывался, и клюшка в его руках была как живая. Когда Толик забил второй гол, судья чуть не выронил изо рта свисток, потому что шайба была брошена издалека, а вратарь даже не успел шевельнуться.

На трибунах ревели, хохотали, свистели и топали от восторга ногами развеселившиеся спортсмены. Уж они-то понимали кое-что в хоккее. И они видели, как мальчишка чуть ли не один обыгрывает команду мастеров.

Наконец судья, не выдержав, раньше времени дал свисток окончания игры.

— Я больше не могу, — сказал он тренеру. — Я сейчас сойду с ума. Или, может быть, я уже сошел с ума? Откуда ты выкопал это чудо?

— Я, кажется, сам сойду с ума, — сказал Борис Александрович. — Этот парень стоит целой команды. Мне нечему его учить. Он играет лучше меня.

— А он сам-то нормальный? — спросил судья, подозрительно поглядывая в сторону Толика. — Ведь этого же просто не может быть. Может, у него какое-то особое сумасшествие — хоккейное?

Тренер почесал в затылке, подумал и пошел к Толику, которого обступила большая толпа. Он растолкал «зеленых» и «синих» мастеров, молча взял Толика за руку и повел его в медицинский пункт.

— Нормальный ребенок, — сказал доктор, выслушав, выстукав и осмотрев Толика. — Вполне нормальный мальчик. Еще не развился физически, но у него все впереди. .. Наберет и вес и мускулатуру. Вы говорите, обыграл «зеленых»? Простите, не верю. Ему лет одиннадцать-двенадцать. Его не допустят играть даже за юношескую команду.

— Я сам не верю, — сказал тренер. — Он игрок мирового класса. Я хоть сейчас поставил бы его в сборную СССР.

Идя вдоль трибуны к выходу, Толик чувствовал себя героем. Краешком глаза он видел, что все поглядывают на него, а краешком уха слышал удивленный и восторженный шепот: «Это он. Смотрите, вот он идет. Этот мальчик играет лучше любого мастера». Уже у самого выхода Толик обернулся и показал язык мальчишкам и Мишке Павлову, которые остались заниматься «физической подготовкой».

Х

Никогда еще ни у одного школьника в мире не было такой прекрасной жизни. В школе Толик получал одни пятерки. При этом ему не нужно было тратить на уроки ни одной минутки. Времени свободного было очень много, и Толик по два раза в день ходил в кино — на десятичасовой сеанс и на одиннадцать тридцать. Мама с удовольствием давала ему деньги. А вечером

Толик смотрел телевизор, все передачи подряд. Даже те, которые детям до шестнадцати лет смотреть не полагается. Самое противное было, конечно, сидеть в школе. На уроках Толик скучал, потому что знал все наперед до самых каникул. И ему приходилось придумывать себе разные занятия; то помечтает, какое бы ему еще загадать желание, то почитает потихоньку книжку, а то начнет в этой книжке разукрашивать рисунки: мужчинам пририсовывает усы, а женщинам бороды.

Хорошо было бы вообще не ходить в школу. Но Толик понимал, что этого делать нельзя. Объяснить это было очень трудно. Нельзя же попросить у коробка, чтобы все не обращали на Толика внимания. Тогда и жить будет неинтересно.

Один раз Толик совсем было собрался рассказать все Мишке и помириться с ним. Конечно, придется дать Мишке половину спичек. Но разве для друга жалко? И разве Толик — жадина? Конечно, нет. Толику так захотелось поделиться с Мишкой, что он даже не стал досматривать телевизионную передачу и заперся в ванной, чтобы разложить спички на две кучки. Он клал их перед собой; одну — налево, другую — направо. Спичек оставалось тридцать девять. Одна оказалась лишняя. Толик подумал немного и положил ее к себе. У него стало двадцать, а у Мишки — девятнадцать. «Какое-то глупое число, ни на что не делится», — подумал Толик и прибавил себе еще одну спичку. Теперь у Мишки стало восемнадцать. Прекрасное число: делится на два, на три, на шесть и на девять. «Вот и хорошо, — снова подумал Толик, — вот и нужно его разделить на два». Еще девять спичек перекочевали направо, у Мишки осталось девять. Правая кучка стала большой, а левая совсем маленькой. «Это несправедливо, — размышлял Толик. — Если Мишка узнает про такую дележку, он обидится. А не сказать ему нельзя, потому что это будет нечестно. Нечестно поступать нельзя. Значит, не нужно делить, тогда и говорить будет не о чем».

И Толик смешал все спички в одну кучу. Мишка ни о чем не узнает. И значит, все будет честно и не обидно.

Толик спрятал спички как раз вовремя. В дверь ванной постучала мама.

— Толик, — сказала она извиняющимся голосом, — прости, если я тебе помешала. Но уже поздно. Можно, я лягу спать? Или тебе еще что-нибудь нужно?

— Мне... ничего, — ответил Толик, но тут же спохватился. — Нет, мама, подожди. Мне нужен велосипед. Купишь?

Мама схватилась за голову.

— Бедный мальчик! — сказала она. — Как же я раньше не подумала. А мне даже и в голову не приходило. Идем скорее!

Мама взяла Толика за руку и повела в комнату, где папа досматривал телевизионную передачу.

— Евгений, — торжественно проговорила она, — ребенку нужен велосипед.

— Что значит — нужен?

— Это значит, что он хочет велосипед!

— А пароход он не хочет?

— Это неуместные шутки, Евгений.

— Я не шучу. Ты же знаешь, что у нас сейчас мало денег. Велосипед может обождать.

— Нет, не может! — возмутилась мама. — Как это можно откладывать, если наш славный мальчик хочет кататься на велосипеде?

— Не такой уж он славный, — сказала папа. — А ты его за последнее время совсем избаловала. Вот я сам возьмусь за его воспитание.

— Ты это десять лет обещаешь.

Папа встал и с треском выключил телевизор.

— Толик, выйди из комнаты, — громко сказал он. — Немедленно ложись спать. Никакого велосипеда тебе не будет.

— Толик, не ходи, — звонко сказала мама. — Не ложись спать. У тебя будет два велосипеда. Самых лучших.

Толик переводил взгляд с папы на маму, сопел и очень жалел, что затеял этот разговор. Он вовсе не хотел, чтобы папа с мамой ругались. Раньше они иногда спорили, но не ссорились. А теперь началась самая настоящая ссора.

— Ты могла бы не обсуждать этого вопроса при ребенке! — кричал папа.

— А что тебе ребенок! — кричала мама. — Ты его совсем не любишь!

— Я не люблю?!

— Ты не любишь! Ты его ненавидишь!

— Ты просто дура! — сказал папа.

Мама ахнула. Толик увидел, как она побледнела. Папа вдруг замолчал и растерянно посмотрел на маму. А мама быстро повернулась и убежала на кухню.

Папа схватился за голову и зашагал по комнате. Он ходил, будто не замечая Толика. А Толик стоял посреди комнаты и не знал, что делать. Наконец папа остановился и посмотрел на Толика. Лицо у него было виноватое.

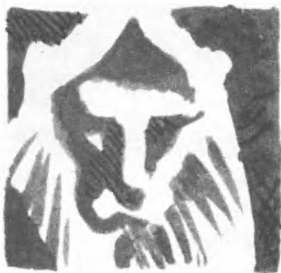
— Что же мы с тобой натворили, старик, — тихо сказал он.

Толику было жалко папу. И маму тоже было жалко. И еще ему было жалко спички, которая могла все уладить. Если мирить всех, кто ссорится, то никаких спичек не хватит. Но все же теперь поссорились папа и мама. Толик вздохнул и поплелся в ванную. Там он сломал спичку и загадал, чтобы папа и мама помирились.

И тут же мимо двери ванной простучали каблуки мамы. А затем послышались тяжелые шаги папы. Толик выглянул за дверь.

Папа и мама стояли посреди коридора и смущенно улыбались друг другу.

— Ты на меня не сердись, пожалуйста, — говорил папа.
— Это ты на меня не сердись, — говорила мама.
— Я, конечно, виноват.
— Это я виновата.
— Нет, нет, — сказал папа. — Ты ведь так устаешь. И дома и на работе. Разве я не вижу? И я... я ведь тебя очень люблю.
— Я тебя тоже люблю, — ответила мама. — А мы можем купить Толику велосипед?
— Попробуем, — согласился папа.
Толик потихоньку вышел из ванной и направился спать.

ХІ

В воскресенье утром Толик выкатил во двор новенький «орленок». У парадной он постоял немного, проверил, как работают ножной и ручной тормоза, позвонил в звонок. Конечно, можно было ничего не проверять — все проверили в магазине и еще раз дома. Но Толику хотелось, чтобы вокруг него собралось побольше ребят.

Ребята обступили его и тоже попробовали тормоза и звонок. Те, у кого велосипеда не было, сказали, что «орленок» — ерунда, потому что «турист» лучше: у него три скорости.

А потом Толик поехал кататься. Он три раза проехал мимо Мишкиных окон и все поглядывал. Но Мишки все не было. Тогда Толик поехал на площадку, где на асфальте ковырялись малыши со своими клюшками-закорючками. Он разъезжал между ними и мешал играть. Малышам это не понравилось, но они понимали, что Толик большой и сильный и ничего с ним не поделаешь. Они даже не обижались, и Толику вскоре надоело задираться.

Толик снова поехал к Мишкиной парадной. Он знал, что Мишка все равно выйдет гулять с Майдой.

Так все и получилось. Минут через пять Мишка с Майдой на поводке вышел из парадной. Толик разогнался и проехал совсем рядом. Но Мишка будто ничего не заметил. Только Майда, натягивая поводок, покосилась на хозяина, будто спрашивала: разорвать этого нахала или не стоит?

— Рядом! — сказал Мишка, и Майда успокоилась.

Тогда Толик снова разогнался и помчался навстречу Мишке, будто хотел его сбить. Он знал, что Мишка не выпустит Майду. Но он немного не рассчитал. Поводок натянулся. Майда присела на задние лапы, но Толик уже не мог удержаться и налетел на него. Велосипед выскользнул из-под Толика, и Толик упал. Он лежал на асфальте, и над ним, растопырив лапы, стояла Майда и грозно рычала.

— Ко мне! — скомандовал Мишка. Майда села у его ног.

Толик поднялся, едва не плача. Он ведь просто хотел пошутить.

Может быть, он даже хотел помириться с Мишкой. И если он чуть-чуть не рассчитал, то это не значит, что на него нужно набрасываться с овчаркой.

— Ты чего собак напускаешь? — сказал Толик.

— Ты сам налетел, — сказал Мишка. — Скажи еще спасибо, что она в наморднике. А то бы от тебя одни кусочки остались.

— Это на тебя надо намордник надеть, — ответил Толик. — Если я захочу, от тебя самого и от твоей Майды одни кусочки останутся.

— Захоти.

— Ну, посмотришь, — сказал Толик и сунул руку в карман.

Мишка спокойно смотрел на Толика. Он был под защитой Майды. Кроме того, он привык, что Толик всегда придумывает всякую ерунду, и не боялся его угроз. Он даже не подозревал, что через секунду может превратиться в какого-нибудь голубя или червяка и потом ему всю жизнь придется жить в земле и выползать на поверхность лишь дождливой ночью, как это делают все черви.

Толик нащупал в кармане коробок и на несколько секунд задумался. Это и спасло Мишку, потому что как раз в эту минуту подошел Чича.

— Новенький велосипед, — сказал Чича. — Люблю новые велосипеды. Дай прокатиться.

— Я еще сам не катался, — сказал Толик.

Чича усмехнулся.

— Тебя и не спрашивают, катался ты или нет. Я говорю: прокатимся?

Не дожидаясь ответа, Чича протянул руку, чтобы поднять велосипед. Толик растерянно смотрел на Чичу и чувствовал себя, наверное, так же, как малыши, когда он мешал им играть в шайбу. Конечно, он мог и Чичу превратить в червяка. Но Толик даже не подумал об этом, потому что Чича был большой и сильный и Толик его боялся.

И вдруг Толик услышал Мишкин голос:

— Не трогай велосипед. Не твое — и не трогай.

— Это еще что за мастер спорта, — усмехнулся Чича. — Давно банок не получал? Я могу...

Но Мишка не стал спорить с Чичей. Он подошел к велосипеду, показал на него рукой и сказал Майде:

— Охраняй!

Майда немедленно улеглась рядом. Она высунула язык и, склонив голову набок, спокойно и равнодушно поглядывала на Чичу, будто он был не большой и сильный восьмиклассник, а какой-нибудь жалкий малыш. Чича покраснел. Ему не хотелось отступать на глазах всего двора. Он снова протянул руку к велосипеду. Майда сморщила нос и легонько заворчала, показывая зубы.

— Ты лучше уйди, Чича, — сказал Мишка. — Мы же тебя не трогаем.

И Чича сдался. Он заложил руки за спину и отошел насвистывая, будто он просто поговорил немного с приятелями.

Мишка поднял велосипед.

— Смотри, у него педаль сломана, — сказал он Толику таким тоном, словно они никогда не ссорились.

И Толик тоже ответил ему так, будто никогда не хотел превращать Мишку в червяка:

— Ну и пускай. Мне теперь мама хоть десять велосипедов купит.

Все же Мишка решил проводить Толика, чтобы его не очень ругали. Он отвел Майду домой, а потом они вдвоем втащили велосипед по лестнице.

Дверь открыла мама. Это было очень кстати. Мама первая увидела сломанную педаль и прошептала:

— Вот и умница! Не успел во двор выйти — уже педаль сломал. Ты просто замечательный мальчик. Только папе не говори. А велосипед мы починим завтра.

Мишка с удивлением уставился на маму Толика. Он еще никогда не слышал, чтобы родители хвалили детей за сломанные велосипеды.

На шум в передней вышел из комнаты папа. Мама заслонила от него велосипед, и папа ничего не заметил.

— Здоров, Михаил, — сказал папа. — Ты почему давно не заходил?

— Так... — замялся Мишка. Ему не хотелось говорить, что они с Толиком ссорились. — Так просто, дядя Женья... Уроков много. И я еще на каток хожу, в хоккейную школу.

— Поломают вам в этой школе все ноги, — сказал папа. — Вы поосторожней играйте. Как там Анатолий играет, ничего?

— Он просто здорово играет. Тренер говорит: лучше всех.

— Ну уж и лучше всех, — засмеялся папа, и было видно, что он доволен. Он даже крикнул в кухню: — Старуха, слышишь, наш Анатолий лучше всех играет!

— Я никогда в этом не сомневалась, — сказала мама, высываясь из кухни. — Но я еще раз прошу тебя не называть меня старухой.

— Ты, старуха, шуток не понимаешь, — засмеялся папа. — Все же видят, что ты молодая и красивая.

— Ладно, старик, иди обедать.

— Пойдемте, старики, — сказал папа. — Сегодня наши с Америкой играют. Я еще хочу хоккей посмотреть.

После обеда мама, как обычно, принялась за мытье посуды. Папа постоял около нее минутку и поговорил о том, что теперь, когда пустили горячую воду, мыть посуду — одно удовольствие. Затем он пошел настраивать телевизор, чтобы посмотреть матч с Америкой.

Мишка и Толик вышли на улицу. Еще в парадной они сняли галоши и спрятали под лестницу. Во дворе они размотали шарфы и засунули их в карманы. Теперь они шли по улице, перепрыгивали через лужи, и им было приятно оттого, что сегодня так тепло, и оттого, что они помирились.

— Пойдем в зоопарк, — предложил Толик.

— Денег нет, — вздохнул Мишка. — Я-то давно хотел жирафу посмотреть. Ее недавно привезли.

— Не беспокойся, — сказал Толик и показал рубль. — Мне мама сколько хочешь денег дает.

— Я тебе потом отдам, — пообещал Мишка.

Но Толик лишь улыбнулся. Откуда же было Мишке знать, что

Толик мог достать денег сколько угодно. Просто он еще не придумал, как сделать так, чтобы никто не заметил, что у него много денег.

В зоопарке Толик купил два билета и два эскимо, которые ребята тут же скормили медвежатам на площадке молодняка, хотя это и строго запрещалось делать. Впрочем, на это запрещение никто не обращал внимания. Все кидали медвежатам конфеты, печенье и даже яблоки. За барьером ходила уборщица и ругалась, и уговаривала, но все было напрасно. За всеми она уследить не могла. Как только она уходила на один конец площадки, сейчас же начинали кормить медвежат в другом. И уборщица говорила, что посетители ведут себя хуже медведей, а ума у них вообще меньше, но ее никто не слушал.

Толик и Мишка долго простояли возле площадки. Они видели, как затеяли возню два медвежонка. Медвежата боролись, вставая на задние лапы, и сопели совсем как люди. Потом они оба набросились на львенка и принялись его тормошить. Львенок терпел, терпел, но затем не выдержал и закатил медвежонку такую оплеуху, что тот два раза перевернулся через голову. От такой оплеухи восьмиклассник Чича, наверное, сразу же помер бы. А медвежонок только почесался и побрел к решетке выпрашивать конфеты.

Затем ребята отправились смотреть слона. Он был все такой же, как и раньше, — старый, морщинистый и умный. Слону бросали монетки, а он подбирал их хоботом и совал в карман сторожу. За это сторож давал слону морковку или капустный лист. Слона было немного жалко. Он казался слишком большим для своей тесной клетки. И смотрел он как-то по-человечески грустно, будто знал что-то свое, о чем не хотел рассказывать людям, которые ему давно надоели.

Толик бросил слону монетку, и ребята пошли к белым медведям.

Медведи плавали в большом бассейне, огороженном барьером с высокой сеткой. Родители поднимали своих детей и ставили их на барьер, чтобы они лучше могли разглядеть медведей. Одна мама рассказывала своей маленькой дочке, как однажды, когда не было сетки, в бассейн свалилась девочка.

— Она была непослушной, — говорила мама. — И она всегда капризничала. Вот как ты иногда капризничаеть.

— Она убежала от медведей? — спросила девочка.

— Нет, она была непослушной, и ее разорвали на куски.

Девочка смотрела на маму, и глаза ее наливались слезами. А мама говорила:

— Видишь, как важно быть послушной? Если ты будешь слушаться свою маму, то тебя никогда не съедят белые медведи!

Тогда девочка заплакала и стала проситься домой, потому что ей больше не хотелось смотреть никаких зверей. Мама стала ее уговаривать, но девочка не слушала и плакала еще сильнее. Тогда Толик потихоньку скорчил ей рожу. Девочка очень удивилась и замолчала. А мама повела ее дальше.

Около клетки со львом толпился народ. Мишка и Толик тянулись на цыпочках, чтобы разглядеть, что делается возле барьера. Там разговаривали, смеялись и было почему-то очень весело.

Ребята с трудом протиснулись к барьеру и увидели Чичу. Он стоял, окруженный приятелями, и рычал на льва.

— Рррр... — говорил Чича. — Ну, позлись, позлись... Укуси меня. Чего же ты меня не кусаешь? Иди сюда... Не бойся, не трону.

Приятели покатывались со смеху. А Чича, очень довольный, и очень храбрый, потому что лев находился за толстой решеткой, разошелся еще больше.

— Выходи из своей клетки, — говорил он не то льву, не то приятелям. — Я с тебя шкуру сниму и пущу голым в Африку.

А приятели просто заикались от смеха. Они раньше и не знали, какой Чича остроумный парень.

— Я из тебя компот сделаю, — сказал Чича и, подобрав щепку, швырнул ее в сторону клетки.

Лев даже не шевельнулся. Он лежал на брюхе и, прищурившись, сонно смотрел на Чичу. Ему как будто не было никакого дела до Чичи. Но когда Чича протянул за барьер руку, веки льва чуть дрогнули, а пушистый кончик хвоста чуть шевельнулся... Затем он снова равнодушно прикрыл веки.

А храбрый Чича продолжал смешить приятелей.

Толик хотел уже отойти от клетки, пока Чича их не заметил и не рассчитался за старое, но неожиданно его остановил Мишка.

Мишка любил животных и не любил Чичу. Он пролез вперед и сказал:

— Чичерин, а зачем ты его сюда зовешь? Ты сам к нему зайди.

Чича с изумлением глянул на Мишку.

— Это что еще за голос из подземелья! — сказал он. — Ах, товарищ Павлов, здрасте. Вам сейчас морду набить или после?

— Ты ему набей, — сказал Мишка и кивнул на льва. — Ты же из него хотел компот сделать, вот и сделай. Зайди к нему в клетку и сними с него шкуру. Ты же обещал снять с него шкуру.

— Я вот с тебя сейчас шкуру сниму, — пригрозил Чича, оглядываясь по сторонам.

Какой-то мужчина, стоявший рядом, нахмурился и сказал Чиче:

— Вот что, молодой человек, иди-ка ты отсюда. Хватит паясничать. Мальчик тебе правильно замечание сделал. Он хоть и меньше тебя, да умнее.

— Точно. Он умнее, — сказал Чича, выбрался из толпы и остановился в сторонке, ожидая, пока выйдут Толик и Мишка. Приятели, посмеиваясь, стояли около него. Толик понял, что на этот раз им не уйти от Чичи.

— Мишка, — прошептал Толик, — давай выйдем — и бежать. Может быть, он не догонит.

Мишка упрямо повел плечом.

— Не буду я от него бегать.

— Надает.

— Пускай.

— Нет, не пускай, — сказал Толик, внезапно разозлившись. — Если уж так, то никому он не надает. Я из него самого сейчас компот сделаю. Он мне тоже давно надоел.

Мишка взглянул на здорового Чичу, и хоть ему было не очень весело, засмеялся и постучал пальцем по лбу.

— Опять хвастаешь.

— А вот посмотришь, — сказал Толик. — Идем, не бойся.

Они выбрались из толпы. Чича, переглянувшись с приятелями, направился к ним медленной походочкой. Он шел прямо к Мишке. На Толика он внимания не обращал. И совершенно напрасно. В эту секунду Толик доставал из кармана спичечный коробок.

Чича лениво подошел к Мишке и протянул к нему руку.

Толик переломил спичку и прошептал несколько слов.

В это же мгновение толпа ахнула и отпрянула от барьера. В клетке льва, вытянув вперед руку, стоял неизвестно откуда взявшийся парень.

Это был Чича.

Несколько секунд все глядели молча. Никто не двигался с места. Лев медленно повернул голову и смотрел на Чичу, изумляясь такому нахальству. Он уже немало лет прожил в зоопарке и привык видеть людей по ту сторону решетки, но никогда ни один человек не заходил к нему в клетку.

Лев шевельнул ноздрями, принялся, и хвост его нервно застучал по полу. Он узнал человека, который его дразнил.

Чича стоял раскрыв рот и выпучив глаза.

Он зажмурился на мгновение и снова открыл глаза. И тогда от страха у него задрожали ноги, потом руки и наконец даже уши. Он понял, что лев настоящий.

Лев медленно поднялся на ноги. И тогда люди, стоявшие возле клетки, закричали страшными голосами. Одни побежали прочь, закрывая глаза руками, чтобы ничего не видеть. Другие, посмелее, стали бросать во льва землей и песком. От дальних клеток уже мчался сторож, размахивая железным крюком. Бежали работники зоопарка с огнетушителями и железными пиками в руках.

В этой суматохе никто, даже Мишка, не обратил внимания на то, что Толик достает из коробки еще одну спичку.

Лев присел для прыжка. Чича снова зажмурился; ему легче было умереть с закрытыми глазами.

И вдруг все снова ахнули и замерли.

Рядом с Чичей в клетке неожиданно возник мальчик. Он снял с головы шапку и взмахнул ею. И лев, приготовившийся к прыжку, вдруг поджал хвост и, пятясь задом, скрылся в дверце, которая вела в зимнее помещение.

В этот момент подбежал один из работников зоопарка, пустил из огнетушителя струю и окатил Чичу с головы до ног. Чича открыл глаза, поморгал и глупо улынулся. Затем он посмотрел на колоду, о которую лев точил свои когти, и хлопнулся в обморок.

Подбежавший сторож трясущимися руками отпирал засов клетки. А со всех концов зоопарка сбегались посетители, узнавшие о происшествии. Они на бегу спрашивали друг друга о случившемся, и когда собралась громадная толпа, все уже знали, что какой-то сумасшедший парень забрался в клетку ко льву, а какой-то безумный смельчак вскопил в клетку и спас парня.

Чичу выволокли из клетки и положили на скамейку, и доктор стал приводить его в чувство.

Толика обступили со всех сторон. Всем хотелось взглянуть на

мальчика, который не испугался дикого льва. Все называли его на «вы» и хвалили наперебой.

Тут подросел директор зоопарка и стал целовать Толика в обе щеки и жать ему обе руки. Но директора оттеснил высокий человек с фотоаппаратом и стал фотографировать Толика, директора и сторожа. Когда же наконец директор опомнился и захотел сдать в милицию главного виновника — Чичу, то возле скамейки он увидел одного лишь доктора.

— Странный случай, — сказал доктор, разводя руками. — Юноша почти не подавал признаков жизни. Я уже думал, что придется вызывать «скорую помощь». Но стоило мне отвернуться на секунду, чтобы достать шприц из сумки, как он вскочил и бросился бежать...

— Ничего странного, — нахмурился директор. — Хулиган, а отвечать за свои поступки не хочется. Вот и удрал.

— Я имею в виду не это, — сказал доктор. — Он побежал не к выходу, а прямо к забору и перепрыгнул через него...

— Вполне понятно — испугался, — сказал директор. — Тут некогда искать выход.

— Я имею в виду и не это, — сказал доктор. — Взгляните на забор. Высота его примерно метра три. Если не ошибаюсь, мировой рекорд по прыжкам в высоту значительно меньше.

— А ну вас с вашими рекордами, — сказал директор. — Мне сейчас не до рекордов. Идите, пожалуйста, в мой кабинет. Нужно составить акт. Наверняка будет расследование. Человек в клетке — за это, знаете ли, меня по головке не погладят.

А вокруг Толика по-прежнему гудела толпа. Человек с фотоаппаратом снимал Толика и сверху, и снизу, и с боков, расспрашивал его о родителях и об отметках и записывал ответы в книжку. Толик сиял. Впервые в жизни он почувствовал, как приятно быть героем. Мальчишки смотрели на него с завистью. Мужчины хлопали его по плечу и жали руки. Женщины смотрели на него с восхищением и жалели, что у них нет таких сыновей. Они переговаривались шепотом, и Толик слышал, что у него мужественный взгляд и горделивая осанка. Такие вещи можно, конечно, слушать до вечера. Но, к несчастью, вмешался директор зоопарка. Подойдя к Толику, он еще раз поцеловал его в обе щеки и повел к себе в кабинет, сопровождаемый толпой.

— Подождите! — закричал им вслед высокий фотограф. — Я корреспондент газеты. Мальчик мне еще фамилии не сказал.

— Зайдите потом, — ответил директор. — Мы составим акт. Будет там и фамилия.

Когда Толик и директор вошли в кабинет, там уже был доктор.

— Вот полюбуйте на нашего героя, доктор, — торжественно произнес директор.

Доктор взглянул на Толика. А Толик взглянул на доктора и заморгал глазами. Перед ним в белом халате сидел толстяк, который покупал толстые апельсины своим толстым детям.

Доктор шевельнул толстыми бровями, и на лице его появилась толстая удивленная улыбка.

— Я где-то видел вашего героя, — проговорил он. — Постойте! Ну-ка, скажи, тебя забирали когда-нибудь в милицию?

— Меня? — спросил Толик.

— Тебя.

— Ни разу в жизни, — сказал Толик.

— Странно... — протянул доктор.

— Ничего странного! — возмутился директор. — Неужели вы можете допустить, что такой отважный мальчик мог сделать что-нибудь плохое.

— Я имею в виду не это, — сказал доктор. — Я уверен, что я видел его. И каждый раз, как я только его встречаю, случаются чудеса. В тот день, когда я встретил его в первый раз, меня совершенно ни за что забрали в милицию. Сначала этот мальчик шел с милиционером, а потом этот же милиционер задержал меня и привел в милицию. Самое интересное, что милиционер даже не мог объяснить своему начальнику, за что он меня задержал. Сегодня я встречаю этого мальчика во второй раз, и оказывается, что он каким-то образом проник в клетку со львом и спас человека, который тоже попал туда неизвестно как. Все это очень странно...

— Ничего странного, — возразил директор. — Вы просто обознались. А что касается клетки, то я сейчас же уволю сторожа, который забыл ее запереть.

Но только директор произнес эти слова, дверь отворилась и вошел взволнованный сторож.

— Товарищ директор! — сказал сторож. — Я вот все хожу и никак понять не могу. Вы уж извините... Как они туда попали? Клетка-то на засове была, а засов — на замке. На два оборота заперто было.

— А вы уверены? — спросил директор.

— Не я один, все видели, — ответил сторож. — Спросите хоть у кого.

— Странно... — сказал директор и повернулся к Толику. Но он увидел лишь, как мелькнули подметки его ботинок, и услышал, как они простучали по ступеням.

Директор высунулся в окно и увидел, что храбрый мальчик улепетывает со всех ног к воротам.

— Держите героя! — закричал директор.

Посетители, гулявшие по аллеям, обернулись на его крик, но так как вокруг не было никого, похожего на героя, подумали, что кто-то шутит.

— Это очень странно, — проговорил директор, вытирая вспотевший лоб и опускаясь на стул.

— Ничего нет странного, — отозвался доктор. — Просто мы с вами сошли с ума. Позовите скорее доктора.

Уже около самого дома Толика догнал Мишка.

— Ты почему убежал? — спросил он.

— А разве я бежал? — спросил Толик.

— Ты как ненормальный бежал.

— Просто я очень бегать люблю, — сказал Толик.

— Толик... — нерешительно спросил Мишка. — Толик, ты правда был в клетке? И Чичерин был в клетке? Или мне все это показалось?

— А чего особенного? — сказал Толик. — Все так и было.

— Но ведь он стоял рядом со мной. И ты стоял рядом со мной... А потом вдруг — ты в клетке... И я ничего не заметил...

— Я очень быстро прыгнул, — сказал Толик. — Если бы я прыгнул медленно, лев его разорвал бы на кусочки.

— И ты совсем-совсем не боялся?

— А чего тут бояться? Что я — львов не видел?

— А зачем ты убежал от директора зоопарка?

— Они мне тысячу рублей хотели дать за подвиг. Ну, я и убежал из скромности.

— А почему ты сказал, что отец у тебя дрессировщик? Он же не в цирке работает, а в институте.

— Да чего ты все спрашиваешь: «Почему, почему?» Говорят тебе: потому что потому — и все.

Мишка с сомнением посмотрел на Толика. Он еще хотел спросить, когда это Толик научился играть в хоккей лучше мастеров спорта. Но в этот момент ему пришла в голову странная мысль. А может быть, Толик — это не Толик? Настоящий Толик не то что в клетку со львом, но и в клетку с мышью не полез бы. И в хоккей настоящий Толик играл не лучше других ребят. И еще вспомнилась Мишке мама Толика, которая сегодня совсем не была похожа на прежнюю маму. Прежняя не стала бы хвалить Толика за сломанный велосипед и прятать его от папы.

Чем больше вспоминал Мишка, тем яснее становилось ему, что этот мальчик не Толик, а может быть, какой-нибудь шпион, и мама его тоже не мама, а шпионка или переодетая воровка. Пожалуй, не следовало говорить Толику о своих подозрениях, а нужно было позвать милиционера и задержать Толика, и спросить его, где настоящий Толик, с которым Мишка дружил с первого класса. Но Мишка был человек прямой, хитрить не любил, и он спросил прямо:

— Слушай, ты Толик или не Толик?

Но Толик совсем не удивился, как будто давно ждал этого вопроса. Он закатал штанину, и Мишка увидел на его ноге бородавку, которую они в прошлом году пытались остричь ножницами.

Толик был настоящий.

ХП

В один из дней недели Анна Гавриловна пришла на урок с газетой в руках.

— Прежде чем начать урок, — сказала она ребятам, — я хочу прочитать вам одну заметку о случае в зоопарке.

Ребята положили руки на парты, закрыли тетради и приготовились слушать. Особенно довольны были лодыри, которые не сделали уроков.

Они готовы были слушать хоть целый день.

Анна Гавриловна села за стол и раскрыла газету:

— Заметка называется: «Герой остался неизвестным».

Ребята смотрели на нее, широко открыв глаза. Один лишь Толик, скромно опустив голову, ковырял перышком парту.

Анна Гавриловна кончила читать, положила газету на стол и оглядела притихший класс.

— Вот это да! — сказал наконец Саша Арзуханян.

— Исключительно мужественный поступок, — согласился Ляня Травин. А Лена Щеглова вздохнула и сказала:

— Вот если бы у нас в классе были такие мальчишки...

— Тут есть фотография, — сказала Анна Гавриловна и лукаво взглянула на Толика. — Как знать, может быть, этот мальчик и на самом деле из нашего класса.

Ребята дружно засмеялись. Они подумали, что учительница шутит. Они стали оборачиваться друг к другу и спрашивать: «Может быть, это ты?» И каждый отвечал: «Ну конечно, это я». А Саша Арзуханян пнул Толика ногой под партой и спросил: «Может быть, это ты, Рыжков?»

— Это я, — сказал Толик.

В классе поднялся дружный хохот. Все знали, что Толик боится даже белых мышей. И Анна Гавриловна тоже смеялась. Но если бы ребята внимательнее на нее посмотрели, то увидели бы, что она все время переводит глаза то на газету, то на Толика.

— Покажите портрет Рыжкова! — смеясь кричали ребята. — Анна Гавриловна, Рыжков говорит, что это он!

Учительница подняла над столом газету.

Те, кто сидел поближе, сразу перестали смеяться. Постепенно замолчали третьи и четвертые ряды. И вот уже на задней парте кто-то хихикнул в последний раз и умолк. Лишь один близорукий Ляня Травин продолжал веселиться. Тогда Женя Громов хлопнул его по макушке.

В классе наступила полная тишина. А с газетной страницы на ребят смотрело улыбающееся круглое лицо Толика.

— Рыжков... — в ужасе прошептала Лена Щеглова.

— Значит, это в самом деле был он, Рыжков? — спросила учительница.

— Да, Анна Гавриловна, это я, — сказал Толик.

— Почему же ты не назвал свою фамилию?

— Я боялся...

Ребята засмеялись, но тут же сами зашикали друг на друга. Они не хотели пропустить ни одного слова Толика.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся, что меня мама заругает.

Класс просто взорвался радостным хохотом. Это было действительно смешно: человек совсем не боится льва, но ужасно боится мамы. Герой оказался еще и остроумным.

Ребята повскакали с мест и окружили парту Толика. Всем интересно было, как это случилось и кто был человек, которого спас Толик. И каждый хотел хлопнуть Толика по спине, потому что не часто удается хлопнуть по спине такого великого человека, победителя львов. Анна Гавриловна будто и не замечала беспорядка. И ребята расшумелись так, что их услышал в коридоре директор.

Дверь отворилась. Ребята обернулись на скрип. Строго глядя на класс, в дверях стоял директор, который в любую минуту мог исключить кого угодно, даже Анну Гавриловну.

— В чем дело? — спросил директор.

— Я прочитала им газету, — ответила Анна Гавриловна.

— Ага, — сказал директор. Он посмотрел на Толика и строго сказал: — Молодец, Рыжков! Зайдешь ко мне после уроков.

Дверь за директором закрылась.

— Ну, мальчики и девочки, садитесь по местам, — сказала учительница. — Давайте начнем урок. А Рыжков нам потом все расскажет.

Но ребята видели, что говорит она больше для порядка и ей самой не терпится послушать Толика.

— Пускай сейчас расскажет, Анна Гавриловна! Мы потом сами выучим! Ну, один только раз, Анна Гавриловна! Ну, один только маленький урочек, Анна Гавриловна!

— Хорошо, — сказала учительница. — Пусть Рыжков рассказывает, если, конечно, он сам хочет. Такие случаи бывают не каждый день.

Толик поднялся за партой, откашлялся и заговорил, честно глядя в глаза Анны Гавриловны:

— Мы в воскресенье ходили с Мишкой в зоопарк. Он говорит: «Пойдем, пойдем». Вот мы и пошли. Я Мишке билет купил. Потом мы еще эскимо купили. Эскимо медвежата съели, а мы пошли на слона смотреть. А он мне говорит...

— Слон говорит? — спросила учительница под смех ребят.

— Мишка говорит, — невозмутимо ответил Толик. — Он говорит: «Толик, ты бы мог слона съесть?» А я ему говорю: «Не задавай глупых вопросов. Анна Гавриловна нам всегда говорит, что нельзя задавать глупые вопросы». Верно, Анна Гавриловна?

— Верно, верно, ты про льва рассказывай...

— Ничего ты не говорил, — прошептал Мишка, дергая Толика за штанину. Но Толик будто ничего не заметил.

— А потом мы пошли к медведям. Там такой бассейн и белые медведи плавают. Туда одна девочка упала, и ее на кусочки разорвали...

— Когда?! — дружно ахнули ребята.

— Недавно, — небрежно сказал Толик. — Я уж не помню. Меня там не было. А то бы я ее спас. Я вообще люблю детей спасать. Вы же знаете, как я преступника задержал?

— Нет! — воскликнули ребята.

Толик пожал плечами с таким видом, будто каждое утро ловил по одному преступнику.

— Толстый такой преступник, — сказал он. — С сардельками. Он сарделек украл килограммов сто...

— Рыжков, — перебила Анна Гавриловна, — мы давно уже знаем, как ты ловишь преступников. Я слышала об этом еще в прошлом году. Ты что, и со львом так же сражался?

— Нет, честное слово, в газете правда написана! — возмутился Толик. — Верно, Мишка?

— Правда, Анна Гавриловна, — подтвердил Мишка. — Я сам видел.

— Ну, тогда не отвлекайся, — сказала Анна Гавриловна.

— Тогда я сразу про льва буду, — согласился Толик. — А про

преступника потом расскажу. Сначала лев один в клетке сидел. Там народу много было. Но никто близко не подходил. Все боялись. Лев на всех рычал. Мне сторож по секрету сказал, что его давно не кормили. Вот он и злился. Не сторож, конечно, а лев злился. А потом один человек взял и к нему в клетку заскочил. Мне директор зоопарка говорил, что этот человек с товарищем поспорил: кто в клетку войдет. А лев на него как бросится! И схватил его когтями...

На этом месте рассказа Мишка снова дернул Толика за штанину и прошептал:

— Чего ты врешь!

Но Толик видел, что ребята слушают его затаив дыхание и верят каждому его слову. И он продолжал, не обращая внимания на Мишку:

— Тогда все испугались и бросились от клетки. А я не испугался. Мне ни капельки страшно не было. Мне было очень жалко этого человека. Я вообще не люблю, когда львы на людей бросаются. Ну, я и решил его спасти. Взял да как бросился в клетку! А лев на меня как бросится! И схватил меня когтями...

— Оцарапал! — ахнула Лена Щеглова.

— Конечно, — сказал Толик. — У меня вся спина когтями издрана. Мне потом доктор всю спину йодом смазал. Но я не испугался и тоже на него как брошусь! И тоже его когтями оцарапал. Тогда он разбежался и опять как бросится! А я отпрыгнул. Он головой в стенку — бемс! А я на него как прыгну и ногой — бемс! Он так и покатился. Тогда я схватил песку и ему в глаза — бемс!..

— Откуда же ты песок взял? — не выдержала Анна Гавриловна.

— А львам в клетку специально песок насыпают — зубы чистить, — не растерялся Толик.

Анна Гавриловна покачала головой, но ничего не сказала.

— А лев стал глаза тереть лапами, — продолжал Толик. — Тогда я опять ему ногой — бемс! Он испугался и убежал в зимнее помещение. Тогда прибежал сторож и открыл дверцу. А я вышел.

— Как же ты попал в клетку, если она была закрыта? — спросила Анна Гавриловна.

— Я не говорил «закрыта».

— Ты сказал: «Сторож открыл». Но для того, чтобы открыть дверцу, нужно, чтобы она сначала была закрыта.

— Ну, может, она сама захлопнулась. Я на дверцу не смотрел. На меня ведь лев бросался, — ответил Толик и сел.

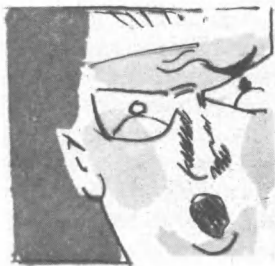
Анна Гавриловна улыбнулась. По лицу ее было видно, что она очень сомневается в правдивости рассказа. Но зато ребята, кроме Мишки, ни в чем не сомневались. Им ведь никогда не приходилось драться со львами. Они не знали, как это делается. Они поверили каждому слову Толика. Тем более, что фотография в газете была настоящая.

На первой же перемене вся школа знала о подвиге Анатолия Рыжкова из четвертого класса. Малыши смотрели на него с восторгом. Старшеклассники здоровались за руку. И даже учителя, как бы нечаянно, заходили на третий этаж, прогуливались по коридору, и Толик ловил на себе их любопытные взгляды.

Это был день великой славы!

В киоске около школы были мгновенно раскуплены все газеты. Вырезанные фотографии Толика весь день ходили по рукам и к концу уроков истрепались до дыр. В пионерской комнате срочно писали заметку под заголовком: «В нашей школе есть герой». А председатель совета дружины ходил к директору и предлагал назвать их школу именем А. Рыжкова.

В этот день Толик пожал столько рук и выслушал столько поздравлений, что, придя домой, даже не стал ужинать, а повалился на диван и сразу уснул. Он не слышал, как мама осторожно сняла с него ботинки, одежду и перенесла его на постель. Мама укрыла Толика одеялом и долго еще стояла около постели и смотрела, как ее сын улыбается во сне, и радовалась. Она знала, что улыбаться во сне могут только очень хорошие люди.

ХІІІ

На катке дела у Толика шли блестяще. По правилам, ему еще не разрешалось играть за взрослых и даже за юношей. Толик играл за детскую команду. Но это была не игра, а избивание младенцев.

Мишка тоже приходил на каток. Тренировался он вместе с остальными ребятами. Поиграть им давали редко, они все больше занимались физической подготовкой. И очень часто Толик замечал, что Мишка с завистью поглядывает на него, когда он мчится на коньках, умело ведя шайбу. Мишку тренер тоже иногда похваливал. Но не за хорошую игру, а за смелость. Мишка не боялся лезть в самую жестокую свалку. Его часто сбивали с ног, и он грохался на лед, но поднимался и, не обращая внимания на синяки, снова бросался в атаку. Если, конечно, это можно было назвать атакой. Играл Мишка еще неважно. И хотя тренер говорил, что со временем из него может получиться неплохой игрок, никакого сравнения с Толиком даже и быть не могло.

На каток ребята приходили вместе. Но до конца занятий они уже не встречались. Мишка отправлялся в спортзал заниматься физической подготовкой, а Толик надевал хоккейную форму и носился по льду, показывая чудеса. И получалась странная вещь. Чем больше разрасталась слава Толика, тем меньше становилась его дружба с Мишкой. Мишка как будто и не особенно завидовал. Наоборот, он смотрел на Толика с уважением. Но уважения было, пожалуй, слишком много. Уж очень знаменитым становился Толик, чтобы с ним можно было разговаривать запросто.

Толику хотелось, чтобы Мишка восхищался им, как и все остальные. А Мишка держался немного в стороне, будто ему было неловко заговаривать с таким знаменитым человеком.

Однажды Толик совсем было решил истратить одну спичку и

сделать так, чтобы и Мишка играл не хуже его. Но тут же он подумал, что тогда славу тоже придется делить поровну. Это было уже совершенно не обязательно.

И Толик не стал тратить спичку.

Наконец во время тренировки тренер Алтынов вызвал Толика с поля, повел его в медицинский кабинет.

— Я хлопотал, чтобы тебе разрешили играть за взрослых, — сказал он. — Приехала специальная комиссия. Они тебя хотят осмотреть. Ты там держись как следует, понятно?

— Чего тут не понять? — ответил Толик. — Пускай они лучше посмотрят, как я играю.

— Они уже смотрели, но ты их не видел, они потихоньку смотрели.

За столом в медицинском кабинете сидели четыре человека. Один из них был врач стадиона. Остальных Толик не знал, но было сразу видно, что это профессора или даже еще почище, потому что все были в очках.

Когда Толик вошел, он увидел, что профессора смотрят на него с нескрываемым удивлением.

— Здравствуйте, — сказал Толик.

Профессора закивали головами.

— Разрешите мне? — спросил один из профессоров, у которого были очки с двойными стеклами. Он показался Толику самым главным.

— Пожалуйста, коллега, — ответил профессор, у которого были очки с простыми стеклами.

— Прежде всего, молодой человек, — сказал главный профессор, — ответь мне: где ты научился так хорошо играть?

— Я во дворе играл, — ответил Толик.

— Ты хочешь сказать, что, играя во дворе с мальчишками твоего возраста, ты научился играть в силу мастера спорта?

— Еще и лучше, — сказал Толик. — Я лучше всех в мире играю.

— Гм, — сказал главный профессор. — Отсутствием скромности молодой спортсмен не страдает. Теперь слушай меня внимательно. Я буду говорить тебе разные слова, а ты отвечай первое слово, которое придет тебе в голову. Это игра такая. Понял?

— Чего тут не понять? — сказал Толик.

— Я начинаю. Слушай внимательно. Груша!

— Яблоко.

— Петух!

— Курица.

— Ложка!

— Вилка.

— Кошка!

— Собака.

— Коробок!

— Волшебный.

— Как ты сказал? — удивился главный профессор. — Почему волшебный? Что значит волшебный?

Толик испугался. Он понял, что нечаянно проговорился. Он

подумал: сейчас профессор отнимет у него волшебный коробок и выгонит вон. И тогда все поймут, что Толик не такой уж замечательный человек, каким кажется с первого взгляда.

Толик попятился к двери, прижимая руку к карману, в котором лежал коробок.

— Ты меня боишься? — спросил профессор.

— Нет, — сказал Толик. — Я просто так... Мне уже в школу пора.

Профессор наклонился к остальным профессорам, и они зашептались. Толик тоскливо поглядывал на дверь, соображая, как бы лучше удрать. Он думал, что неплохо было бы их всех превратить в червяков, чтобы они не задавали неудобных вопросов.

— В общем, психика в норме, — сказал наконец главный профессор. — Хотя и не понимаю, при чем тут волшебный коробок. Пойдем дальше.

Теперь Толик перешел в распоряжение профессора с простыми стеклами. Ему послушали сердце и легкие. Заставили подуть в резиновый шланг. Затем ему здорово намяли живот — так, что больно стало. Засунули в рот ложку и заставили сказать «а-а-а». Толик чуть не подавился этой ложкой. Но он видел, что профессора одобрительно покачивают головами, и терпел.

— Ну что ж, — сказал главный профессор. — Все прекрасно. Нормально развитый мальчик.

— Спасибо, доктор, — обрадовался тренер Алтынов. — Теперь мы включим его в тренировочный состав сборной СССР.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой профессор. — Я сказал: «Нормально развитый мальчик». Это вовсе не значит, что ему можно играть со взрослыми. Он не выдержит напряжения. Для взрослых команд он недостаточно физически развит.

— Он играет лучше любого взрослого! — сказал тренер.

— Да, — отозвался профессор, — это, конечно, чудо. Это просто необъяснимо. И все же придется несколько лет обождать. Я не имею права. Мне самому очень жалко, но ничего не поделаешь.

— Что такое «недостаточно физически развит»? — спросил Толик, когда они вместе с тренером вышли из кабинета.

— Это значит, у тебя силы мало, — сказал тренер и вздохнул. — Не разрешают тебе играть за взрослых.

— А чего мне с малышами делать?!

— Это верно, — согласился тренер Алтынов. — Но раз комиссия решила... Вот если бы у тебя силенки побольше было...

— Я, может быть, сильнее всех в мире! — рассердился Толик.

— Не хвастайся. Побольше скромности.

— А чего мне скромность — сказал Толик, — я вот им сейчас докажу.

И Толик побежал назад к лестнице. У двери кабинета он на минуточку задержался. Что он там делал, тренер не видел. Но вот открылась дверь, и на лестницу вышла комиссия.

Впереди важно шел главный профессор. За ним гуськом шли остальные. Толик остановился у них на пути.

— Дяденька, — сказал он главному профессору, — вы не верите, что я очень сильный?

— Верю, верю, — улыбнулся главный. — Разреши пройти, мальчик.

И тут тренер Алтынов увидел, что его ученик легко поднял одной рукой главного профессора, а другой рукой поднял профессора с простыми стеклами и понес их вниз по лестнице. От удивления они даже не сопротивлялись. Лишь в самом низу лестницы главный профессор опомнился и лягнул Толика ногой. Но Толик даже не почувствовал удара. А у профессора на пятке появился синяк.

Внизу Толик поставил их на землю. Затем он взял железную балку, которую привезли для починки трибуны, размахнулся и швырнул ее вверх. Со свистом, как ракета, балка взвилась в синее небо и исчезла. Она упала далеко за городом, но этого никто не видел. Зато профессора видели, как Толик поднял кирпич, сжал его в кулаке и раскрошил на кусочки. Потом он взял трехметровую статую хоккеиста, стоявшую у входа на лестницу, покидал ее с ладошки на ладошку и аккуратно поставил обратно. В завершение всего Толик выбрал из кучи бревен одно, самое толстое, и без усилия, словно щепку, переломил его об колено. Затем он подошел к профессорам и спросил:

— Видали, какой я сильный?

Главный профессор растерянно смотрел то на сломанное бревно, то на тяжелую статую, которая мирно стояла на своем месте.

— Вы что-нибудь видели, коллега? — спросил он.

— А вы что-нибудь видели, коллега? — ответил профессор с простыми стеклами.

— Мне что-то показалось.

— И мне что-то показалось.

— Возможно, нам только показалось? — неуверенно сказал главный профессор.

— Да, это нам только показалось, — вздохнул профессор с простыми стеклами. — Ведь этого не может быть.

— Не может, — согласился главный профессор.

Профессора, испуганно поглядывая на Толика, сели в свою машину и уехали, так и не разрешив Толику играть за взрослых. Толик вздохнул и побрел в раздевалку переодеваться.

— Рыжков! — окликнули его сзади.

Толик остановился. Вытирая вспотевший лоб, к нему быстро подходил тренер.

— Что это значит, Рыжков? — спросил тренер, кивая на сломанное бревно.

— Я нечаянно, — скромно ответил Толик.

— Нечаянно?! — закричал тренер Алтынов. — Ты говоришь, «нечаянно»?! Хотел бы я видеть человека, который может сделать это нарочно!

— Я же не виноват, что я такой сильный родился.

— Слушай, Рыжков, — тихо спросил тренер. — Объясни мне, пожалуйста, кто ты. Ты человек? Или ты бог? Или ты сумасшедший? Я слово даю — никому не скажу. Как ты это сделал?

— Это очень просто, — усмехаясь сказал Толик. Он взял еще бревно и так же легко переломил его о другое колено. — Нужно только нажать посильнее — и все.

— Иди домой, Рыжков, — устало сказал тренер. — Я ничего не понимаю. Приходи послезавтра. Мы с тобой поговорим. А сегодня я очень устал.

Схватившись за голову, тренер побрел обратно в медицинский кабинет, чтобы спросить у доктора, нет ли каких-нибудь порошков от сумасшествия. Тренер думал, что у него начинаются галлюцинации. Хорошо еще, что он не видел, как Толик, рассерженный тем, что ему все-таки не разрешили играть за взрослых, подошел к груде бревен, пнул ее, и она рассыпалась, как будто была из спичек.

Тренер не знал, что он только что разговаривал с самым сильным человеком в мире.

XIV

После собрания, на котором Толик уже в десятый раз рассказывал о своей победе над львом, к нему подошла Лена Щеглова. Теперь она разговаривала очень уважительно.

— Рыжков, — сказала Лена, — у нас к тебе есть просьба. Мы хотим выставить твою кандидатуру в старосты класса. Ты как на это смотришь?

— Валяйте, — согласился Толик. — Могу и старостой.

— Кроме того, — сказала Лена, — к Первому мая мы готовим концерт для родителей. Ты обязательно должен выступить.

— А чего я буду делать?

— Ничего. Просто расскажешь про свой мужественный поступок. Ну, про льва.

— Я уже сто раз рассказывал.

— Ну и что же, — сказала Лена. — Каждый будет делать, что умеет. Леня Травин, например, будет играть на скрипке.

— Я и сам могу на скрипке, — небрежно сказал Толик. — Даже почище твоего Травина.

— Ты?!

— Я. Могу еще танцевать. Могу петь. Все что угодно могу.

— И на пианино играть?

— Хоть на двух пианино.

Лена с сомнением посмотрела на Толика. Но спорить с героем ей не хотелось. Еще обидится, и выступать не будет.

— Тогда приходи на репетицию, — сказала Лена.

— Я и без репетиции могу.

— А как тебя объявлять?

— Объявите, что выступает Рыжков — и все.

— Спасибо, — сказала Лена. Она протянула Толику руку. Толик взял ее ладонь в свою, и вдруг Лена закрутилась на месте и завизжала. Толик сначала не понял. А Лена, чуть не плача, трясла рукой и дула на побелевшие, слипшиеся пальцы.

— Сумасшедший! — кричала она. — Что я тебе, лев, что ли! Чуть руку не раздавил!

Толик совсем забыл, что он был теперь самым сильным человеком в мире.

До конца дня Толик неплохо повеселился. Он ходил по школе и пожимал руки. Это было очень интересно. Особенно если пожимать руки старшеклассникам. Встретит какого-нибудь десятиклассника. Тот скажет: «А-а-а, победитель львов...» Толик скажет: «Да, это я», — и протянет руку. Десятиклассник небрежно протягивает ему ладошку, а в следующую секунду начинает корчиться и плясать на месте.

После третьей перемены все уже знали, что у Толика Рыжкова стальное рукопожатие, и никто не рисковал протягивать ему руку. Борьба с ним тоже никто не хотел, потому что любого Толик швырял на землю одним мизинцем. Слава Толика росла с каждой минутой.

Правда, были тут и некоторые неудобства. Играя на большой перемене в пятнашки с мячом, Толик чуть не насквозь пробил мячом Сашу Арзуханяна. Не то чтобы очень насквозь, но синяк под лопаткой получился здоровенный. После этого никто не захотел играть с Толиком. Все боялись. И Толик ходил по двору один со своей славой. А ребята поглядывали на него с почтением, но близко не подходили.

Лишь один Мишка, которому жалко стало, что Толик ходит один, подошел к нему и сказал:

— Ну, давай поиграем во что-нибудь.

— Чего с вами играть! — ответил обиженный Толик. — Труссы вы все, вот что.

— Никто не трусит, — сказал Мишка. — Просто ты очень сильный. С тобой неинтересно. Тебе же вот со мной в хоккей неинтересно играть. И с Ботвинником тебе в шахматы тоже было бы неинтересно играть. Он тебя в два счета обыграет.

— Я сам могу хоть трех Ботвинников обыграть, — сказал Толик, — да мне не хочется.

По старой привычке Мишка постучал пальцем по лбу, но вышло это у него как-то невесело.

— Ладно, — сказал он, — ты сначала со мной сыграй.

В шахматы Толик играть не умел. Но за последнее время он привык к похвалам и даже не представлял себе, что у него может что-то не получиться. Сам того не замечая, все подвиги, которые он совершил с помощью коробка, Толик приписывал одному себе. Он, конечно, помнил о коробке, но ведь он и на самом деле стал самым сильным и самым ловким. А из-за чего это произошло — это уже неважно.

Толику было просто смешно, что Мишка осмеливается спорить с таким великим человеком.

— Я тебя левой рукой могу на Луну забросить, — сказал Толик.

— Ты сначала меня в шахматы обыграй.

— Да я могу... Я все могу!

— Ну, а в шахматы?..

— С закрытыми глазами! — гордо сказал Толик.

— Тогда приходи ко мне после уроков. Можешь даже с открытыми.

После уроков Толик, не заходя домой, отправился к Мишке. Мишкина мама покормила их ужином, и они сели за шахматную доску.

Первый ход сделал Мишка. Толик закрыл глаза и двинул пешку. Мишка усмехнулся и двинул слона. Толик двинул еще пешку. Мишка передвинул какую-то совсем неизвестную Толику фигуру.

— Можешь открывать глаза, — сказал Мишка. — Тебе мат. Называется «детский мат».

— Почему это «детский»? — возмутился Толик.

— Потому что на такой мат попадают одни малыши. Которые совсем играть не умеют.

— Уж ты молчи, — сказал Толик. — Ты вот ко льву в клетку не полез!

— А я ничего и не говорю, — ответил Мишка. — Я и не говорю, что полез. А ты говоришь, что меня обыграл. Вот и обыгрывай.

— Я могу и к тигру полезть!

— Я не про тигра, — сказал Мишка. — Я про шахматы.

Следующую партию Толик играл с открытыми глазами. Она закончилась ровно через пять ходов. Толик снова получил мат. Все еще надеясь на случайное чудо, Толик проиграл и третью и четвертую. После пятой партии Толик начал злиться.

— Дурацкая игра! — объявил он. — Клеточки всякие, фигурочки.

— Обыкновенная игра, — возразил Мишка. — Только тут думать надо.

— А я что — не думаю?

— Плохо думаешь.

— Значит, я дурак?

— Просто ты играть не умеешь, а хвастаешься.

— Я хвастаюсь?!

— А то я, что ли!

— Да я могу к трем тиграм в клетку залезть!

Мишка усмехнулся и стал собирать фигуры. А Толик — великий и могучий Толик! — почувствовал, что еще одна секунда — и он разорвет Мишку на мелкие кусочки. И очень хорошо, что эта секунда не настала. Толик быстро сообразил, что если он разорвет Мишку на кусочки, то ему не с кем будет рассчитаться. А как рассчитаться, Толик уже придумал. Он не позволит, чтобы над ним смеялся бывший друг, а теперь — жалкий, слабосильный Мишка Павлов, который не может переломить бревно о колено. Толик сам над ним посмеется.

Толик сунул руку в карман.

— Чего ты там шепчешь? — спросил Мишка.

— Сейчас узнаешь! Ставь шахматы.

Первую партию Мишка проиграл на четырнадцатом ходу. Вторую — на пятнадцатом. Третью — на двенадцатом.

Толик ходил не задумываясь.

За него все само думалось.

— Толик, ты же раньше никогда не играл в шахматы, — с удивлением сказал Мишка.

— Я притворялся, — небрежно ответил Толик. — Давай еще партию.

Мишка внимательно посмотрел на Толика и как будто хотел что-то спросить, но не спросил, потому что в эту минуту в комнату вошел Мишкин папа.

— Сражаетесь, молодежь? — сказал папа. — Одобряю. Это гораздо лучше, чем в футбол гонять. Ну, и кто же кого?

— Он меня все время обыгрывает, — сказал Мишка.

— Что-то я не помню, чтобы Толя увлекался шахматами, — сказал папа.

— Я потихонечку, — пояснил Толик. — Я все время сам с собой играл.

— Ты сыграй с ним, — предложил Мишка. — Он здорово играет.

— Боюсь, что ему будет со мной неинтересно, — сказал папа. — Все-таки у меня — первая категория.

— Ничего. У меня категория еще меньше, — подбодрил папу Толик, который не знал, что первая категория вовсе не самая слабая, а самая сильная.

Мишка еще раз расставил фигуры.

После пятого хода Мишкин папа сказал:

— Гм...

После десятого хода папа сказал:

— Ого!

Толик двигал фигуры молниеносно. И после каждого его хода папа надолго задумывался и почесывал подбородок. Мишка с тревогой следил за папой. Он знал, что, в отличие от остальных людей, в трудных положениях шахматисты скребут не затылок, а подбородок.

После семнадцатого хода папа несколько оживился и сказал:

— Ну-ка, ну-ка, тэк-с, тэк-с, тэ-э-эк-с...

Мишка знал, что на языке шахматистов это означает: «Вот тут-то ты, братец, и попался». Очевидно, до полной папиной победы оставалось всего несколько ходов.

После двадцать первого хода папа сказал:

— Ну и ну!

А после двадцать третьего хода папа потерял фигуру и сдался, потому что, в отличие от остальных людей, шахматисты сдаются при первой возможности.

— Толик! — торжественно сказал папа. — Ты знаешь, что ты талант?

— Знаю, — ответил Толик.

— Когда ты так научился играть?

— Понемножку, — сказал Толик. — Хотите еще сыграть?

— С удовольствием, — сказал папа, расставив шахматы, и быстро проиграл еще одну партию.

— Это просто невероятно! — воскликнул папа. — Ты расправляешься со мной как с ребенком. Тебе обязательно нужно участвовать в соревнованиях.

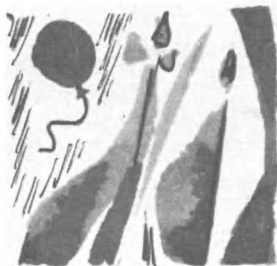
— Некогда, — скромно ответил Толик. — Уроков очень много.

— Знаешь, папа, он вообще очень способный, — сказал Мишка, как-то странно глядя на Толика. — Он и в хоккее лучше всех играет, и сильнее всех в школе, и даже зверей не боится.

— Вот ты и бери с него пример, — посоветовал папа. — Всегда надо брать пример с лучших.

— Я-то беру... — начал было Мишка, но замолчал, увидев, что Толик грозит ему кулаком. Мишка не испугался кулака. Он просто подумал, что рассказывать папе про чудеса будет нечестно, раз Толик сам этого не хочет.

Все же, провожая приятеля до лестницы, Мишка не мог не думать над тем, почему он не рассказывает ни своим маме и папе, ни вообще близким о своих подвигах. Мишка не мог этого понять. Впрочем, объяснить этого не мог никто, кроме самого Толика. А он молчал.

XV

Чем ближе праздник, тем лучше у людей настроение. Особенно если такой праздник, как Первое мая. Ведь это праздник весенний, и, значит, после него еще будет долгое, веселое и свободное лето.

По городу уже развесили флаги и гирлянды разноцветных лампочек. На площадях стояли гигантские глобусы, вокруг которых бегали маленькие спутники. Уже плакали во дворах малыши, раздавившие свои первые шарики; но слезы эти были недолгие и какие-то праздничные.

Во всех школах ребята тоже готовились к празднику. Они сочиняли стихи, разучивали песни, готовили самодеятельные концерты и писали на досках: «Последний день — учиться лень, и просим вас, учителей, не мучить маленьких детей». Учителя не обижались, — им тоже хотелось, чтобы скорее наступило Первое мая.

Один лишь Толик побаивался этого дня. Великий человек Анатолий Рыжков — победитель львов, непревзойденный хоккеист, сильнейший человек в мире — трусил, как самый ничтожный дошкольник. Он мог переломить бревно о колено и обыграть в шахматы Ботвинника. Но рядом с Толиком жили обыкновенные люди. Они умели делать обыкновенные вещи. И если кто-то из них после десяти лет упорного труда становился знаменитым шахматистом, то это тоже было вполне обыкновенно. Но Толик умел делать одни лишь чудеса. Это становилось опасным. Толик начал беспокоиться.

Конечно, коробок был у него. Можно было потратить несколько спичек, и все забыли бы, что есть на свете такой волшебник Толик Рыжков, и перестали бы обращать внимание на его чудеса. Но ведь чудеса только тогда и хороши, когда на них обращают внимание. Что толку от твоей силы и смелости, если ее никто не видит и не удивляется. Что толку от твоих пятерок, если тебя за это не хвалят. Ведь как приятно, что Чича теперь боится подходить к Толику ближе чем на сто метров! А если Чича все забудет, то в первый же день Толик получит от него по шее.

Нет, все-таки хорошо быть волшебником! Хорошо, если одним движением пальцев можно сделать то, на что другой потратил бы годы! И пускай все завидуют!

Вот только что делать на школьном концерте? Первое мая уже на носу, но еще ничего не удалось придумать. Хорошо бы посоветоваться с Мишкой, но тогда ему нужно все рассказывать. Кроме того, в последнее время Мишка как-то странно стал поглядывать на Толика, — наверное, завидует. Так ему и надо! Пусть завидует. А на концерте Толик выступит, как и обещал Лене Щегловой. Он не будет делать никаких чудес, а прочитает какое-нибудь стихотворение из «Родной речи».

Стихотворение Толик учил два дня. Он совсем отвык учить и по долгу бессмысленно глядел на строчки. Стихотворение не запоминалось. Но спичку он все же тратить не стал, выучил сам половину. Дальше никак не училось. Толик решил, что половины будет вполне достаточно.

И вот наступило 29 апреля. К шести часам вечера в школе собрались принаряженные родители. Пока ребята таскали в зал стулья, родители степенно прохаживались по коридорам, знакомились друг с другом. Папы потихоньку, совсем как старшеклассники, бегали курить в уборную.

Папа Толика быстро нашел какого-то любителя футбола, и они вдвоем пинали ногами воздух, показывая, как нужно бить мяч резаным ударом «сухой лист».

Лена Щеглова, похожая на парашют в своем капроновом платье, утащила Толика за кулисы.

— Ты с чем выступать будешь?

— Стихотворение, — ответил Толик. — Законное. «Широка страна моя родная».

— Это же песня!

— Ничего, — сказал Толик. — Законно будет.

Лену позвали, и она убежала. Толик покосился на Леню Травина, стоящего рядом со скрипкой.

— Скрипеть будешь?

Леня с презрением посмотрел на Толика и затряс кистями рук, разминая свои музыкальные пальцы.

— Ты не очень долго скрипи, — посоветовал Толик. — А то все мухи сохнут.

— Мне перед выступлением волноваться нельзя, — сообщил Леня, — а то бы я тебе дал.

— А ты после выступлений дай, — посоветовал Толик, но тут же вспомнил, какой он великий человек, и перестал задираться. Стоило ли тратить слова на какого-то ничтожного Травина.

Когда открылся занавес, родители дружно зааплодировали, хотя сцена была еще пустая. Затем вышла Щеглова-парашютик и радостно объявила:

— Начинаем концерт учащихся младших классов, посвященный празднику Первого мая.

Дальше Щеглова не успела ничего сказать, потому что на сцену выбежали четыре первоклассницы. Они стали танцевать польку. Одна первоклассница все время путала. То она отставала от подруг и кру-

жилая одна, а то вдруг останавливалась и смотрела, как будто не понимая, что делают остальные. В зале смеялись. И только под конец все поняли, что она изображала артистку-растеряшку.

Первоклассникам хлопали очень долго. Одна женщина хлопала так, что свалилась со стула. Потом оказалось, что это была мама растеряшки.

Следующим номером выступал Леня Травин. Он вышел на сцену и поклонился. За это ему похлопали. Затем он провел смычком по струнам, и все затихли, думая, что он уже начал играть. Но оказалось, что он пикивал просто так, настраивая скрипку. Но вот, наконец, он заиграл. Это была протяжная и грустная музыка. И сам Леня стал сразу какой-то грустный и тонкий. От его вида и от его музыки у Толика вдруг пересохло горло и задрожали колени. Он вспомнил, что следующий номер его. Уж лучше бы этот несчастный Травин играл что-нибудь другое. Например, песню из кинофильма «Человек-амфибия»: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...» Эту песню знали в школе даже первоклассники. Она страшно веселая. Но Травин играл совсем не то. Тем не менее после окончания ему долго хлопали. А один мужчина кричал «бис!» так громко, что с потолка сыпался мел. Потом оказалось, что это папа Лени Травина.

И вот на сцену вышел Толик. Он сразу увидел своего папу, который сидел в первом ряду и о чем-то переговаривался с директором. Толику стало нехорошо. Ведь директор мог рассказать папе про льва и про все остальное. Толик стоял и глядел на папу, стараясь услышать, о чем он говорит. Толик совсем забыл, что стоит на сцене. Тогда в зале, подбадривая его, стали дружно хлопать. Толик с недоумением посмотрел в зал и вспомнил, что ему нужно читать стихотворение.

— Широка страна моя родная, — дрожащим голосом сказал Толик и замолчал.

В зале выжидающе затихли.

— Много в ней... в ней... Много в ней!.. — крикнул Толик и снова замолк. Он забыл слова.

— Лесов, — подсказали из зала.

— Лесов... — повторил Толик.

— Полей!

— Полей... — повторил Толик.

— И рек! — громко и озорно подсказал тот же голос.

— И рек... — согласился Толик.

В зале засмеялись. Папа перестал разговаривать с директором. А Толик с ужасом понял, что остальные слова он забыл. Проще всего было бы убежать со сцены. Но тогда одним ударом была бы сметена слава Толика, которая досталась ему с таким трудом. Толик пытался вспомнить хоть какое-нибудь стихотворение, но то, что он учил раньше, уже забылось, а домашние задания вспоминались ему только тогда, когда нужно было отвечать урок.

В общем, Толик стоял с открытым ртом на ярко освещенной сцене, за кулисами металась растерянная Лена Щеглова, около рояля хихикал Травин, прикрывая рот своими музыкальными пальцами, а в зале взрослые шикали на ребят, чтобы они не смеялись и не смущали Толика.

И вдруг Толик вспомнил! Он вспомнил стихотворение, которое они когда-то сочинили с Мишкой. Правда, они не все написали сами. Они немного поглядывали в стихотворение Пушкина. Но сейчас Толику было все равно — лишь бы не молчать.

— У лукоморья дуб зеленый... — сказал Толик.

В зале затихли.

— Златая цепь на дубе том.

И днем и ночью кот ученый

Котенка кормит молоком...

По залу прокатился шепот. А Толик, ничего не замечая, читал строчки, которые уже сами собой лезли ему в голову:

— Над златом чахнет царь Кощей,

И ловит слон в лесу лещей.

Там на неведомых дорожках

Верблюды пляшут в босоножках...

Первыми не выдержали ребята. Они захохотали, и вслед за ними засмеялись взрослые. В зале поднялся ужасный шум. А Толику казалось, что все смеются потому, что он такой остроумный, и он, чтобы его было слышно еще лучше, закричал изо всех сил:

— Там в облаках перед народом.

Лягушка стала пешеходом...

Но в зале стоял такой шум, что Толика уже никто не слышал. И взрослые и ребята хохотали изо всех сил. Не смеялся лишь папа Толика. У него было очень растерянное лицо. Он оглядывался по сторонам с таким видом, будто искал дверь, в которую можно было удрать. И лишь теперь, когда взглянул на папу, Толик понял, что все смеются над ним, Толиком.

Покраснев от обиды, Толик бросился со сцены. За кулисами он, как вихрь, пронесся сквозь толпу первоклассников, готовящихся к выступлению, сбил с ног одного мальчика и одну девочку, оттолкнул Лену Щеглову, которая хотела его задержать. Лена пролетела метра три по воздуху, упала на большой барабан и заплакала. А Толик выбежал в коридор.

Он свернул за угол и, уткнувшись во что-то мягкое, остановился.

Перед ним, морщась от боли, стояла Анна Гавриловна.

Толик подумал, что теперь, когда он сорвал концерт и чуть не сбил с ног Анну Гавриловну, его уже ничто не спасет. Он быстро сунул руку в карман, где побрякивали в коробке спички. Но Анна Гавриловна сказала:

— Не надо так расстраиваться, Толя. Ничего особенного не случилось.

Толик поднял голову и взглянул на Анну Гавриловну недоверчиво, думая, что и она над ним смеется. Анна Гавриловна и вправду улыбнулась, но как будто бы через силу. Наверное, было все-таки больно. Ведь Толик головой угодил ей прямо в живот.

— Ничего особенного, — говорила Анна Гавриловна. — Ты просто позабыл все от волнения. Это хоть один раз в жизни обязательно случается с любым человеком. Я, когда проводила свой первый самостоятельный урок, тоже все позабыла и убежала из класса так же, как и ты со сцены.

— Они смеются... — насупившись, проговорил Толик.

— А ты сам бы разве не смеялся? Вот представь себе, что ты сидишь в зале, а на сцене пляшут в босоножках верблюды.

Толик улыбнулся и вытащил руку из кармана.

— Все равно я туда не пойду.

— Тебя никто и не заставляет. Иди домой, успокойся. И помни, что я сказала: ничего особенного не произошло.

— А мне не попадет, что я концерт сорвал?

— Ты ничего не сорвал. Там уже идет следующий номер.

Толик смотрел вслед Анне Гавриловне и думал, что не все прошло бы для него гладко, если бы она знала, что Лена Щеглова пролетела три метра по воздуху. Но тут Толик виноватым себя не считал. Все вышло совершенно случайно, просто потому, что он был самым сильным человеком в мире. А вспомнив, что Лена никогда не жаловалась учителям, он совсем успокоился.

И все же какое-то тоскливое и неприятное чувство возникло у него после разговора с Анной Гавриловной. Как будто он был в чем-то виноват и никак не мог избавиться от этой вины. И как будто оттого, что учительница не стала его ругать, а посочувствовала, становилось еще тоскливее. Спускаясь по лестнице, Толик старался вспомнить, в чем же он провинился перед Анной Гавриловной, но так и не вспомнил.

Все же на нижней ступеньке лестницы он, поколебавшись, сунул руку в карман, переломил спичку и прошептал:

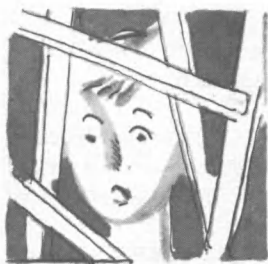
— Пускай у Анны Гавриловны все пройдет, если я ее ушиб.

Но Толик не был уверен, что это его главная вина. Главной он так и не смог вспомнить. Впрочем, это не так уж важно. Пока в кармане есть коробок, ошибки исправлять так же легко, как и делать. Перед школой, заложив руки за спину, прохаживался папа.

— Иди сюда, — сказал папа.

— Зачем? — растерянно спросил Толик.

— А вот узнаешь зачем, — загадочным тоном сказал папа.

XVI

В комнате было очень тихо, и, когда папа замолкал, Толик слышал, как на его руке тикают часы. Они тикали назойливо и нахально. В эту минуту Толику очень хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, чтобы не нужно было отвечать на папины вопросы. Коробок тут помочь не мог. Отвечать все равно когда-нибудь пришлось бы.

— Я разговаривал с директором. Он рассказал мне про какую-то историю со львом. Что это за история?

Толик молчал.

— Очередная ложь?

— Это правда, — тихо сказал Толик.

— Я тебе не верю!

— Честное слово!

— Твое слово редко бывает честным.

Толик молча достал из своего портфеля газету и показал папе.

— Ну и что же? — сказал папа. — Тут ясно сказано: «...остался неизвестным». Просто какой-то мальчик, очень похожий на тебя. А ты воспользовался этим сходством. Ведь ты даже белых мышей боишься. Ни о каких львах и речи быть не может!

— Честное слово, это я!

— Толя, ведь ты уже взрослый мальчик, — устало сказал папа. — Разве ты не видишь, что мы с мамой хотим тебе добра? Мы хотим, чтобы ты вырос честным человеком. Разве мы тебе враги, что ты нам все время лжешь?

— Я не лгу. Вот я сегодня совсем не лгу! — с обидой сказал Толик.

— Хорошо. Оставим льва в покое. Как ты считаешь, разбираюсь я немного в хоккее?

— Разбираешься.

— Так вот, я не могу понять, каким образом одиннадцатилетний мальчик вдруг начинает играть в силу мастера спорта. Это тоже правда?

— Правда.

— Толик, подумай, прежде чем ответить. Мы с тобой уговорились, что будем разговаривать честно. Ведь я тебя никогда не наказывал. Я и сейчас не собираюсь тебя наказывать. Но, пожалуйста, говори правду.

— Эта правда! — сказал Толик. — Правда! Правда! Правда!

— Тогда объясни, как это у тебя получается.

Толик молчал. Снова громко и назойливо затикали часы.

— Или ты просто над нами издеваешься — надо мной и мамой?

— Я не издеваюсь.

— Так где же ты научился играть, черт возьми?! — закричал папа.

— Я не учился...

— А что же?

— Все само получилось.

— Как это «само», по волшебству, что ли?

— По волшебству.

Папа схватился руками за голову и заходил по комнате. Толик видел, что он изо всех сил сдерживается, чтобы говорить спокойно. И Толику было жалко папу и жалко себя, оттого что ему не верили, хотя сегодня он говорил чистую правду.

Наконец папа немного успокоился. Он сел на стул прямо напротив Толика и спросил:

— Ты выиграл первенство школы по шахматам. Мне об этом сказал директор. Я знаю, что ты никогда раньше не играл в шахматы. Это так?

— Так.

— Значит, ты теперь быстро научился?

— Нет.

— А как же?..

— По волшебству.

— Ты очень жестокий человек, Толя, — тихо сказал папа. — Я хотел бы, чтобы ты сейчас оказался на моем месте. Но я бы не стал над тобой смеяться, как это делаешь ты.

— Но я совсем не смеюсь. Честное слово!

Папа грустно посмотрел на Толика, махнул рукой и отошел в сторону. Он сел на диван. Лицо у него было очень расстроенное. Никогда еще Толик не видел, чтобы папа выглядел таким печальным. Толику очень хотелось, чтобы папа, как раньше, улыбнулся и сказал: «Ладно, старик, не будем спорить. Давай лучше посмотрим телевизор». Но папа ничего не говорил. Он сидел и смотрел в одну точку, на пустую стену.

Одно лишь движение пальцев — одна спичка — и папа все бы забыл, и у него появилось бы прекрасное настроение. Но Толик почему-то не хотел прибегать к помощи спичек. Он боялся, что и у папы, как это было с мамой, вдруг станет ненастоящее лицо и он будет говорить не своим голосом. Толик даже был доволен, что мама еще не пришла с работы и не слышит этого разговора. Она обязательно заступилась бы за Толика и поссорилась бы с папой.

Толик понимал, что папа обиделся по-настоящему и надолго. Это было особенно неприятно потому, что как раз сегодня Толик не врал. Он все время говорил правду. Но папе, как и всем остальным людям, даже и в голову не приходило, что на свете еще могут совершаться такие чудеса.

Сейчас Толик жалел, что он раньше не рассказал обо всем Мишке. Вдвоем они обязательно что-нибудь бы придумали. Но Мишки рядом не было. Был папа. И он очень обиделся на Толика.

«А что, если рассказать все папе? — подумал Толик. — Папа очень обрадуется. Он перестанет сердиться. Мы загадаем, чтобы у нас было много денег. И пойдем в кино вместе с папой и мамой. А потом купим папе и маме праздничные подарки. Папе — мотоцикл, а маме — большую банку земляничного варенья: она его очень любит. А потом... потом все будет тоже прекрасно: спичек осталось еще много, но я скажу, что их всего четыре или пять... Остальные истрачу сам, когда придумаю, что с ними делать».

Окончательно решившись, Толик повеселел. Он подошел к папе:

— Папа, хочешь, я расскажу тебе всю правду?

Папа повернулся к Толику. Он смотрел недоверчиво, но постепенно лицо его прояснилось. Он видел, что Толик говорит очень серьезно и лицо у него очень честное.

— Ну и хорошо, старик, — сказал папа и положил руку на плечо Толику. — Давай скорее кончим этот разговор и пойдем купим тебе и маме подарки. Я на тебя сегодня немного покричал, но ты не сердись. Я, знаешь ли, очень расстроился. Ведь ты уже большой и можешь это понять. Да и на концерте мне было не очень приятно...

— Там ничего особенного не было, — сказал Толик. — Я просто слова позабыл.

— Ну да, — согласился папа, — это со всяким может быть... Ладно, старик, ничего страшного. Говори свою правду.

— Так вот, — сказал Толик. — Ты помнишь тот день, когда ты обещал мне клюшку?

— Ну еще бы! — воскликнул папа. — Тогда наши выиграли: три-один...

— Так вот, в тот день меня забрали в милицию.

— Этого еще не хватало!

— Ты не бойся. Никто ничего не узнает. Как раз в тот день я нашел волшебный коробок.

— Какой коробок?

— Волшебный.

— Это в каком смысле? — спросил папа. — Очень красивый, что ли?

— Нет. На самом деле волшебный. Если переломить спичку и загадать желание, оно сразу исполняется.

— Это у вас игра такая? — спросил папа.

— Нет, это на самом деле.

— Ну, хорошо, — согласился папа. — Волшебный так волшебный. Что же ты мне хотел рассказать? Ты обещал говорить правду.

— Вот я и загадал. Чтобы в хоккей играть лучше всех в мире. И чтобы меня лев испугался. И чтобы в шахматы играть лучше всех.

— И это все?

— Все.

— Толик, — сдерживаясь, сказал папа. — Ты обещал рассказать правду. Я тебе поверил. А ты опять сочиняешь небылицы.

— Это не небылицы! — обиделся Толик. — Вот этот коробок, смотри.

Толик сунул руку в карман и вытащил коробок.

Папа машинально взял его в руки, повертел и швырнул на диван.

Он покраснел, и лицо его снова стало очень сердитым. Ни слова не говоря, он быстро вышел в коридор.

— Папа, я не вру! — закричал Толик. — Не вру! Не вру! Почему вы все мне не верите?!

В передней хлопнула дверь. В квартире стало тихо.

Толик стоял посреди комнаты и плакал, держа в руке коробок.

Толик был самый сильный человек в мире. Он лучше всех играл в хоккей и в шахматы. Но он никак не мог сделать так, чтобы папа хоть на минуточку ему поверил. Если, конечно, не прибегать к помощи коробка.

И это было очень обидно, потому что получалось, будто Толик уже ничего не может добиться сам, даже если будет говорить лишь одну правду.

XVII

На улице было очень много народу. Все шли с сумками и свертками, все торопились. Все говорили громко и смеялись, потому что перед праздником у людей всегда особенно хорошее настроение. Трамваи, разукрашенные флажками, отчаянно звеня, протискивались сквозь толпы людей, которые сегодня расхаживали по улицам как попало. Постовой милиционер не обращал внимания на беспорядок. Он все равно не смог бы справиться. Да его сегодня как-то и не особенно боялись.

Впрочем, один человек, увидев постового, заблаговременно перешел на другую сторону. Ему не хотелось попадаться на глаза именно этому постовому.

Конечно, постовым был старшина Софронов, а осторожным человеком — Толик.

Трудно было надеяться, что в этой толчее удастся разыскать папу. Но вдруг повезет! Толик знал, что папа будет гулять по улицам, пока не успокоится. Толик шел, озираясь по сторонам, и держал руку в кармане. В кулаке была зажата спичка.

Как только он увидит папу, то сразу сделает какое-нибудь чудо, а папа поверит. А потом они вместе будут обсуждать, как истратить остальные спички.

Но папы все не было.

У киоска, где продавалось мороженое, стояла очередь. Вертя головой, чтобы случайно не пропустить папу, Толик встал в самый хвост. Очередь двигалась быстро. У самого прилавка Толик обнаружил, что не взял денег. Это его не испугало. Сунув руку в карман, он прошептал несколько слов, и тут же в его ладони зашуршала бумажка.

— Два пломбира, — сказал Толик.

— У меня нет сдачи с таких денег, — сказала продавщица, взглянув на сторублевку. — Удивительно, как это тебе мама такие деньги доверила. Беги домой, пока не потерял.

— А я мороженого хочу, — сказал Толик.

— Ну что он там копается! Давайте побыстрее! — зашумели сзади.

— Граждане, кто сто рублей разменяет? — спросила продавщица.

Очередь засмеялась.

— Чего там сто, давай уж сразу тысячу!

— Еще надо проверить, откуда у мальчишки такие деньги, — произнес кто-то сердитым голосом.

Толик попятился от прилавка.

— Держи его! — шутливо сказал тот же голос.

Но Толику было не до шуток. Он быстро отошел от прилавка и нырнул в толпу, проклиная себя за то, что не догадался назвать хотя бы пятерку. С этой сотней теперь и в магазине показаться опасно.

Пробежав на всякий случай с полквартала, Толик увидел, что

навстречу идет Мишка с Майдой. Он снова хотел перейти на другую сторону, но Мишка его уже заметил.

— Ты зачем наши стихи читал? — без всякого предисловия спросил Мишка.

— А твое какое дело!

— Потому что это нечестно.

— Да чего вы ко мне со своей честностью пристааете! — возмутился Толик. — Честно, нечестно... Надоели!

— Никто к тебе не пристаёт, — сказал Мишка. — Ты лучше руку из кармана вынь. Майда не любит, когда руки в карманах держат.

— Чихал я на твою Майду!

— Ты очень много воображать стал.

— Сколько надо, столько и воображаю. Не учи ученого.

Толик глянул поверх Мишкиного плеча и съежился. Ему хотелось стать как можно незаметнее. Навстречу ему, отдуваясь и пыхтя, с толстой улыбкой на толстом лице шел толстый доктор из зоопарка. Как всегда, он нес множество свертков, которые расплзались и стремились упасть на тротуар.

Доктор был уже близко, когда Толик стремительно бросился на другую сторону улицы. Нечаянно он задел какую-то женщину, а та задела доктора и свертки посыпались на асфальт.

Мишка кинулся собирать свертки. А доктор даже не взглянул на женщину, которая его толкнула. Наверное, он привык к тому, что он толстый и его все время толкают.

— Большое спасибо, молодой человек, — сказал доктор Мишке, когда все свертки снова оказались у него в руках. — У меня, видите ли, жена в больнице, и приходится все делать одному. Могу я угостить сарделькой вашу замечательную собаку?

— Спасибо. Она не возьмет.

— Значит, она тем более замечательная, — улыбнулся доктор и пошел дальше, протискиваясь сквозь толпу.

Мишка огляделся по сторонам. Толика не было. Он исчез внезапно, будто растаял.

Он не ушел, не убежал, не спрятался, а просто ИСЧЕЗ. Как тогда, у клетки со львом.

Мишка стоял посреди тротуара. Его толкали прохожие. Но он не замечал ничего. Он вспоминал. Перед ним, как на экране кино, проплывали чудеса Толика. Чудеса расплывались и сталкивались, но вот наконец они собрались в одну кучу, и тогда Мишка подумал, что этого просто не может быть. И еще он подумал, что все это было. Все это не приснилось, не показалось, потому что не может ни казаться, ни сниться разным людям одно и то же.

«Значит, Толик — это не Толик, — подумал Мишка. — Но где же тогда Толик?»

И тут же впервые он понял, что с настоящим Толиком что-то случилось и нужно искать его немедленно.

Мишка подобрал поводок и вместе с Майдой прямо через газон побежал к знакомому дому.

XVIII

Дверь Мишке открыла Анна Гавриловна. Она с удивлением посмотрела на Майду, на Мишку и спросила:

— Что случилось, Павлов?

— Анна Гавриловна, мне нужно вам что-то сказать.

— Это срочно?

— Не знаю, — сказал Мишка.

— Ну, проходи.

Анна Гавриловна толкнула дверь в комнату. Мишка, придерживая Майду за ошейник, вошел. За столом, стоящим посреди-не, сидели два малыша. Они были совсем одинаковые, наверное, близняшки.

Малышки размазывали по тарелкам манную кашу. Увидев собаку, они замерли. Глаза их стали круглыми от восторга.

— А вот собачка, — сказала Анна Гавриловна. — Собачка любит, когда дети хорошо кушают.

Близняшки дружно засунули в рот пустые ложки.

— Я слушаю, Павлов, — сказала Анна Гавриловна.

Мишка вздохнул.

Он не знал, как начать.

Совсем не просто говорить про такие вещи. Особенно если приходится рассказывать про друга.

— Я слушаю, — повторила учительница.

— Я про Рыжкова хочу... — сказал Мишка. — Только я не хочу на него жаловаться.

— Ну, не жалуйся, — улыбнулась Анна Гавриловна.

— А вы его не будете наказывать?

— За что же его наказывать?

— Я сам не знаю, — вздохнул Мишка. — Понимаете, Анна Гавриловна, он все время хвастается...

— Но ты же дружишь с ним не первый год. Он всегда любил похвастаться. Ты знаешь это не хуже меня.

— Я совсем про другое, — сказал Мишка. — Раньше он хвастался — и все было неправда, а теперь он хвастается — и все правда.

— Ничего не понимаю. Вы что, с ним поссорились?

— Я не знаю, — с отчаянием сказал Мишка. — Я не про это хотел. Я сначала хотел его папу спросить. Но тогда Толику бы попало. Потом я хотел своему папе рассказать, но он все равно бы Толикиному папе сказал. И все равно бы Толику попало. А я не могу никому не рассказывать! Я не понимаю ничего...

Анна Гавриловна уже не улыбалась. Она встала со стула и пересела на диван.

— Садись ко мне, — сказала она. — Успокойся. Я не буду тебя ни о чем спрашивать. Садись и расскажи сам. А потом мы вместе подумаем. А сейчас и я ничего не понимаю, Миша. Что-то случилось с Рыжковым? Очень плохое, да?

Мишка сидел рядом с Анной Гавриловной. Мысли его бегали

сами по себе, не подчиняясь ему. Мишка поднял голову и посмотрел на Анну Гавриловну.

— Может, его убили... — прошептал он.

— Как... убили... Кто? — тоже шепотом спросила учительница. Лицо ее стало белое и чужое. — Что ты говоришь, Миша?!

— Вы не волнуйтесь, Анна Гавриловна, — заторопился Мишка. — Я его сейчас видел. Он живой. Он гуляет. Я совсем не про то думал. Я вам сейчас все расскажу. Вы помните, как он в клетку залез?

Анна Гавриловна торопливо поднялась с места, подошла к вешалке и стала надевать пальто.

— Где ты его видел? — спросила она чужим голосом. — Идем сейчас же! Покажи, где ты его видел. Идем искать. Немедленно!

— Да я совсем не про это! — закричал Мишка. — Он живой. Ничего с ним не случилось!

Анна Гавриловна прислонилась к двери.

— Вы помните, как он в клетку залез?

— Помню.

— Ну, так он не лазил. Я рядом стоял и все видел.

— Ты хочешь сказать, что это не Рыжков прогнал льва?

— Рыжков.

— Значит, он был в клетке?

— Был.

— Ты что, издеваешься надо мной, Павлов? — тихо спросила Анна Гавриловна.

— Я не издеваюсь! — снова закричал Мишка. — Он не лазил в клетку. Он просто там ОКАЗАЛСЯ. Он был рядом со мной и вдруг СТАЛ там...

— Что значит «стал»?

— Он ногами не шел! Понимаете? Ногами не шел. Он не перелезал ни через чего. Он сразу ОКАЗАЛСЯ там.

— Дальше... — сказала Анна Гавриловна, как-то странно взглянув на Мишку.

— Потом он обыграл меня в шахматы. Потом он обыграл моего папу. А у папы первый разряд.

— Ну и что же тут особенного?

— Он раньше никогда не играл в шахматы! — сказал Мишка. — Он совсем играть не умел.

Анна Гавриловна с интересом взглянула на Мишку. Она сняла пальто и снова села к нему на диван.

Близняшки за столом не сводили глаз с Майды. Они сидели тихо как мыши.

Каша давно остыла на их тарелках, но Анна Гавриловна не обращала на них внимания. Она слушала. А Мишка рассказывал про хоккей и про то, как они дрались возле школы, когда руки у него размахивались сами собой.

— Но ведь этого не может быть, — сказала Анна Гавриловна, когда Мишка закончил.

— Не может, — согласился Мишка. И снова та же мысль пришла ему в голову, и он опять сказал шепотом: — Вот я и подумал, что То-

лика украли или убили. А ОН совсем не Толик! Он другой, вместо Толика...

— Ерунду ты говоришь!! — сказала Анна Гавриловна. — Что ж его и мама и папа не узнают?

— У него и мама другая... — сказал Мишка. — Она ему все решает и не ругает. Она совсем другая. Они оба другие...

— Где он сейчас?

— Он, наверное, в парк побежал.

— Ты можешь его найти? Скажи, чтобы он сейчас ко мне пришел.

— С Майдой я его сразу найду.

Мишка, придерживая Майду за ошейник, пошел к двери. Близняшки слезли со стульев и, взявшись за руки, как зачарованные, заковыляли вслед за Мишкой, не сводя глаз с собаки.

XIX

Тем временем Толик шел по улице и озираясь чаще, чем обычно. Сегодня ему явно не везло. Он все время, как нарочно, встречал тех, с кем вовсе не хотел встречаться, и никак не мог найти папу. Толик нервничал. Он вертел головой и все ждал, что из-за ближайшего угла выйдет директор зоопарка или капитан милиции. Сегодня все могло случиться.

Далеко стороной Толик обошел место для кормления голубей. Там было два белых голубя. Среди них мог очутиться и голубь-Зайцев, с которым Толику тоже не хотелось встречаться.

Наконец Толик подошел к парку. Здесь было поспокойнее. На длинных аллеях издали было видно любого человека. В случае чего, рядом — кусты, в которых можно скрыться. Кроме того, где-то в парке ходит папа. Он всегда уходил в парк, если ему нужно было о чем-нибудь серьезно подумать.

И вдруг Толик вспомнил, что ведь совсем не нужно искать папу. Стоит переломить спичку, и он очутится рядом с папой, где бы тот ни находился в эту минуту.

Толик сунул руку в карман.

— Руки вверх! — раздался из кустов негромкий голос.

Толик быстро выдернул руки из карманов и застыл на дорожке.

— Иди сюда!

Толик, как зачарованный, послушно шагнул к кустам, раздвинул ветки и оказался на небольшой поляне. И тут он увидел того, о ком почти уже забыл и с кем ему больше всего не хотелось встречаться.

Перед Толиком стоял мальчик с очень голубыми и очень холодными глазами. В руке он держал пистолет. Он смотрел на

Толика презрительно, словно на какую-то козявку, и улыбался загадочно и неприятно.

Заметив, что Толик с испугом поглядывает на пистолет, мальчик усмехнулся и швырнул пистолет в кусты.

— Не бойся, — сказал он. — Я с тобой и без пистолета что угодно сделаю. Я давно за тобой слежу. Да ты все с Мишкой ходишь... Никак было тебя одного не поймать.

«Откуда он знает, что Мишку зовут Мишкой?» — с ужасом подумал Толик. А мальчик, словно угадав его мысли, сказал:

— Я про тебя все знаю. Дурак ты порядочный, вот что. Сколько спичек потратил, а все без толку. Дай сюда коробок!

— Это мой коробок!

— Лучше отдай по-хорошему.

— Не отдам.

— Хорошо, — согласился мальчик. — Теперь смотри.

Лишь сейчас Толик заметил, что мальчик левую руку держит в кармане.

Быстрым движением Толик сунул руку в карман. Но было уже поздно. В ту же секунду коробок выскочил из кармана Толика и мягко опустился на ладонь мальчика.

— Ясно? — сказал мальчик и засмеялся, и глаза его еще ярче засветились голубым огнем. — Теперь ты никакой не волшебник. Ты самый обыкновенный школьник. А волшебник — это я! — с гордостью сказал мальчик и даже стукнул себя кулаком по груди. — Мне не нужны твои спички. У меня осталось еще девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять коробков. Недаром я полтора года без перерыва считал эти коробки. Иначе я давно бы уже учился в шестом классе. Но теперь мне не нужны никакие классы. Я — волшебник. И, кроме меня, во всем мире нет ни одного волшебника. И я могу превратить тебя в червяка. И ты будешь жить под землей. Но я не сделаю этого, потому что ты жадина и мне нравишься.

Больше всего на свете Толик хотел бы сейчас очутиться дома. Ему уже не нужно было никаких спичек. Он с радостью расстался бы со своей силой и со своим хоккейным мастерством. Он хотел, чтобы все было по-прежнему. И очень хорошо, если бы рядом сейчас стоял Мишка. Но рядом стоял не Мишка, а этот странный мальчик с очень странными голубыми глазами. Он смотрел на Толика с любопытством, но в этом любопытстве не было дружелюбия. Он разглядывал Толика, будто какого-нибудь зверька.

За кустами послышался смех. По дорожке, переговариваясь, прошли девушки. Толик с надеждой посмотрел в их сторону. Он даже сделал шаг по направлению к ним, будто они могли его защитить.

— Стой на месте! — приказал мальчик.

И Толик послушно остановился. Он понимал, что убегать бесполезно. Никто не мог его защитить от волшебной силы спичек. Никто! Даже Мишка, если бы он был сейчас рядом.

— Можно, я пойду домой? — робко спросил Толик.

— Нет, — засмеялся мальчик. — Стой здесь, пока я тебя не отпущу. А может быть, я тебя и вообще не отпущу.

— Меня папа будет ругать...

— А зачем тебе папа? У меня вот нет никакого папы. И все-таки я волшебник.

Как ни напуган был Толик, он все-таки удивился.

— У всех есть папа... — растерянно сказал он. — У тебя, наверное, папа умер?

— Меня это не интересует, — ответил мальчик. — Я потратил целых десять спичек, чтобы забыть всех. Я — волшебник. А они мне только мешали. Мне не нужны ни друзья, ни родственники. Но ты — жадина. И ты мне нравишься. Хочешь, будем дружить?

— Можно, я лучше домой пойду?

— Ты отказываешься от моей дружбы?!

— Нет... — дрожащим голосом сказал Толик и незаметно пощупал свою спину, чтобы проверить, не превращается ли он в червяка.

— Тогда мы с тобой будем дружить. Ты будешь мне во всем подчиняться. Называть меня будешь «Волшебник». Жить мы с тобой будем в одном месте. Нас там никто не увидит. У тебя будет все, что ты захочешь. Но если ты меня не будешь слушаться, я превращу тебя в червяка.

— А мои папа и мама?

— Ты забудешь их, — сказал мальчик и похлопал себя рукой по карману.

Откуда-то из глубины парка донеслись шесть коротких писков — проверка времени.

Толик подумал, что мама, наверное, уже дома. Может быть, и папа уже пришел. Мама поставила разогревать ужин и каждую минуту бегаёт смотреть к окну, не идет ли Толик. Папа тоже беспокоится и жалеет, что они с Толиком поссорились, и даёт себе обещание никогда его больше не ругать. Так всегда бывает, если Толик опаздывает неизвестно почему. Мама и папа всегда дают такие обещания, лишь бы Толик не попал под трамвай или с ним не случилось бы чего-нибудь другого. А когда Толик благополучно возвращался домой, его, конечно, ругали.

Сейчас Толик готов был слушать нравоучения хоть всю ночь. Лишь бы его отпустил этот мальчик.

— Я не хочу забывать маму и папу, — сказал Толик.

— Да это же ерунда, — небрежно сказал мальчик. — Всего одна секунда. Ты даже ничего не почувствуешь.

— Все равно не хочу!

Мальчик пожал плечами.

— Твое дело. Тебе же будет хуже.

— Я не хочу «жить в одном месте». Я хочу с ними.

— Зато я хочу! — мальчик сверкнул голубыми глазами. — Ты будешь все делать, как я хочу. А если не будешь слушаться... — И мальчик снова похлопал рукой по карману.

Толик с тоской глянул в сторону аллеи. Там ходили и смеялись невидимые отсюда люди. И Толику казалось, что смеются они над ним. И он снова, сегодня уже во второй раз, заплакал.

— Не реви! — строго сказал мальчик. — У меня есть дела

поважнее, чем твои слезы. Садись сюда и слушай. Я хочу, чтобы ты все знал. Но если ты все будешь знать, то ты меня выдашь.

— Я не выдам, — сквозь слезы сказал Толик. — Честное слово, не выдам!

— Я никому не верю, — сурово сказал мальчик. — А ты — жадина. И ты мне нравишься. . .

— Я не жадина, — робко возразил Толик.

Мальчик засмеялся.

— А кто пожалел для Мишки даже одну спичку?

Толик с ужасом посмотрел на мальчика и умолк. Мальчик знал все. И возразить было нечего.

— Ты меня не бойся, — сказал мальчик. — Мы еще с тобой будем дружить. Я ведь раньше тоже был такой, как ты. И я первый нашел этот коробок. Просто я умней тебя. На второй спичке я загадал сто порций мороженого. Но уже на третьей я понял, что так я быстро истрочу все спички на пустяки. И тогда я загадал, чтобы у меня было ровно миллион таких коробков. Я никому не верю, даже волшебным спичкам. И я сам взялся отсчитывать эти коробки. Я считал их полтора года. Зато я теперь самый могущественный человек на земле. Я могу сделать все что угодно. И для этого мне не нужно будет работать. Тебе просто повезло, что ты попал туда, где я считал коробки. Только я не понимаю, как ты туда попал. Ведь я был во вчерашнем дне.

После всех событий сегодняшнего дня Толик уже не мог ничему удивляться. Вчерашний день, так вчерашний. Ему было уже все равно. Но мальчик заметил, что Толик не понял, что такое вчерашний день.

— Это я сам придумал! — с гордостью сказал мальчик. — Ты жадина, но ты глупее меня. Тебе бы никогда не придумать про вчерашний день. А я придумал, и поэтому я теперь такой великий волшебник. Вчерашний день — это и есть вчерашний день. Ведь то, что было вчера, уже прошло. И никто никогда не увидит того, что было вчера. Потому что все это уже было, а на следующий день будет все новое. И если я уйду во вчерашний день, то меня тоже не будет видно. Люди будут ходить совсем рядом и ничего не будут замечать. Но все-таки я не понимаю, как ты попал во вчерашний день. Твое счастье, что я не имел права истратить хотя бы одну спичку, пока не отчитаю миллион коробков. А то я тогда еще превратил бы тебя в червяка.

— Лучше бы я никогда не брал коробка, — уныло сказал Толик. — Я же не знал, что он волшебный. Я и не хотел ни в какой день попадать. . .

— Я думаю, что ты попал во вчерашний день потому, что ты жадина, — задумчиво сказал мальчик. — Я очень люблю жадин. Я сам жадина. Я теперь самая главная и самая умная на свете жадина.

Понемногу в парке темнело. Кроны деревьев и кусты стали почти черными. На их фоне ярко-голубые глаза мальчика вспыхивали маленькими, какими-то злыми и жадными светлячками.

— Ну, довольно, — сказал мальчик. — А теперь мы с тобой уйдем.

— Куда?! — с ужасом спросил Толик.

— Во вчерашний день. Ты увидишь, как я там все хорошо устроил.

— Я не хочу! — закричал Толик. — Отпусти меня. Я пойду к маме. Она уже пришла с работы.

— Если ты еще раз произнесешь слово «мама», ты забудешь ее навсегда!

— Я не буду, не буду произносить! — умоляющим голосом проговорил Толик, озираясь по сторонам. У него еще оставалась маленькая надежда, что кто-нибудь заглянет в кусты, быть может, милиционер, или хотя бы толстый доктор, или пускай хоть профессор с двойными стеклами, и спасет его. Но кругом было тихо.

— Приготовиться! — скомандовал мальчик.

И в этот момент Толик увидел Мишку. Впрочем, он даже не знал, Мишка это или нет. Просто в просвете между кустами мелькнули две фигурки, похожие на человека с собакой.

— Мишка! — в отчаянии крикнул Толик. — Мишка! Спаси меня!

Вслед за тем он услышал топот ног и собачий лай. И вот, протиснувшись сквозь кусты, на полянку выбежал Мишка, держа на поводке Майду.

Тяжело дыша, Мишка осадил Майду. Он взглянул на мальчика и спокойно спросил:

— Он чего, пристаёт к тебе?

— Он не пристаёт. Он еще хуже... — сказал Толик и умолк, видя, как еще ярче вспыхнули глаза мальчика.

— Ну-ка, иди отсюда! — сказал Мишка.

Мальчик презрительно усмехнулся, но ничего не ответил.

— Идем, Толик, чего с ним связываться, — пожал плечами Мишка. — Мне даже его бить жалко.

Мальчик захохотал. Мишка посмотрел на него и сплюнул.

— Ненормальный какой-то. Идем, Толик, не связывайся.

— Теперь и ты никуда отсюда не уйдешь. Немедленно проси прощения...

— Тьфу ты! — сказал Мишка. — Иди отсюда, пока цел.

— Проси, Мишка, проси, — умоляющим голосом произнес Толик. — Может быть, он нас отпустит.

Мальчик, не обращая внимания на слова Толика, сунул руку в карман. Майда, не спуская с него глаз, заворчала и рванулась, но Мишка удержал ее. Он вовсе не любил натравлять собак на людей.

— Не держи ее! Отпусти! Ты ничего не знаешь! — закричал Толик. Он подбежал к Мишке и вырвал у него из рук поводок. Майда с рычанием прыгнула. Но было уже поздно.

В ту же секунду Толик, Мишка и Майда почувствовали, как будто их подняло в воздух и понесло неизвестно куда.

Чужие ботинки

XX

Толик проснулся в большой комнате. Было утро. Солнце ярко светило сквозь окна, и большой цветистый ковер на полу как будто горел под этим ослепительным светом.

«Откуда у нас этот ковер? — подумал Толик. — Вчера его не было».

Переведя взгляд на спинку кровати, Толик увидел красивую стеклянную табличку с надписью: «Умываться по утрам не обязательно».

«Это, наверное, все папины шутки», — подумал Толик. Он скинул одеяло, соскочил с постели и полез под кровать за тапочками. Вместо тапочек там стояли новенькие ботинки. Толик вытащил их, и попал под солнечный луч, ботинки вдруг засверкали так, что смотреть на них можно было лишь прищурившись. Сверкали подметки и шнурки, которые были почему-то желтого цвета. И вообще ботинки были какие-то не настоящие, как будто их сняли с новогодней елки.

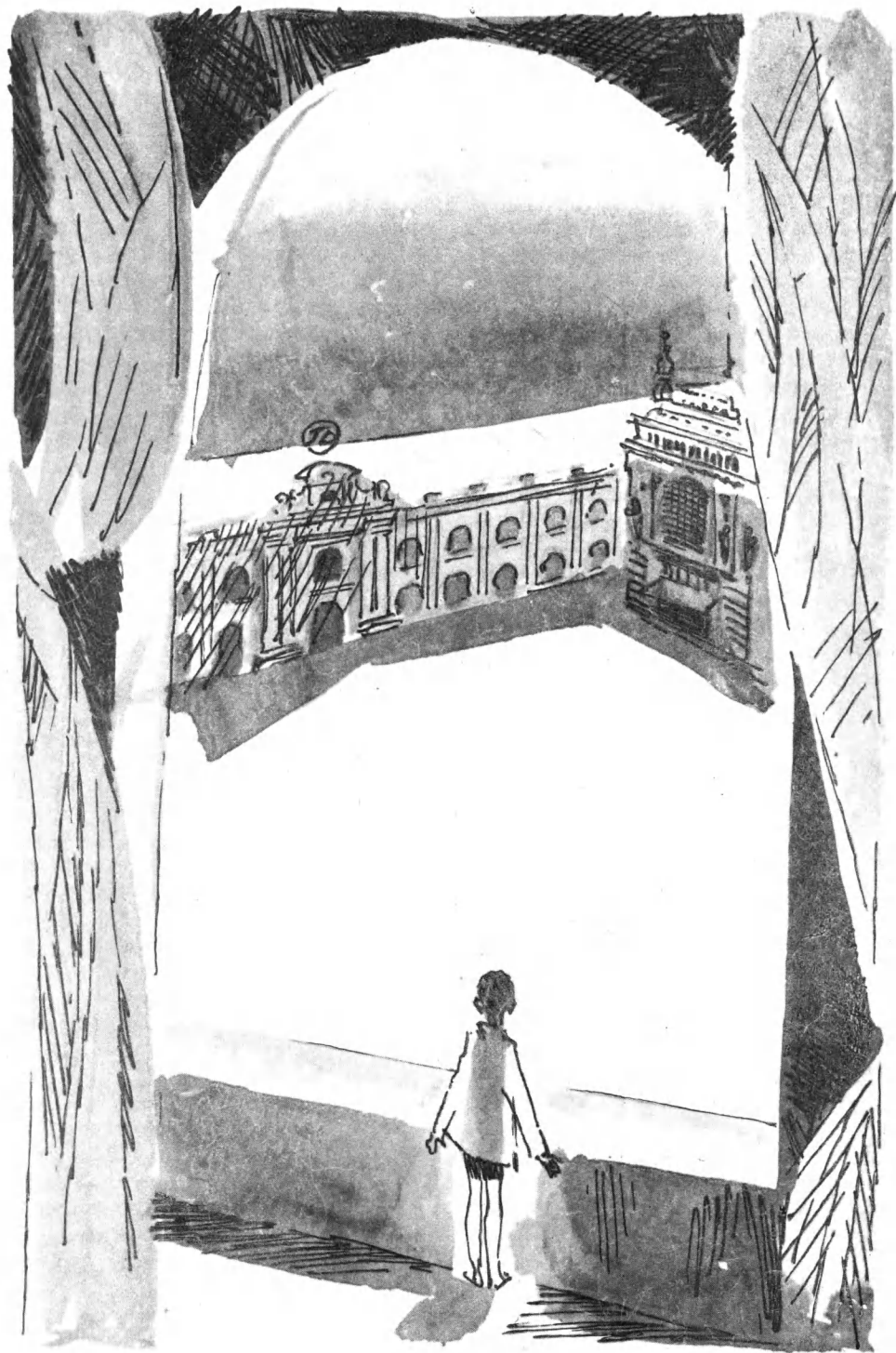
«Чужие ботинки», — подумал Толик и задвинул их опять под кровать.

Рядом с кроватью на белом стуле лежала одежда. Удивляясь все больше, Толик развернул рубашку и брюки. Они оказались удивительно легкими, но пуговицы были большими и сделаны из того же металла, что и подметки. Одна пуговица на рубашке весила, наверное, столько же, сколько вся рубашка. Костюм тоже был каким-то маскарадным. Толик понял это окончательно, когда разглядел на рубашке золотую звездочку Героя Советского Союза.

В недоумении Толик огляделся по сторонам и лишь сейчас понял, что он находится вовсе не в своей комнате.

Комната была просто огромная. Под потолком висела гигантская люстра с тысячами стеклышек, которые переливались на солнце. Вдоль стен до самого потолка тянулись колонны. Возле колонн стояли большие вазы. Все было очень большое, массивное. Толику показалось, что он где-то уже видел эту комнату, а вернее, не комнату, а целый зал. Ни у кого из папиных и маминых знакомых не могло быть такого зала.

Толик подошел к вазам. Первая ваза была доверху наполнена конфетами «Белочка». Во второй лежали плитки шоколада.

В третьей — пирожные. Все сорок четыре вазы были наполнены какими-нибудь сладостями. Но Толик не обрадовался этим сладостям. Наоборот, с каждой минутой ему становилось все тревожнее. Это уже не было похоже ни на маскарад, ни на шутку. В комнате было очень тихо. И снаружи тоже не доносилось ни одного звука, несмотря на то, что окна были открыты. Не было слышно шума автомобильных моторов, людских голосов, шарканья метлы дворника — не было слышно ничего.

Как был, в трусах и рубашке, Толик побежал к окну и выглянул наружу. Он увидел пустынную площадь, залитую асфальтом. Вокруг площади стояли здания, которые тоже показались Толику знакомыми. Они были двух- и трехэтажными, с колоннами, башенками, громадными зеркальными окнами — здания старинной постройки, похожие одновременно на дворцы и на магазины.

«Гостиный двор», — прочитал Толик надпись на одном из длинных зданий. На другом было написано: «Детский мир», на третьем — «Лакомка». Это была площадь магазинов. Толик не узнал эти магазины потому, что они стояли все подряд, вместе, хотя должны были находиться на разных улицах города.

И теперь стало понятно, почему ни одного звука не доносилось из раскрытых окон. На площади не было ни одного человека, ни одного автомобиля, ни даже хотя бы голубя — не было ничего, что могло разговаривать, шуметь или двигаться. В зеркальных витринах безмолвно застыли манекены, протягивая неизвестно кому яркие полотна материи. На мертвой площади манекены и сами казались мертвецами. Но Толик даже обрадовался им, потому что они хоть чуточку походили на людей.

Больше на площади ничего не было. Даже ветра не было.

Толик оглянулся. Кровать и стул стояли посредине комнаты. Отсюда они казались маленькими и одинокими. И Толику тоже показалось, что он остался совсем один в целом мире, один на всей земле, откуда вдруг по неизвестной причине ушли все люди.

По старой привычке Толик закрыл глаза, чтобы проверить, не сон ли это. Он долго, минут пять, стоял с закрытыми глазами. Когда же он осторожно приоткрыл один глаз, то увидел, что ничего не изменилось.

Толик пересек комнату-зал и подошел к двери. Тяжелая, украшенная розочками и завитушками дверь распахнулась перед ним сама, и Толик попятился. Он постоял немного в раздумье, внимательно посмотрел в щель между дверью и косяком, думая, что там кто-то спрятался, но никого не увидел.

Втянув голову в плечи, Толик шагнул за порог, ожидая, что его сейчас ударит током или произойдет еще что-нибудь страшное. Но опять ничего не случилось.

Вниз спускалась широкая лестница с мраморными ступенями и мраморными перилами. Эта лестница показалась Толику знакомой. Он где-то видел ее, но никак не мог вспомнить где. Чего-то не хватало на этой лестнице, кажется, ковра. Во всяком случае, ступать босыми ногами по холодному мрамору было не очень приятно.

Поеживаясь, Толик спустился вниз. На улицу вела еще одна дверь — толстая, с зеркальными стеклами и большими золотыми руч-

ками. Она также открылась сама, едва Толик подошел к ней. На этот раз Толик уже не удивился. Он решил, что у дверей есть какой-нибудь скрытый механизм, который начинает работать, если к нему приблизится человек. В конце концов, при теперешней технике это уж не так трудно сделать.

Толик вышел наружу. Перед ним лежала уже знакомая площадь. Снизу она казалась еще больше и еще пустыннее.

— Э-эй! Кто тут есть! — крикнул Толик.

Никто не откликнулся. Лишь через некоторое время, отразившись от безмолвных домов, магазинов, голос Толика вернулся к нему слабым эхом.

— Тут-ут-ут есть-есть-есть...

Сбоку послышался какой-то шорох. Толик обернулся, и у него, как когда-то у Чичи, задрожали сначала ноги, потом руки и наконец даже уши.

Перед Толиком стоял и смотрел на него своими большими глазами Железный Человек. На нем не было никакой одежды, но его нельзя было назвать голым, как нельзя назвать голым, например, камень. У него были руки, ноги и голова. У него были даже нос и рот, который улыбался неизвестно чему. Улыбка как будто застыла на его лице. На безволосой железной голове рос один-единственный волос, тоже железный. Волос был длинный, с шариком на конце.

Все это Толик разглядел в одну секунду. В следующую секунду он отпрянул назад и прижался к стене, ожидая немедленной смерти.

Железный Человек молча смотрел на Толика и не шевелился.

Толик медленно, едва заметно, вжимаясь спиной в стену, передвинулся на несколько сантиметров. Все так же улыбаясь, Железный Человек чуть-чуть повернул голову.

И тогда, не помня себя от ужаса, Толик оторвался от стены и бросился бежать наискосок через площадь. Но сразу же за его спиной возник металлический звук тяжелых шагов. Кто-то бежал за ним, не догоняя и не отставая. Собрав последние силы, Толик побежал еще быстрее. Шаги за спиной загремели еще громче. Тот, кто бежал сзади, не произносил ни слова. Но Толик чувствовал, что он уже не в силах бороться со своим страхом. Ноги у него подкосились, и он упал на асфальт посреди площади, закрыв голову руками. Он знал, что на него обрушится сейчас удар железной руки, и это будет последнее, что он успеет почувствовать. С какой-то не очень сильной обидой, почти равнодушно, Толик подумал: «За что? Что я ему сделал?» — и закрыл глаза, приготовившись к смерти.

Но вокруг было тихо. Шаги смолкли. Лишь где-то рядом громко и часто стучали невидимые молоточки. Толик не сразу понял, что слышит стук своего сердца.

Наконец Толик решился открыть глаза. Он выглянул из-под руки и увидел Железного Человека. Тот стоял метрах в трех. Он был совершенно спокоен, как будто и не бежал только что. А на его железном лице сияла все та же улыбка.

— Вы... чего... — сказал Толик, еле шевеля губами от страха.

— Непонятно, — немедленно отозвался Железный Человек.

— Я... боюсь... — сказал Толик.

— Пожалуйста, — ответил Железный Человек. — Ты можешь делать все, что хочешь. Ты не можешь делать того, что не разрешается.

Толик заметил, что, когда Железный Человек говорил, на его лице ничего не менялось. Даже губы не шевелились. Они застыли в вечной улыбке.

Постепенно страх Толика стал проходить. Нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя совсем хорошо. Но он видел, что пока Железный Человек не собирается его убивать. Во всяком случае, когда человека собираются убить, с ним особенно долго не разговаривают.

— Вы настоящий? — спросил Толик уже посмелее.

— Я настоящий.

— Почему же вы такой железный?

— Я настоящий робот.

— Почему же вы разговариваете?

— Я умею разговаривать.

— Можно, я буду вас спрашивать?

— Ты можешь делать все, что хочешь. Ты не можешь делать того, что не разрешается.

— А кто это мне не разрешает? — спросил Толик, уже совсем оправившись от испуга.

— Волшебник.

Толик вскочил на ноги. Он вдруг все вспомнил. Он понял вдруг сразу то, о чем смутно догадывался еще раньше. Это было вчера... А быть может, и не вчера, а тысячу дней или тысячу лет тому назад... Но это уже неважно, потому что мальчик с голубыми глазами ему не приснился.

Толик Рыжков, бывший ученик четвертого класса, бывший сын папы и мамы, находился сейчас во вчерашнем дне.

И как будто в подтверждение этих мыслей, на дальнем конце площадки послышался шум мотора. Толик увидел большую черную автомашину, которая мчалась прямо к нему. Машина была без шофера. Она двигалась сама собой. А на заднем сиденье, развалившись, сидел тот, кого Толик и ожидал увидеть.

Машина сама остановилась возле Толика.

— С добрым утром, — насмешливо сказал мальчик.

Толик ничего не ответил.

— Почему ты ходишь босиком? — спросил мальчик. — Разве тебе не понравились ботинки с золотыми подошвами и шнурками? Они такие же, как и у меня. Смотри.

Мальчик задрал ногу, и перед глазами Толика ослепительным блеском вспыхнули точно такие же ботинки, которые он оставил под кроватью.

— А разве тебе не понравился костюм с золотыми пуговицами? Я сам придумал такой фасон.

— Там золотая звездочка, — угрюмо сказал Толик.

— Это я тебя наградил, — хвастливо сказал мальчик. — Я же знаю, что ты мечтал стать героем. Вот я и хотел сделать тебе приятное. Ведь ты мне все-таки нравишься.

— Я не совершил никакого геройского поступка, — сказал Толик. — Мне все равно нельзя носить звездочку.

— А лучше всех играть в шахматы тебе можно? И разве ты заслужил звание лучшего игрока в хоккее?

Толик промолчал. Сказать было нечего.

Мальчик засмеялся.

— Не бойся. Как раз за это ты мне и понравился. Я для тебя изо всех сил стараюсь. Я уже на тебя не одну спичку истратил. Даже стул сделал серебряный. А спал ты во Дворце пионеров. Разве тебе там не понравилось?

«Ну конечно, — подумал Толик. — Как это я раньше не догадался. Зал и лестница — все это я уже видел раньше. Они из Дворца пионеров».

— Что же ты не благодаришь меня?

Толик никак не мог понять, говорит мальчик серьезно или смеется.

— Спасибо, — сказал он, решив, что пока не стоит ссориться с мальчиком. Ведь нужно еще как-то выбраться отсюда.

— Не стоит, — ответил мальчик. — Я уверен, что мы станем большими друзьями. Здесь ты получишь все что угодно. Мы будем самыми счастливыми людьми в мире. Ведь нам совершенно не надо работать или учиться. Ты просто еще не привык. Для начала я советую тебе забыть папу и маму.

— Не надо, — попросил Толик. — Пожалуйста, не надо.

— Как хочешь. Тебе же хуже. Ведь ты все равно отсюда не уйдешь. И твой Мишка тоже никуда не уйдет.

— А где Мишка? — обрадовался Толик.

— Об этом знаю один я! — сердито сказал мальчик. — Я! Я — Волшебник! Тебе об этом знать не обязательно. Твой Мишка — грубиян и невежа. Он не хочет жить во дворце. Он не хочет со мной разговаривать! Он отвратительный человек — в нем совершенно нет лени и жадности. И если он не исправится, я превращу его в... Я еще придумаю, во что его превратить. Я — Волшебник!

Мальчик, кажется, не на шутку рассердился. Он кричал, и глаза его вспыхивали недобрыми голубыми огоньками. Толик испугался, как бы мальчик в гневе не вздумал и его превратить во что-нибудь. Толик отступил на шаг от машины и съезжился, чтобы казаться тихим и безобидным. Мальчик заметил это.

— Не бойся, — сказал он гораздо тише. — С тобой ничего не случится. Ведь ты жадина. И я о тебе позабочусь. Ты видишь этого Железного Балбеса? Он тебя охраняет. Он повсюду будет ходить за тобой.

Толик взглянул на Железного Человека с тайной надеждой, что тот обидится на слово «балбес» и огреет мальчика своей железной рукой по уху. Но Железный Человек даже не пошевелился. Зато мальчик, перехватив взгляд Толика, захохотал.

— Он не обижается, — сообщил мальчик. — Эй, ты, как тебя зовут?

— Железный Балбес, — ответил Железный Человек.

— Разве тебе не обидно? — усмехаясь, спросил мальчик.

— Непонятно.

— Балбес — обидное имя.

— Я — робот, — ответил Железный Человек. — Я не умею обижаться.

— Каковы твои обязанности?

— Он может делать все, что хочет, — сказал Железный Человек, указывая на Толика. — Он не может делать того, что не разрешается. Я всегда нахожусь рядом.

— Понятно? — спросил мальчик. — Он всегда рядом. Тебе нельзя делать того, что не разрешается. Но ты быстро привыкнешь. Ходи и смотри. Тебе понравится. А когда тебе понравится, мы станем друзьями.

Мальчик откинулся на сиденье, и сразу же машина сорвалась с места и быстро скрылась из виду.

Толик повернулся к Железному Человеку. После того как уехал мальчик, Толик подумал, что неплохо было бы завести дружбу с этим роботом. Какие бы железные мозги ни были у него, они не могут быть умнее человеческих. Во всяком случае, думал Толик, обмануть его будет не трудно.

— Где Мишка и Майда?

— Непонятно.

— Мишка... и с ним собака.

— Человек и собака здесь.

— Где? В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

— Я ничего и не делаю.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Тогда скажи, где человек и собака.

— Здесь.

— В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

— Затвердил: «Не разрешается, не разрешается», — сказал Толик, рассердившись. — Дурак ты!

— Я — Балбес, — поправил Железный Человек. — Я — робот.

— А что мне не разрешается?

— Выходить до рассвета.

— Куда выходить?

— Всюду.

— Робот, миленький, — сказал Толик ласковым голосом. — Я никому не скажу. Объясни, что значит «выходить до рассвета».

— Не разрешается.

— Я никогда не буду звать тебя Балбесом. Я тебя очень прошу.

— Я понимаю.

— Ну, ну, — обрадовался Толик. — Тогда скажи.

— Не разрешается.

Толик понял, что договориться с Железным Человеком не удастся. Его железные мозги не знают жалости. Ну что ж, так и полагается Железным Людям. Для этого они и существуют.

Толик вздохнул и побрел через площадь к магазинам. Железный Человек топал за его спиной, не отставая ни на шаг.

В длинных галереях Гостиного двора было пусто. Не было ни продавцов, ни покупателей, ни кассиров. На полках и на витринах лежали товары. Все было так, как и в настоящем Гостином дворе,

даже таблички с ценами и будочки с кассовыми машинами. На лестницах стояли телефоны-автоматы. Толик снял трубку и нажал кнопку бесплатного вызова. Он хотел позвонить в милицию и попросить о помощи. Но гудка он не услышал.

Толик сердито бросил трубку, и она заболталась на цепочке. Железный Человек подошел к телефону и аккуратно повесил трубку на рычаг. Очевидно, он во всем любил порядок. Если, конечно, Железные Люди способны любить что-нибудь.

Толик шел между двумя рядами прилавков и довольно равнодушно смотрел на витрины, где лежало столько замечательных вещей. В отделе фототоваров он все же подошел к полке, снял с нее самый дорогой фотоаппарат и с вызывающим видом посмотрел на Железного Человека. Тот молчал. Толик положил фотоаппарат на место. Еще два дня назад он мог лишь мечтать о таком фотоаппарате. Сегодня же это было совсем неинтересно. Да и фотографировать было некого, разве что Железного Человека.

В спортивном отделе Толик немного оживился. Здесь лежали прекрасные мячи, клюшки, стояли гоночные велосипеды. Толик держался немного за велосипед, но не взял и его. Он представил себе, как едет по площади, а за ним, не отставая, топает Железный Человек. И получалось, что Толик будет вроде собачки на прогулке. Разница лишь в том, что без веревочки.

И прекрасный ниппельный мяч Толик не взял тоже. Играть было не с кем, разве что с Железным Человеком.

Но вот в охотничьем отделе Толик увидел ружья. Десятки ружей и патроны к ним. Толик пошел за прилавок и стал прохаживаться вдоль стойки. У него мелькнула мысль, что неплохо было бы обзавестись каким-нибудь оружием. Кто знает, что может случиться. И что еще придет в голову этому мальчику с голубыми глазами? Во всяком случае, Толик не будет теперь беззащитным.

Толик протянул руку к стойке и взял ружье-двустволку.

Железный Человек, до сих пор безмолвно стоявший рядом, беспокойно шевельнулся.

— Оружие брать не разрешается.

— Я же могу делать все, что хочу! — возмутился Толик.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Я хочу ружье.

— Оружие брать не разрешается.

— А мне наплевать на разрешается и не разрешается! — громко сказал Толик. — Я не просил, чтобы меня сюда уносили.

— Оружие брать не разрешается.

Железный Человек говорил без всякой злости, очень ровным и спокойным голосом. Но когда Толик попытался с ружьем выйти из-за прилавка, Железный Человек шагнул к нему и легко, без всякого усилия выдернул ружье из его рук. Затем он поставил ружье на прежнее место и замер.

— Дурак! — крикнул Толик.

— Я не дурак. Я — Балбес.

— Это одно и то же!

Железный Человек промолчал. Он, как и все Железные Люди, обладал железными нервами. Его невозможно было вывести из себя.

Он не мог ни обидеться, ни рассердиться. И это было вполне естественно. Иначе он был бы хоть немного похож на настоящего человека.

А вот Толик рассердился. Он стал хватать с витрины все подряд и швырять на пол, чтобы хоть как-то досадить Железному Человеку. На пол летели майки, лыжные костюмы, теннисные ракетки. Но все напрасно. Железный Человек молча и невозмутимо подбирал все это и возвращал на место. Через минуту в отделе спортивных товаров не было заметно никакого следа разгрома, учиненного Толиком.

Из спортивного отдела Толик захватил тапочки. На каменных ступенях сильно мерзли ноги. Толик шел мимо витрин, на которых сверкали всевозможные часы, золотые портсигары и драгоценные камни. Около каждого предмета стояла табличка с ценой. И если бы сложить все цены вместе, то получилась бы одна, общая цена — сколько-то там рублей и копеек, — цена разлуки с папой и мамой и со всеми остальными, даже с Чичей, который казался теперь Толику вовсе не плохим парнем. А за спиной гроыхал железными ступнями Железный Человек. У него не мерзли ноги на каменной лестнице.

Толик вышел на площадь. Она по-прежнему была пустыня.

Железный Человек остановился рядом, улыбаясь своей вечной железной улыбкой.

— Время принимать пищу, — сказал он.

— Я не буду есть, — сказал Толик.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Я лучше умру с голода!

— Непонятно.

— Умру. Меня не будет.

— Ты уйдешь?

— Навсегда, — злорадно сказал Толик. — Я уйду, а Волшебник оторвет тебе голову за то, что ты плохо меня охраняешь.

— Уходить запрещается.

— Тьфу на тебя! Замолчи, — сказал Толик. — Шпион!

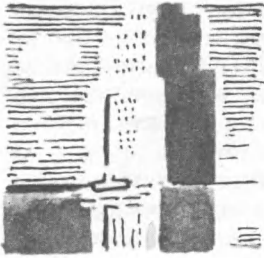
— Я — робот. Я — Балбес, — отозвался Железный Человек.

— Вот и я говорю то же самое, — подтвердил Толик, которому вовсе не хотелось умирать и очень хотелось есть.

И Толик пошел к зданию, над которым висела большая вывеска «Лакомка». Толик уже был здесь с папой и мамой. Тут он в первый раз попробовал ужасно вкусный блинчатый пирог и мороженое с воткнутыми в него ягодами вишни.

Зал, конечно, был пуст. На столах стояли блюда с самой разнообразной едой. Почему-то они были горячими и на вид очень свежими, как будто их только что поставили. И вообще зал нисколько не изменился. Те же колонны, эстрада для оркестра, разноцветные столики и разрисованные стены. Конечно, это было то самое кафе, где они были когда-то с папой и мамой. Толик вдруг подумал, что, наверное, на тех местах, где стояли «Гостиный двор», «Детский мир» и «Лакомка», теперь ничего нет. И конечно, милиция будет искать, куда пропали эти дома, и, может быть, найдет Толика и арестует мальчика с голубыми глазами. Но тут же Толик вспомнил, как он сам заставил старшину арестовать ни в чем не повинного толстого доктора, и понял, что милиция тут не поможет.

Толик взял кусок пирога и съел его, не присаживаясь к столу.

XXI

Далеко от площади магазинов стояло высокое здание, выстроенное прямо на песчаном пляже. В нем было ровно сорок четыре этажа. Морские волны подкатывали к самым ступенькам.

У подъезда покачивались на волнах тридцать новеньких катеров и морской теплоход, покрашенный белой краской.

С другой стороны дома на асфальтовой дорожке расположились тридцать новеньких легковых автомобилей.

На каждом этаже дома было по сто комнат.

В этом доме жил мальчик с голубыми глазами.

По утрам, когда мальчик выходил из дому, тридцать новеньких катеров выстраивались у подъезда, и моторы их начинали работать, словно любой из этих катеров только и мечтал о том, как бы покатавать мальчика.

Тридцать новеньких автомашин приветственно гудели и в нетерпении подпрыгивали на месте, словно застоявшиеся лошади.

А мальчик, не обращая ни на что внимания, раздевался и входил в воду. Ему даже не нужно было шевелить руками и ногами. Море само держало его на поверхности.

Затем мальчик принимался ловить рыбу. Каждую секунду на его крючок попадалась большая рыбина. Он снимал рыб и бросал их на берег.

После рыбной ловли мальчик завтракал. Он сидел один в громадном, похожем на вокзал павильоне и, прежде чем приняться за еду, не меньше получаса раздумывал, что бы съесть такое, чего он еще не пробовал.

После еды он бродил по этажам своего дома. Он пока еще осмотрел не все комнаты. И в каждой комнате его ждали удивительные и прекрасные вещи. Там были комнаты с заводными игрушками, электрическими игрушечными поездами и самолетами. Были комнаты с редчайшими коллекциями марок, аквариумных рыб и всевозможных монет. Была специальная комната с автоматами газированной воды, которые совершенно бесплатно наливали двойную порцию. Было пятнадцать комнат с различными играми. Комната с каруселью. И даже специальная комната с соевыми батончиками.

Если же встречалась пустая комната, то мальчик вынимал из кармана спичку, переламывал ее, и тотчас же комната наполнялась всем, чего он только пожелает.

Пустых комнат было еще много, и мальчику работы хватало. Но он уже подумывал о том, что скоро придется рядом поставить второй дом и начать заполнять его комнаты.

Лишь на двадцатом этаже комнаты пустовали. Вернее, пустовали все, кроме одной. Там жили Мишка и Майда. И, прежде чем войти на этот этаж, мальчик переламывал спичку и шептал что-то, известное ему одному.

На другой день после того, как Толик познакомился с Железным Человеком, мальчик еще раз поднялся на двадцатый этаж. Он вышел из лифта, на цыпочках прокрался по коридору и заглянул в замоч-

ную скважину. За дверью раздалось грозное ворчанье. Тогда мальчик распахнул дверь и вошел в комнату.

В ту же секунду от окна метнулась какая-то тень. Она пролетела по воздуху и, словно ударившись обо что-то, остановилась на полпути и упала на пол. Мальчик засмеялся, но глаза его не смеялись. Они горели холодным голубым светом.

— Я говорил тебе, чтобы ты привязал собаку, — сказал мальчик. — Она не может меня укусить, так же как ты не можешь меня ударить.

Майда, оцетинившись, напрягшись изо всех сил, рвалась к мальчику. Но ее словно что-то держало на месте. Майда не понимала, что с ней происходит. Она обернулась к Мишке и беспомощно посмотрела на него. Но Мишка тоже не мог ей помочь. Все же он встал, взял собаку на поводок и привязал ее к столу, чтобы она не билась грудью о невидимую преграду.

— Ты еще не передумал? — спросил мальчик.

— Я не хочу с тобой разговаривать, пока ты не скажешь, где Толик.

Мальчик презрительно усмехнулся.

— Толик давно о тебе и не думает. Ему понравилось у меня. И мы скоро будем друзьями. Он сам сказал. А про тебя он сказал, что лучше всего, если бы я превратил тебя в червяка.

Мишка ничего не ответил.

— А ведь ты меня боишься, — сказал мальчик. — Меня и нужно бояться. Я — Волшебник. Я самый могущественный человек в мире!

— Слыхали уже, — буркнул Мишка.

— Одна только спичка — и ты будешь просить у меня прощения!

— А без спички ты ничего не можешь. Ты — ноль без палочки.

— Я все могу! — закричал мальчик. — Я — Волшебник. Но я хочу, чтобы ты сам попросил у меня прощения.

Вместо ответа Мишка сложил фигу и показал ее мальчику.

— Ты что, с ума сошел? — удивился мальчик. — Ты понимаешь, что я с тобой могу сделать?

— Понимаю.

— Я тебя даже отпустить могу, — неожиданно сказал мальчик. — Хочешь, я тебя отпущу? Пойдешь к папе с мамой.

Мальчик как будто перестал сердиться. Но все же было в его лице что-то такое, отчего Мишка ему не поверил. Может быть, тому виной были злые голубые огоньки, вспыхивающие в глазах мальчика.

— Никуда я без Толика не пойду.

— Я тебе тысячу рублей дам.

— Подавись ты своей тысячей!

— Миллион рублей!

— Подавись ты своим миллионом.

Глаза мальчика разгорались все сильнее. Они выдавали его. Было видно, что он во что бы то ни стало хочет сломить Мишкино упрямство. И он хочет сделать это без помощи спичек, а сам, и тогда победа его будет настоящей победой.

Неизвестно, понимал ли это Мишка. Но он понимал, что в любую секунду может превратиться в червяка. Мишка держался из последних сил.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я даю тебе три дня сроку. Если за это время ты сам не откажешься от Толика и не попросишь у меня прощения, то я превращу тебя... — Мальчик подошел к окну и задумчиво взглянул на море. У берега на легкой волне покачивались катера. — Я превращу тебя в катер! — радостно сказал мальчик. — И я буду на тебе кататься вместе с Толиком. Толик — жадина, и из него выйдет хороший товарищ.

Мальчик сунул руку в карман, и на стене неожиданно возникли часы с секундной, минутной и часовой стрелками и календарем, который показывал дни недели.

— Смотри, — сказал мальчик. — С этой минуты часы начинают счет. Тебе осталось ровно три дня.

Мальчик пошел к двери, но на пороге остановился и взглянул на часы. — Осталось двое суток двадцать три часа пятьдесят девять минут сорок пять секунд, — хихикнул мальчик и вышел из комнаты.

Мишка посмотрел на часы. Потом он подошел к Майде, сел возле нее на пол и обхватил руками ее мохнатую голову. Майда лизнула его в лицо, и на щеке Мишки осталась мокрая полоса. Издали могло бы показаться, что Мишка плачет. Впрочем, может быть, так оно и было. Это бывает, если приходится долго сдерживаться, если не хочется показать, что тебе страшно. Мишке очень не хотелось превращаться в катер. Но еще больше ему не хотелось оставлять в беде друга. Так уж он был устроен.

XXII

Ночевал Толик все в том же зале. Проснувшись, он подбежал к окну и выглянул наружу. За ночь ничего не изменилось. Перед ним расстилалась все та же пустая площадь, и двери магазинов были открыты — двери, в которые никто и никогда не войдет.

Толик перевесился через подоконник и взглянул на подъезд. Железный Человек был там. Он стоял неподвижно, нелепо, неизвестно кому улыбаясь.

Толик пересек зал и выглянул в другое окно. Перед ним расстилался громадный парк. Среди зелени виднелись поляны. На полянах стояли качели, но на них никто не качался. В разных местах возвышались парашютные вышки, с которых никто не прыгал. На лодочной станции лодки неподвижно стояли у причала. Все это было в точности похоже на Парк культуры и отдыха, с той разницей, что ни одного человека не было видно на его аллеях.

Толик подумал, что если спуститься с этой стороны, то можно удрать от Железного Человека и поискать выход. Ведь расположен он на Земле и где-то вокруг живут люди, которые почему-то не могут сюда попасть. Но неужели они ничего не замечают?

Толик разулся и бросил вниз тапочки. Затем он вылез на карниз

и уцепился за водосточную трубу. Второй этаж в доме был очень высокий. Толик глянул вниз и ясно представил себе, как у него разжимаются руки и он летит и ударяется спиной о каменные плиты тротуара. Толик зажмурился и еще крепче вцепился в водосточную трубу. Постояв немного, он осторожно опустил одну ногу, и пятка его встретила пустоту. Тогда Толик опустил вторую ногу и носком коснулся трубы. Он крепко обхватил трубу ногами и руками и стал сползать, обдираясь о давно не крашенное железо.

Пожалуй, это был первый подвиг, который Толик совершил без чьей-либо помощи. Но совершил он его напрасно.

Едва ноги Толика коснулись тротуара, за углом послышалось гromыхание, и Железный Человек, выйдя из-за угла, остановился рядом с Толиком.

— Ты зачем пришел? — сердито спросил Толик.

— Я — всегда рядом.

— Ты хоть бы поздоровался, невежа!

— Тебе это нужно?

— Ничего мне не нужно!

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Ты просишь, чтобы я здоровался, и говоришь, что это не нужно.

— Больно ты умный! — огрызнулся Толик.

— Я — робот. Я — Балбес.

Толик махнул рукой и поплелся в парк. Железный Человек, все так же улыбаясь, зашагал за ним.

Едва Толик вступил на дорожку парка, она двинулась с места и поехала, словно лестница эскалатора. Но ехала она не вниз и не вверх, а в ту сторону, куда направлялся Толик.

— Это еще что! Почему она едет? — удивился Толик.

— Это удобно, — ответил Железный Человек. — Не нужно двигать ногами. Не нужно затрачивать энергию. Это экономично.

Толик повернулся и пошел в обратную сторону. Дорожка тоже поехала в обратную сторону. Толик направился к качелям, и сейчас же дорожка изогнулась и понесла его к качелям. Толик снова переменял направление. Дорожка сделала то же самое.

— Останови ее! — сказал Толик. — Я хочу идти своими ногами.

— Это не разрешается. Это не экономично. Тратится много сил. Усталость. Человек не должен работать. Человек отдыхает.

— Много ты понимаешь, — ехидно сказал Толик. — А тебя кто сделал, свинья, что ли?

— Непонятно.

— Свинья — такое животное.

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Меня сделал Волшебник. Он не животное. Свинья — животное. Значит, Волшебник не свинья.

— Самая настоящая свинья, даже еще хуже, — сказал Толик и направился к парашютной вышке. Железный Человек затопал вслед за ним, объясняя своим ровным голосом, что человек не может быть свиньей и что это противоречиво. Но поскольку Толик ему не отвечал, Железный Человек скоро умолк.

Толик подъехал к парашютной вышке. Он хотел забраться на са-

мый верх и осмотреть окрестности. Может быть, он где-нибудь увидит выход. Едва Толик шагнул на первую ступеньку лестницы, как она сама поехала вверх. Железный Человек молча примостился сзади.

Толик поднялся на верхнюю площадку. Перед ним раскинулся громадный зеленый парк. Тут было полно всяких аттракционов. Повсюду виднелись карусели — простые и воздушные, гигантские шаги, павильоны смеха. Было похоже, что этот парк взяли и просто перенесли сюда из города. Толик снова подумал о том, что в городе, наверное, вместо парка осталось пустое место, вроде дырки.

А за парком Толик увидел море. Оно было очень спокойным и очень странным. У этого моря был берег и не было горизонта. Море просто кончалось километрах в десяти от берега. Дальше не было ничего. Ни неба, ни воды, ни суши. Это было ни на что не похоже, потому что это было не что-то, а ничего. Ничего ведь и есть ничего. Объяснить это очень трудно.

— Что там такое? — спросил Толик, кивнув в сторону моря.

— Вода.

— А дальше?

— Это не разрешается.

— Что не разрешается?

— Приближаться ближе, чем на два километра.

— К чему приближаться?

— К Черте.

— А что за Чертой?

— Не знаю.

Толик с удивлением взглянул на Железного Человека. Это было, пожалуй, первое человеческое слово, которое Толик от него услышал.

— Что за Чертой? — повторил Толик.

Железный Человек ответил не сразу, как обычно. Внешне он был совершенно спокоен, но Толику показалось, что внутри скрипели его железные мозги, которые напрягались и не могли найти железного ответа.

— Н-не знаю, — как будто бы с усилием произнес Железный Человек.

Толик понял, что Железный Человек не врет. Впрочем, вряд ли он умел врать. В этом было его единственное преимущество перед Толиком.

— Почему нельзя приближаться к Черте?

Железный Человек ответил быстро и как будто с облегчением:

— На закате можно УВИДЕТЬ. На восходе можно...

Железный Человек замолчал.

— Что можно увидеть на восходе?

— Не знаю.

— Ты сказал: «На восходе можно...» Что можно на восходе?

— Н-не знаю.

Железный Человек как-то странно напрягся, и внутри у него закрипело, теперь уже совершенно отчетливо. Он не мог ответить на вопрос и как будто бы мучился этим. Если, конечно, предположить, что железные люди могут мучиться.

— Тебе что, нездоровится? — спросил Толик.

— Я — робот. Я всегда здоров, — ответил Железный Человек,

мгновенно успокаиваясь. — Я не могу ответить на вопрос. Я не знаю. Мне нельзя задавать вопросы, которых я не знаю.

Странно, но Толику в эту минуту было вроде бы даже немного жалко Железного Человека. Быть может, оттого, что Толику раньше тоже приходилось мучиться, если в классе нужно было отвечать на вопрос, который он не знал. Все-таки было что-то человеческое в этом роботе. Толику показалось даже, что сейчас Железный Человек перестал быть таким железным. И Толик решил воспользоваться этим.

— Где человек и собака?

— Здесь, — спокойно ответил Железный Человек.

— В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

Нет, видно, что Железный Человек запомнил, то запомнил он это навсегда. Толик прекратил бесполезные вопросы. Он снова внимательно оглядел море, но никакой Черты не увидел, а увидел воду и за ней — ничего. Там скрывалась какая-то тайна. Может быть, там скрывалось что-то страшное.

Но что может быть страшнее, чем жить в этом мире, где тебя ожидает «друг», который в любую минуту может превратить тебя в червяка, где ты можешь забыть своих папу и маму, где дурацкие дорожки не дают тебе ступить ни шагу, где ты богат вещами и удовольствиями и лишен главных богатств — свободы и дружбы.

И все же Толик понимал, что неспроста ему многое не разрешается в этом мире. Не разрешается знать, где Мишка, не разрешается куда-то выходить с рассветом, не разрешается ходить одному, без Железного Человека. Что это за Черта, к которой нельзя подходить ближе чем на два километра? Вот если бы удалось удрать от Железного Человека...

Взгляд Толика упал на лямки парашюта, который висел у самых перил вышки. А что, если прыгнуть с парашютом? Другого парашюта нет, и пока Железный Человек будет спускаться с вышки, Толик будет уже далеко. Он побежит к берегу моря и, может быть, увидит эту самую Черту.

Толик подошел к перилам и нерешительно взялся за лямки. Он взглянул вниз и отшатнулся. Внизу было метров пятьдесят пустоты. Толику показалось, что вышка качается под напором ветра и сейчас рухнет. Но, взглянув на неподвижные листья деревьев, он понял, что качается не вышка, а он сам. Ведь он никогда еще не прыгал с парашютом.

Неожиданно Железный Человек пришел на помощь. Не говоря ни слова, он приблизился к Толику и принялся надевать на него лямки и затягивать пряжки. Он делал это так спокойно и равнодушно, что Толик понял: ничего плохого с ним случиться не может. Он прыгнет и приземлится, и убежит от Железного Человека.

А Железный Человек делал свое дело. Ничего не подозревая, он сам помогал Толику убежать. Видно, он не мог сообразить такой простой вещи своими железными мозгами.

Толик подошел к краю вышки. Железный Человек спокойно стоял рядом.

«Сейчас ты перестанешь улыбаться своей дурацкой железной улыбкой», — подумал Толик и прыгнул.

Трос, на котором висел парашют, натянулся. Толика дернуло, и он плавно стал спускаться на землю.

Но Железный Человек не стал колебаться. Спокойно и хладнокровно, словно делал это каждый день, он шагнул вперед и полетел вниз вслед за Толиком. Он летел вниз с высоты в пятьдесят метров, летел без парашюта, и на губах его замерла все та же улыбка. Воистину он был Железным Человеком.

Ноги Толика коснулись земли. Он упал набок и, втянув голову в плечи, замер, ожидая, что сейчас на него обрушится Железный Человек. И тут же раздался скрежет. Затем все смолкло. Толик поднял голову и увидел Железного Человека. Тот болтался головой вниз в полуметре от земли. Нога его запуталась в каком-то тросе, свисающем с вышки. Железный Человек тихо раскачивался, улыбаясь.

Толик вскочил на ноги и сбросил лямки. Железный Человек изогнулся, дотянулся до петли, в которой запуталась его нога. Но даже его железным рукам оказалось не по силам распутать петлю. Она затянулась намертво. Толик был свободен.

Не слишком даже торопясь, Толик пошел прочь от вышки. Железный Человек беспокойно заворочался в петле.

— Я должен быть рядом, — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил Толик. — Иди сюда. Я же тебя не держу.

— Меня держит трос.

— А я тут при чем? — усмехнулся Толик.

— Ты можешь отпустить трос до земли. Для этого нужно подняться на вышку.

— А я не хочу отпускать трос!

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Вот я и хочу, чтобы ты повисел тут, а не следил за мной.

— Тогда я не смогу быть рядом.

— А ты мне и не нужен, — сказал Толик и зашагал прочь.

Железный Человек неистово завертелся. Его железные пальцы скрежетали о трос, но ничего не могли поделать. На какую-то секунду Толику даже стало его жалко, потому что все это он проделывал молча, не ругаясь и не плача. Но освободить Железного Человека Толик и не подумал. Иначе он, и Мишка, и Майда навсегда могли остаться в этом мире.

Толик уходил все дальше. И вдруг он услышал, как Железный Человек сказал своим обычным голосом:

— Пожалуйста...

Толик остановился как вкопанный. Уже во второй раз за этот день Железный Человек произнес нормальное человеческое слово. Может быть, не такие уж железные мозги у этого Балбеса? Может быть, с ним стоило попробовать договориться?

— Я тебя освобожу, если ты скажешь, где человек и собака, — крикнул Толик.

— Это не разрешается.

— А висеть вниз головой тебе разрешается?

— Нет.

— Вот и выбирай, что тебе больше не разрешается.

Со стороны вышки послышался какой-то скрип. Железный Чело-

век думал своими железными мозгами. Он выбирал, что ему больше не разрешается.

— Человек и собака в доме у воды. Двадцатый этаж, — сказал он наконец.

— Он жив?

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Я должен был ответить на один вопрос.

— Ну и виси тогда тут, а я пойду.

— Это противоречиво, — повторил Железный Человек. — Я должен быть освобожден, если ответчу на вопрос, где находятся человек и собака. Я ответил. Ты должен отпустить трос.

Толик понял, что Железный Человек больше ничего не скажет. И еще понял, что ему как-то не хочется обманывать. За свою короткую жизнь Толик уже успел достаточно налгать. И кроме того, если говорить честно, Железного Человека было немного жалко. Ведь он не виноват, что мальчик заставил его шпионить. Мальчик мог сделать и не такое со своими спичками.

И Толик, поднявшись на вышку, отпустил трос.

Железный Человек быстро развязал петлю. Он не удивился и не обрадовался. Он спокойно поднялся на ноги и встал рядом с Толиком.

— Тебе больно было? — спросил Толик.

— Я — робот. Мне не бывает больно.

— А вот мне бывает. Еще и как, — вздохнул Толик.

Железный Человек промолчал.

— Скажи, что находится за Чертой? — попросил Толик.

— Не знаю.

— Совести у тебя нет! — сказал Толик.

— Я — робот. У меня не бывает совести.

Толик посмотрел на его улыбающийся неподвижный рот, на большие глаза, которые ничего не выражали, и подумал, что все-таки зря он освободил этого Балбеса.

XXIII

День уже клонился к вечеру, когда Толик и Железный Человек вышли к берегу моря.

Это было очень тихое и грустное море.

У самого берега высывали из воды головы тихие рыбы и смотрели на Толика грустными глазами. Тут же на песке были разложены красивые лакированные удочки. Их было очень много — с золотыми и серебряными крючками.

Рядом с каждой удочкой стояли золотые банки, в которых ползали ленивые червяки.

Толик машинально взял одну удочку. И тотчас же из банки выскочил червяк и сам нацепился на крючок. Толик не удивился. Он уже привык к тому, что здесь все делается без малейших усилий.

Толик забросил удочку, и в то же мгновение у него клюнуло. Впрочем, даже нельзя сказать — клюнуло, потому что Толик даже не почувствовал поклевки. Просто одна из рыбин подплыла к крючку, аккуратно проглотила его и спокойно улеглась кверху брюхом, ожидая, когда ее вытащат.

Толик подтянул рыбу к берегу. Она была большая, килограмма на три, но совершенно не сопротивлялась. Она даже помогала Толику плавниками, как будто считала, что ее тащат слишком медленно.

Толик снял рыбу с крючка и швырнул обратно в море. Рыба удивленно взглянула на Толика, из-под воды. Она стояла у самого берега и виляла хвостом, словно раздумывала, не совершила ли она какой-нибудь ошибки. Затем она медленно отплыла от берега метра на четыре и остановилась.

Толик подумал, что это какая-то больная рыба, и снова закинул удочку. Но и вторая рыба вела себя точно так же. Ловить было неинтересно.

— Почему эти рыбы как дохлые? — спросил Толик.

— Непонятно.

— Ну, как мертвые.

— Непонятно.

— Ну, почему они не сопротивляются?

— Это удобно, — сказал Железный Человек. — Не нужно двигать руками. Не нужно затрачивать энергию. Это экономично.

— «Экономично, экономично!» — передразнил Толик. — Помереть тут у вас можно со скуки!

— Непонятно, — сказал Железный Человек. — Ты говоришь: дохлые, мертвые, помереть. Что значит дохлые, мертвые, помереть?

— Помереть? Это значит: раз — и нету.

— Чего нету?

— Меня нету.

— Это не разрешается.

— Попробуй не разреши! — возмутился Толик. — Возьму вот и помру. Это лучше, чем у вас жить!

— Ты должен быть здесь. Я — рядом.

— Слушать мне тебя тошно, — сказал Толик. — Идиот ты железный, вот кто.

— Я — Балбес, — поправил Железный Человек.

Толик махнул рукой и зашагал прочь по берегу. Железный Человек двинулся за ним.

Берег повсюду был песчаный, гладкий, как будто его разгладили утюгом. Песок не проваливался под ногами. Идти очень легко. Очевидно, это тоже было «экономично».

Толик вглядывался в морскую даль, но нигде не видел никакой Черты. Отсюда, с низкого берега, не было видно даже того, что удалось разглядеть с вышки — того места, где кончалось море и начиналось н и ч е г о. Обыкновенное солнце, приближаясь к обыкновенному горизонту, готовилось утонуть в море.

Минут через пятнадцать ходьбы вдоль бесконечного ряда удочек, разложенных на берегу, Толик подошел к небольшому прогулочному

катуру. Это был очень красивый катер, выкрашенный голубой и красной краской. Он стоял, приткнувшись к берегу носом.

Но едва Толик подошел поближе, катер развернулся носом в море и мотор его заработал. Видно, катер очень хотелось, чтобы Толик на нем прокатился.

Лучшего случая нельзя было выдумать.

Толик прыгнул в катер. Железный Человек молча шагнул за ним. Очевидно, пока еще Толик не совершил ничего такого, что не разрешается.

Толик взялся за штурвал, и катер сразу двинулся с места.

Тихие рыбы высунулись из воды и закивали головами, словно провозжая Толика.

Толик направил катер в море, к горизонту, держа курс прямо на заходящее солнце. Железный Человек стоял совершенно спокойно. Он даже не сел. Наверное, он просто не умел сидеть. Ему это было не нужно. Он не знал усталости.

Катер шел очень ровно, не вздрагивая на мелких волнах. Волны расступались перед ним. Управлять было легко. Толик даже попробовал бросить штурвал. Но катер все равно шел ровно, как по ниточке. Берег быстро удалялся.

Толик, закусив губу, вел катер, каждую минуту ожидая, что Железный Человек ему помешает. Ведь он приближался к какой-то Черте, к которой нельзя было приближаться на два километра. За этой Чертой можно было увидеть что-то такое, о чем не знал даже Железный Человек. Может быть, там страшное... Но сейчас Толику было все равно. Он боялся мальчика с голубыми глазами, ему надоели движущиеся дорожки и тихие рыбы. Он хотел вернуться к папе и маме. Он хотел снова учиться в школе. Он даже готов был каждый день получать подзатыльники от Чичи, лишь бы выбраться из этого странного и ленивого мира. И он думал о том, что даже если сейчас увидит выход, то все же придется вернуться, чтобы выручить Мишку.

Железный Человек шевельнулся.

— Через восемьсот метров поворот, — сказал он.

— Куда поворот?

— К берегу. Нельзя приближаться на два километра.

— Я поверну, — сказал Толик и еще крепче сжал штурвал.

Катер несся по спокойному морю. И впереди был отступающий горизонт, и было солнце, уже окунувшее один краешек в воду.

— Четыреста метров, — спокойно сказал Железный Человек.

Толик застыл у штурвала, глядя вперед. Там ничего не было, кроме воды.

— Двести метров.

Толик не обернулся.

— Сто метров.

Толик вцепился в штурвал так, что побелели пальцы.

Ноль метров. Поворот.

Толик втянул голову в плечи, но не повернул штурвала. Катер продолжал идти прямо.

— Поворот. Поворот. Поворот, — несколько раз повторил Железный Человек.

Не обращая на него внимания, Толик пристально вглядывался вперед. Там ничего не было, кроме воды и большого солнца, уже наполовину перерезанного линией горизонта. На одну секунду Толику показалось, что вода впереди начинает как бы вспухать, образуя линию. Но, может быть, это были волны?

Железный Человек подошел к Толику и положил свои руки поверх его рук на штурвал. Катер стал заворачивать. Толик сопротивлялся изо всех сил. Но он ничего не мог поделать. Железный Человек был сильнее.

— Больно! — закричал Толик. — Отпусти руки! Мне больно!

Неожиданно Железный Человек убрал руки.

Толик снова вывел катер на прежний курс.

Железный Человек опять взялся за штурвал. Но теперь Толик, не дожидаясь, пока ему действительно станет больно, закричал еще громче:

— Больно! Ой, больно!

Железный Человек снял руки со штурвала и отступил. Казалось, он находился в нерешительности. В это время как будто внутри Железного Человека послышался голос:

— Немедленно поворачивай обратно!

Голос был очень похож на голос мальчика с голубыми глазами.

Толик вздрогнул, но все же не свернул с курса. Катер по-прежнему несся прямо на заходящее солнце.

— Повернуть невозможно, — спокойно ответил Железный Человек. — Он не убирает руки.

— Оторви руки от штурвала. Бери управление!

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Мне приказано не причинять боли. Я не могу оторвать руки, не причиняя боли.

Голос мальчика взвизгнул и умолк. Железный Человек замер на корме, не глядя на Толика.

А Толик смотрел вперед. Он видел, что вода впереди вспухает все больше. Катер прошел еще несколько метров. И вдруг перед самым носом катера, словно кнутом, хлестнуло по воде что-то яркое. По морю протянулась ослепительная оранжевая полоса, и за ней Толик увидел конец моря. Но дальше было совсем не ничего. Там был город.

Толик увидел знакомые улицы и дома. Они были близко. Они как будто возникли из моря. Толик увидел проспект и машины, которые спокойно катились по нему, увидел людей и булочную, и парк, над которым на мачтах развевались разноцветные флаги.

И еще он увидел кусочек своего дома, который выглядывал из-за соседнего дома, повыше.

Толик жадно вглядывался в знакомые очертания и не замечал, что катер уже не идет вперед, что он неподвижно застыл на оранжевой черте. Толик, замахал руками и отчаянно закричал:

— Мама, я здесь! Мама, это я, Толик!

Но никто из пешеходов на улице даже не обернулся на его крик.

И тут же катер дал задний ход. Он медленно сошел с Черты, и все исчезло. Все быстрее и быстрее катер шел к берегу кормой

вперед, а там, где последний краешек солнца уходил за горизонт, уже ничего не было, кроме воды. Город исчез, словно растаял.

Навстречу катеру, вадымая буруны, мчался белоснежный теплоход. Он быстро приблизился, катер сам собой остановился, и Толик увидел мальчика.

Мальчик стоял на капитанском мостике. Он был в форме капитана дальнего плавания. Губы его кривила злая усмешка.

— Ты хотел убежать?

Толик молчал, стараясь справиться с волнением. Ведь он только что был так близко от дома. Но мальчику нельзя этого показывать. Он может заставить его забыть папу и маму.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Я просто катался.

— Разве тебе Балбес не говорил, что пора поворачивать?

— Он говорил. Он мне даже руки выкручивал. А я не люблю, когда мне руки выкручивают. Я нарочно не послушался. Тебе бы, наверное, тоже обидно было, если руки выкручивать.

Мальчик нахмурился.

— Я тебе говорил, что нельзя причинять ему боль, — обратился он к Железному Человеку.

— Я его сразу отпустил, — отозвался Железный Человек.

— Если бы он не выкручивал руки, я бы сам повернул, — сказал Толик. — А так я нарочно не поворачивал. Из вредности.

Лицо мальчика слегка прояснилось.

— Я знаю, что мы с тобой подружимся, — сказал он. — Я очень люблю вредных людей. Я сам вредный! Я вреднее всех на свете! Ты уже готов к тому, чтобы стать моим другом?

— Еще немножко. Еще два денька, — попросил Толик. — Я ловил сегодня рыбу, и мне понравилось. Но ты очень великий человек. Мне нужно привыкнуть.

— Я — Волшебник! — с гордостью сказал мальчик. — А ты — вредная жадина. И ты мне нравишься. Только помни, что никто не может со мной бороться. Мне не нужно было выходить из дому, чтобы вернуть твой катер. Ты видел, что он сам поехал назад.

Внезапно мальчик нахмурился, словно вспомнил что-то, и подозрительно посмотрел на Толика.

— Ты видел там что-нибудь? — спросил он, кивая головой на море.

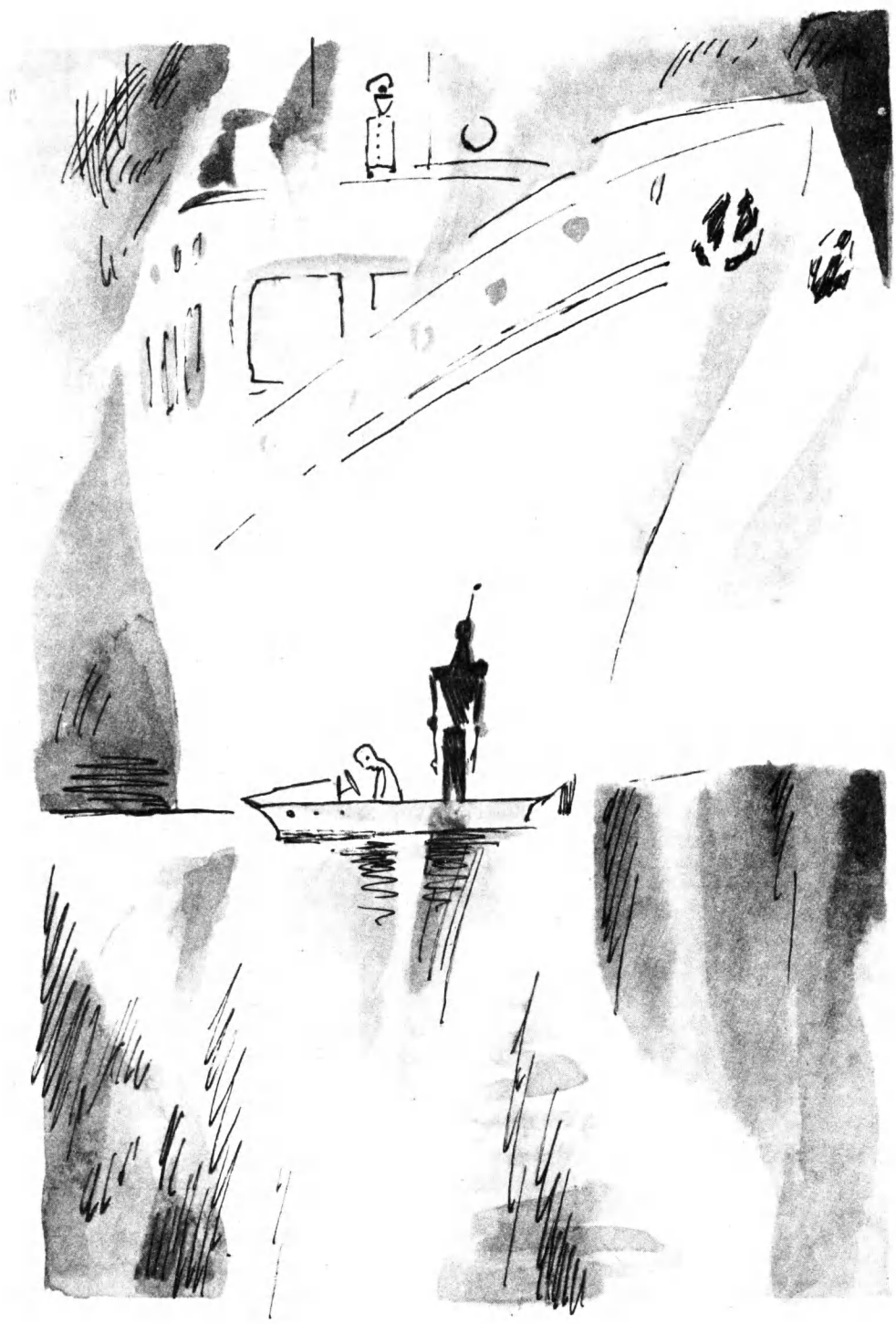
— А чего там видеть? — удивился Толик. — Вода, и все.

— И Черту не видел?

— Какая Черта?

— Никакая, — ответил мальчик. — Это я пошутил. Я очень добрый. Я с тобой шучу, хотя мне ничего не стоит превратить тебя в червяка. Я жду тебя через два дня. Балбес покажет тебе дорогу. Через два дня мы станем друзьями. Я отдам тебе дворец и все магазины.

Белоснежный теплоход, быстро набирая скорость, пошел к берегу. И в ту же секунду заработал мотор катера. Толик не трогал штурвал. Сейчас ему было просто противно прикасаться к штурвалу. Но катер сам знал, что ему нужно делать. Он плыл к тому месту, от которого отчалил.

Выйдя из катера, Толик повалился на песок. Перед глазами у него все еще стояла оранжевая Черта, а за ней — знакомые улицы и кусочек дома, в котором он когда-то жил. Перед Толиком появлялись и исчезали знакомые лица: мамы, папы, Анны Гавриловны, толстого доктора, который сейчас казался просто чудесным человеком, Лени Травина, который так хорошо играет на скрипке, и многих, многих других. Все это были лучшие в мире люди. Жить без них казалось невозможным.

Размышления Толика прервал безучастный голос Железного Человека.

— Пора спать.

— Я не буду спать! — сердито сказал Толик. — Отстань!

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— А ты когда-нибудь делаешь, что хочешь?

— Я выполняю приказания.

— Неужели тебе никогда ничего не хочется? Например, стать человеком?

— Я — робот. Так приказал Волшебник.

— Ты просто ябедник, — с обидой сказал Толик. — Ты... подхалим, вот ты кто!

— Непонятно.

— Замолчи лучше! — сказал Толик и швырнул в Железного Человека горсть песка. Тот не шелохнулся. На лице его сияла безмятежная железная улыбка.

— Он убьет Мишку, — сказал Толик скорее себе, чем Железному Человеку. — Или превратит его в червяка. Ты понимаешь это?

— Дохлые, мертвые, помереть... — бесстрастно сказал Железный Человек. — Понятно. Человек и собака: раз — и нету.

— Вот тебя бы: раз — и нету, — возмутился Толик. — А мне он друг. Он, а не твой дурацкий Волшебник! Его нужно спасти. И ты мог бы мне помочь. Ты же просил меня помочь, когда висел, как сосулька. Ты даже сказал «пожалуйста»...

— Слово «пожалуйста» необходимо при разговоре с человеком.

— Вот и я прошу тебя как человека: пожалуйста, помоги освободить Мишку. Ведь тебе все равно. Ты железный, тебе ничего не будет.

— Это не разрешается.

— Тогда молчи! — крикнул Толик. — Шпион железный! Не могу я с тобой разговаривать. У меня от тебя голова разболелась.

При слове «разболелась» Железный Человек слегка шевельнулся. У Железных Людей это является признаком крайнего волнения.

— Тебе нельзя причинять боль. Я не причиняю тебе боли.

— Причиняешь, — сказал Толик, и вдруг неожиданная догадка мелькнула у него в голове. Толик вспомнил, как при слове «больно» Железный Человек отпустил его руки. — Причиняешь, — повторил Толик. — Ты даже не хочешь сказать, где человек и собака. Мне от этого очень больно.

— Это не разрешается. Но от этого не может быть больно.

— Еще и как может, — сказал Толик. — Мне очень даже больно.

— Человек и собака в доме у воды. Двадцатый этаж.

— Это я знаю. А где дом у воды?

— Это не разрешается.

— Мне больно!

— Там, — сказал Железный Человек, показывая рукой вдоль берега.

Толик взглянул в ту сторону и увидел едва различимое в сумерках белое пятнышко на берегу.

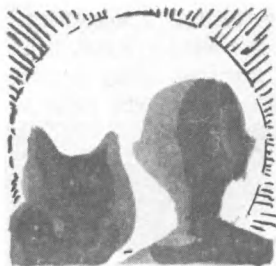
— Ты молодец! — радостно сказал Толик. — Ты очень хороший. Ты не такой уж глупый. Ты мне очень нравишься.

— Непонятно.

— Ты... ты экономичный! — выпалил Толик.

И снова при последних словах Толика Железный Человек слегка шевельнулся, что означало, очевидно, великое удовольствие. Видно, все же он был не такой уж железный, каким казался с первого взгляда. Видно, и у него могли быть свои железные радости.

А Толик с замиранием сердца следил за роботом и чувствовал, что сейчас он сделал великое открытие.

XXIV

Мишка стоял у окна и смотрел, как большое красное солнце уходило за горизонт. Вернее, оно уходило за край моря. Еще вчера Мишка разглядел с высоты двадцатого этажа, что у этого странного моря есть край. Море кончалось каким-то обрывом. За краем обрыва было ничего. Не вода, не воздух, не небо, не звезды, а просто — ничего. В это ничего и скрывалось солнце. Даже не скрывалось, а становилось все меньше и меньше, будто таяло.

Уже прошло больше двух суток с тех пор, как часы на стене начали отстукивать время.

Сквозь открытое окно снаружи не доносилось ни звука.

Ничто не шевелилось внизу на песчаном пляже. Даже волны были какие-то игрушечные и замирали, едва подойдя к берегу.

Далеко в море Мишка видел крошечное белое пятнышко. Там плывал теплоход, на котором катался мальчик с голубыми глазами. Сегодня утром Мишка видел из окна, как мальчик ловил рыбу. За пять минут он наловил целую гору рыбы и ушел, оставив ее лежать на берегу. Рыба лежала у самой воды, но ни одна из рыбин не шевелилась и не делала попытки скатиться в море. Похоже было, что мальчик наловил дохлой рыбы.

Глядя на пустынное море и пустынный берег, Мишка думал о том, что, наверное, где-то сейчас вот так же стоит у окна и смотрит вниз Толик. И ему, как и Мишке, никогда не выбраться из этой страны. Сначала Мишка злился на Толика. Ведь из-за него случилась вся эта история, которая неизвестно чем кончится. Но потом Мишка подумал, что они с Толиком остались теперь совсем одни и им никак не

следует злиться друг на друга. Мишка очень хотел выбраться отсюда и помочь выбраться Толику. Но за окном был пустынный пляж, да и до него было метров шестьдесят. Не прыгать же с такой высоты.

Белоснежный теплоход, поднимая волны, которые, между прочим, тут же успокаивались, подходил к берегу. Мишка отошел от окна. Ему не хотелось видеть мальчика даже издали.

Но это не помогло. Минут через пять отворилась дверь и в комнату вошел мальчик. Майда присела и приготовилась прыгнуть. Она прыгала всегда с таким видом, словно хотела перегрызть мальчику горло. Даже наталкиваясь на невидимую преграду, она не успокаивалась. Было непонятно, почему она так ненавидит мальчика. Ведь он не сделал ей ничего плохого. Он просто не обращал на нее внимания.

Мишка взял Майду за ошейник и почувствовал, что она дрожит от злости.

— Ну, ты еще не передумал? — спросил мальчик.

Мишка ничего не ответил.

— Слушай, Мишка, — продолжал мальчик. — Я сегодня добрый. Я сегодня щедрый. Я все равно превращу тебя во что-нибудь, но это будет завтра. А сейчас ответь мне: неужели тебе так трудно попросить прощения?

— Ты отпустишь меня с Толиком, если я попрошу прощения?

— Толик оказался очень вредным человеком. Он мне теперь нравится еще больше. Он ловил рыбу и катался на катере. Ему очень понравилось. Правда, он чуть не добрался до Черты... Но это вышло случайно. И он ничего не заметил. Он уже наполовину стал моим другом.

— Плевал я на твою Черту!

Мальчик засмеялся.

— Нет, ты не плевал. Ты даже не знаешь, что это такое. Ты и сам бы поплыл к Черте, если бы я отпустил тебя. Если подойти к Черте на закате, можно увидеть город. Если подойти к Черте с рассветом, то можно уйти. Это единственный путь, потому что на рассвете кончается вчерашний день и начинается сегодняшней. Теперь ты все знаешь. И теперь ты не уйдешь отсюда, даже если попросишь прощения.

У Мишки похолодели руки и ноги. Он с ненавистью взглянул на мальчика. Никогда и никого так не ненавидел Мишка за всю свою жизнь. Если бы он мог, то бросился бы на него, как Майда, и хотя бы раз двинул его кулаком, прежде чем превратиться в червяка. Но мальчик был надежно защищен от его ударов. Он спокойно смотрел на Мишку. И на лице его сейчас не было никакой злости. Он выглядел так, будто пришел посоветоваться с Мишкой, во что бы лучше его превратить. И это было обиднее всего.

— Слушай, ты — волшебник? — спросил Мишка.

— Наконец-то ты это понял. Я — Великий Волшебник! Но тебе уже ничто не поможет. Впрочем, за эти слова я могу тебя пощадить. Ты останешься человеком. Но ты никогда не выйдешь из этой комнаты. Если, конечно, не захочешь прыгать с двадцатого этажа.

Мальчик засмеялся. Но Мишка продолжал, не обращая внимания на его слова:

— Ты — самый великий? Ты можешь сделать все что угодно? Тебе стоит только пожелать?

— Правильно! — мальчик гордо выпятил грудь. — Ты начинаешь исправляться. Я — самый великий! Я — Волшебник!

Мишка посмотрел мальчику в лицо и засмеялся.

— Тогда почему же ты выпрашиваешь у Толика дружбу? Ты просишь, как нищий. Ты хочешь дружить без спичек? Но разве с тобой будет кто-нибудь дружить? Ты можешь только заставить. Ты не великий волшебник, а великий нищий.

Мальчик вздрогнул, и глаза его засветились холодным и злым огнем.

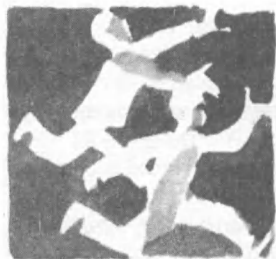
— Я превращу тебя в червя! — завизжал он.

— Ты сам в него давно превратился! — ответил Мишка.

— Осталось восемнадцать часов! — от злости мальчик не мог стоять спокойно. Он извивался так, будто его стегали кнутом. — Восемнадцать! Восемнадцать! — орал он, пятась к двери, словно боялся Мишки.

Дверь сама открылась и сама захлопнулась за мальчиком.

Мишка посмотрел на часы. Оставалось семнадцать часов и пятьдесят восемь минут.

XXV

Когда Толик проснулся, было совсем темно. На темном небе ярко светили звезды. Одна звездочка, самая яркая, быстро бежала по небу. «Спутник, — подумал Толик. — Значит, я уже дома и мне снится сон. Я ведь часто видел дома во сне спутников».

Толик приподнялся на локте. Совсем рядом с еле слышным шелестом накатывались на берег мелкие волны. Прямо перед Толиком стоял неподвижно Железный Человек.

Толик снова взглянул на небо. Спутника уже не было. Он прочертил среди звезд свой путь и ушел. Скоро он выйдет на дневную сторону Земли и увидит города, в которых живут люди. Наверное, над спутником не властен вчерашний день, если его можно видеть в этом странном и ненавистном мире.

Толик поднялся на ноги. Далеко, у самого берега, мерцала яркая звезда. Скорее даже не звезда, а светлое пятно. Там был дом, в котором находились человек, собака и мальчик с голубыми глазами.

Внезапно Толик почувствовал, что он больше не может оставаться один. Он должен увидеть Мишку. Он пройдет туда прямо сейчас, ночью. Может быть, они вдвоем, как раньше, и придумают что-нибудь. И наплевать ему на мальчика и все его коробки, потому что дальше так жить невозможно.

— Я иду к дому на берегу, — сообщил Толик.

— Это не разрешается, — сказал Железный Человек.

— Нет, разрешается. Ты слышал, как Волшебник сказал: «Балбес покажет тебе дорогу»?

— Ты уже готов к тому, чтобы стать другом волшебника?

— А ты сам-то знаешь, что такое друг?

— Друг делает подарки: дворец и магазины.

— Нет, — сказал Толик, — друг — это... это... — Толик запнулся и растерянно замолчал. Он не мог объяснить, что такое друг. Раньше он никогда не задумывался над этим. Они с Мишкой ходили вместе и сидели на одной парте. Этого было достаточно, чтобы их считали друзьями. Мишка заступался за Толика, а Толик тоже... тоже... чего-то делал для Мишки. Сейчас даже не вспомнить что. И лучше даже не вспоминать, потому что в голову лезут не очень приятные воспоминания.

— Друг — это когда спасает от чего-нибудь или помогает... — сказал наконец Толик. — Друг — это Мишка.

Но Железный Человек не понял его.

— Ты готов получить подарки: дворец и магазины?

— Да, да, — ответил Толик, — готов. Идем скорее.

Они шли по скрипучему песку. Толик то и дело спотыкался об удочки, аккуратно разложенные по всему берегу. Идти было тяжело, а светлое пятно почти не приближалось. Толик очень устал. Он оглядывался на Железного Человека и, пожалуй, впервые за все время позавидовал ему.

Наконец вдаль начали вырисовываться контуры дома с ярко освещенными окнами. Дом был громадный, и окон было очень много. Толик еще долго шел до этого дома, а когда подошел и встал рядом, он почувствовал себя совсем крохотным.

Где-то в этой громаде были сейчас Мишка, Майда и мальчик с голубыми глазами.

— Волшебника нельзя беспокоить во время сна, — сказал Железный Человек.

Толик чуть не подскочил от радости. Он и сам боялся, что мальчик проснется и подарит ему дворец и магазины.

— Конечно, мы не станем его будить, — прошептал Толик. — Пускай спит на здоровье. Это экономично.

Железный Человек слегка шевельнулся, и Толику показалось, что если бы не железные губы, то робот улыбнулся бы еще шире.

Здрав голову, Толик несколько раз обошел вокруг дома. Он не увидел ни одного темного окна. Во всех окнах двадцатого этажа горел свет. Толик попробовал вызвать Мишку старым, испытанным способом. Он набрал мелких камней и стал швырять их во все окна по очереди. Железный Человек следовал за ним по пятам, но ничего не говорил. Очевидно, это не запрещалось. Или, быть может, мальчик просто не догадался запретить это.

Скоро у Толика заныла рука, но он так ничего и не добился. Ему не удавалось докинуть камень даже до десятого этажа.

Небо стало чуть-чуть светлеть. Толик с ужасом подумал, что скоро начнется рассвет и проснется мальчик, и тогда ничего уже нельзя будет сделать. Но надо сказать, что он даже не подумал уйти.

Он в двадцатый раз обходил дом и все смотрел, не покажется ли Мишка в одном из окон двадцатого этажа.

— Толик... — услышал вдруг он негромкий голос.

Толик с удивлением оглянулся на Железного Человека. Но Железный Человек молчал. Голос доносился сверху.

Толик поднял голову и в одном из окон увидел Мишку.

А затем рядом с Мишкой появилась голова Майды и над притихшим берегом разнесся звонкий собачий лай.

Толик изо всех сил замахал руками, но Мишка, видно, и сам догадался. Голова Майды исчезла, и лай прекратился.

— Я не могу отсюда спуститься. Дверь заперта, — тихо сказал Мишка. — Я знаю, как спастись. Мне только нужно выбраться.

— Я не могу войти в дом, — ответил Толик.

Они говорили очень тихо. Но и кругом тоже было тихо. Слышно было каждое слово.

Толик взглянул на Железного Человека. Трудно было понять по его виду, понимает он что-нибудь или нет.

— Сними оттуда человека и собаку, — сказал Толик, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно строже.

— Это не разрешается.

— Это мой друг, — жалобно сказал Толик. — Понимаешь, друг! Он погибнет, если его там оставить. И я тоже погибну.

— Погибнет, — спокойно сказал Железный Человек. — Раз — и нету. Ты не погибнешь. Я — рядом.

— Но он мой друг!

— Друг дарит дворцы и магазины. Он не дарит. Дарит Волшебник.

— Плевал я на магазины! — горячо зашептал Толик. — Он мой друг, и мне очень больно, что я не могу ему помочь.

Железный Человек забеспокоился.

— Тебе нельзя причинять боли.

— А мне больно, — упрямо сказал Толик. — Полезай и сними его. А то мне очень больно. Больно! Больно!

Казалось, Железный Человек был очень взволнован. Снова внутри у него послышался какой-то скрип. То ли это натянулись его железные нервы, то ли зашевелились железные мозги. Он колебался. Он даже подошел к стене, затем вернулся к Толику и снова — к стене.

— Ну, ну, — шептал Толик, — лезь! Мне очень, очень больно.

Но Железный Человек успокоился так же неожиданно, как и взволновался. Он отошел от дома и встал рядом с Толиком. Наверное, приказ быть всегда рядом оказался главнее.

Толик с отчаянием взглянул на небо. Оно стало еще чуточку светлее.

Толик бросился к берегу. Железный Человек побежал за ним.

Толик не знал еще, чем можно помочь, но понимал, что нельзя терять ни одной минуты. Он надеялся, что попадется какая-нибудь очень длинная палка или веревка, которую можно будет забросить Мишке. Он не знал еще, как это сделать, но бежал по пустынному и гладкому берегу и лихорадочно оглядывался по сторонам.

А сзади, улыбаясь своей бессмысленной улыбкой, неторопливо переставляя свои не знающие устали ноги, бежал Железный Человек.

На пристани, возле которой стоял белоснежный теплоход, Толик нашел то, что искал. Это была большая бухта толстого пенькового каната. Зачем она тут лежала — неизвестно. Теплоход стоял покорно и тихо без всякой привязи. Наверное, мальчик видел раньше такие пристани. Он ничего не мог выдумать сам. Он сделал у себя все то, что видел.

— Забирай канат, — сказал Толик.

— Ты пришел сюда за дворцом и магазинами.

— Мне больно! — сказал Толик. — Забирай канат.

Железный Человек без всякого усилия поднял бухту и понес ее за Толиком.

— Подними на двадцатый этаж конец каната, — сказал Толик, когда они снова подошли к дому.

— Я не могу тебя оставить. Я — всегда рядом.

— Тогда подними меня вместе с канатом.

Железный Человек заколебался.

— Мне больно! Мне будет еще больней, если ты не поднимешь.

Железный Человек прицепил к себе конец каната, обхватил Толика одной рукой и полез наверх. Вот когда Толику было действительно больно. Ведь железные руки не чувствуют своей силы. Железные пальцы впились Толику в бок, и он едва удерживался, чтобы не закричать. Теперь Толик понял, что испытывали другие, когда он жал им руки.

А Железный Человек, цепляясь одной рукой за карнизы и подоконники, лез наверх. Толик глянул вниз, и ему стало так страшно, что он забыл о боли. Ноги его болтались в пустоте, руками он изо всех сил вцепился в Железного Человека. Внизу, как на дне пропасти, разматывалась бухта каната, которая казалась отсюда совсем маленькой.

А Железный Человек лез наверх с железным бесстрашием. Порой его пальцы могли ухватить только маленький кусочек подоконника. Подоконник гнулся и готов был обломиться, но Железный Человек подтягивался на одной руке и поднимался еще на один этаж.

Толик уже ни о чем не думал. И когда они добрались до двадцатого этажа и Железный Человек отпустил его, Толик свалился на пол комнаты почти без сознания.

Очнулся он от прикосновения чего-то теплого и мокрого. Прямо в лицо ему дышала своим теплым дыханием Майда. Она лизала Толика в щеку. А рядом стоял Мишка.

— Ты сумеешь спуститься? — спросил Мишка, не обращая внимания на Железного Человека.

Толик кивнул. Мишка нагнулся и прошептал Толику на ухо:

— Нужно обмануть этого Балбеса. Я знаю про него. Он всегда рядом с тобой. Он тебя не отпустит.

— Полезай, — прошептал Толик. — Я его обману.

Мишка связал Майде лапы поводком и посадил ее себе на спину. Умная Майда не издала ни одного звука, как будто понимала, в чем дело. Железный Человек улыбаясь смотрел, как Мишка исчез за окном. Очевидно, у него не было приказания следить за Мишкой.

Толик выглянул в окно. Мишка был уже на земле. Толик внимательно оглядел комнату. Затем он подбежал к постели, сорвал с нее

одеяло, подушку, матрац и бросил все это на пол. Железный Человек, со свойственной ему аккуратностью, принялся застилать постель. А Толик носился по комнате и сбрасывал на пол вазы, опрокидывал стулья и скидывал скатерти со столов. Железный Человек терпеливо восстанавливал порядок.

Выбрав минуту, когда Железный Человек повернулся к нему спиной, Толик бросился к окну. Сейчас он думал лишь о том, чтобы добраться до земли как можно быстрее. Он обхватил канат и, обжигая руки, помчался вниз. Он спускался зажмурившись — от этого было не так страшно. Открыл глаза Толик лишь тогда, когда ноги его коснулись земли. И в ту же секунду в окне двадцатого этажа показался Железный Человек. Он не стал тратить времени на размышления. Он спокойно шагнул вперед и полетел вниз, с каждым мгновением набирая скорость. Ребята едва успели отскочить в сторону. Железный Человек со свистом промелькнул рядом с ними и врезался в песок пляжа. Он упал набок, но тут же поднялся и стоял, покачиваясь и улыбаясь своей застывшей улыбкой.

Мишка остолбенел. От удивления он не мог даже бежать. А Толик, который знал Железного Человека гораздо дольше, чем Мишка, видел, что на этот раз не все обошлось благополучно. Что-то надломилось в железных внутренностях. Это «что-то» было едва заметно, но оно было. Железный Человек стоял не прямо, как всегда, а на чуть согнутых ногах. И голова у него как будто немного свернулась на сторону. Но он стоял молча и улыбался. И Толику почему-то было немного жалко Железного Человека.

Первым опомнился Мишка.

Он взглянул на море, где уже начинало светлеть у кромки горизонта, и прошептал:

— Здесь есть лодка?

— Я знаю, где стоит катер.

— Бежим туда. На восходе можно уйти.

— Я еще раньше догадался, — прошептал Толик.

Едва ребята сделали первый шаг, они услышали по-прежнему спокойный, но немного дребезжащий голос Железного Человека:

— Нельзя выходить с рассветом.

— Бежим, он сломался, — шепнул Толик.

Ребята бросились бежать по берегу. Железный Человек заковылял за ними. И теперь уже стало совершенно ясно, что он сломался. Он не успевал за ребятами. Он бежал, неловко подпрыгивая, широко расставляя ноги, и постепенно отставал все больше и больше. Все тише и тише звучал за спинами ребят его дребезжащий голос:

— Нельзя выходить с рассветом. Нельзя выходить с рассветом.

Нельзя выходить с рассветом...

— Он пожалуется мальчишке, — проговорил на бегу Мишка.

— Нет. Волшебника нельзя будить... Все, что он помнит, он помнит железно... — ответил Толик.

Ребята бежали вдоль берега, спотыкаясь об удочки, и тихие рыбы высывались из воды при их приближении. Они смотрели с недоумением, как будто удивлялись, что эти двое не хотят ловить их и куда-то бегут так быстро и так неэкономично...

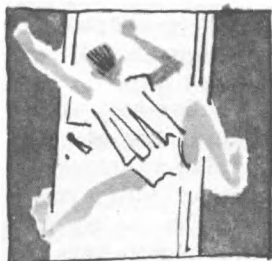
Они отбежали уже довольно далеко от дома, но вдруг Мишка

схватил Толика за руку и остановился. Он показал рукой на горизонт, который уже стал наливаясь нежно-зеленым светом, и сказал:

— Мы не успеем. Он встает очень рано. Он увидит канат. Он увидит наш катер в море...

Майда остановилась впереди ребят. Она с удивлением повернула голову и залаяла. Она так хотела бежать дальше. Ведь она давно уже не бегала.

Но Майда так и не дождалась своего хозяина. Он стоял неподвижно и смотрел на море.

XXVI

Мальчик вставал очень рано. Едва открыв глаза, он с удовольствием вспомнил, что сегодня истекает срок. Мальчик уже вчера решил, что сначала он превратит Мишку в червяка. Потом, когда червяк поживет в земле с недельку, он превратит его в тихую рыбу и будет ловить и отпускать обратно. Потом он будет превращать его еще во что-нибудь, и так до тех пор, пока

Мишка не попросит прощения. И если Мишка попросит прощения, он навсегда превратит его в катер.

С такими приятными мыслями мальчик поднялся со своей золотой постели. Он прошел через двадцать две свои спальные комнаты и вышел к лифту. Через несколько секунд он уже был в подвале. Там хранились коробки с волшебными спичками. Мальчик заходил сюда каждое утро. Как обычно, все было в порядке.

Мальчик поднялся на первый этаж. Он вышел на площадку перед подъездом. Было раннее утро. Солнце еще не взошло, но утреннего холодка совсем не чувствовалось. В доме и на улице была всегда одинаковая температура: 25 градусов. Мальчик с гордостью подумал, что только у него никогда не бывает ни весны, ни осени, ни зимы, а — сплошное лето. А море, в котором сейчас мальчик собирался искупаться, было теплое, как чуть остывший бульон.

Мальчик сошел с площадки и ступил на теплый ровный песок. И сейчас же машины на стоянке зафырчали, слегка вздрагивая. Любая из них готова была везти мальчика хоть на край света. И одновременно с машинами заработали моторы катеров, стоявших невдалеке от берега.

Но мальчик не обратил на все это никакого внимания. Он давно уже привык к таким мелочам. Они не радовали его. И если бы ему не лень было придумывать, он давно придумал бы что-нибудь получше.

Мальчик дошел до угла дома и остановился. Он увидел канат, свисавший с двадцатого этажа. Мальчик с тревогой взглянул в сторону моря. Оно было пустынным — ни лодки, ни катера. Мальчик

усмехнулся. Разве можно спрятаться от Волшебника в его собственной стране?

Какая-то тень шевельнулась за углом здания. Мальчик взглянул в ту сторону, и глаза его вспыхнули. Он увидел притаившихся ребят. Они были заодно — Мишка и Толик. Значит, Толик обманул его. Это он помог выбраться Мишке из дома. Ну что ж, еще одним червяком станет больше.

Мальчик провел рукой по тому месту, где должен был быть карман, и поблел. Он вышел купаться в трусах. У него не было спичек.

Мальчик бросился к подъезду и в ту же секунду услышал за спиной крик:

— Толик, держи его, он без спичек!

Мальчик слышал, как быстро бежит Толик. Он слышал, как быстро и неэкономично стучит его собственное сердце. У него подкашивались ноги. Он видел дверь подъезда, до которой нужно было добраться, и больше ничего не видел. Он бежал изо всех сил. Но его ноги отвыкли бегать. Они не слушались мальчика.

Толик с разбегу прыгнул ему на спину, и они покатались по песку.

Никогда еще Мишка не видел такой короткой драки. Она окончилась в одну секунду. Мальчик лежал на спине и возил ногами по песку, стараясь ударить Толика. Он был старше и крупнее Толика. Но он трусил. У него просто отнимались руки от страха. Огоньки в глазах его вспыхивали часто и злобно. Он с ненавистью глядел на Толика. Но сейчас он не был похож на Волшебника. Он был самым обыкновенным трусом.

Майда прыгала вокруг и старалась укусить мальчика. Но она каждый раз натыкалась на невидимую преграду. Подошел Мишка и встал неподалеку. Ему тоже что-то мешало подойти совсем близко.

Мальчик скосил глаза и увидел Железного Человека, который, как обычно, стоял рядом с Толиком.

— Балбес... — крикнул мальчик.

— Я — здесь! Я — рядом.

— Зажми ему рот! — крикнул Мишка.

Толик зажал ладонью рот мальчика. Тот впился в нее зубами. Толику было очень больно. Но он не отнял руки. Железный Человек остался стоять на месте, безразлично улыбаясь. Он спокойно смотрел, как Толик сидит верхом на его хозяине, но не двигался. Ведь он не получил приказа...

Мальчик понял, что ему уже никто не поможет. Как хотелось ему, чтобы в руках у него оказалась хотя бы одна спичка. Он превратил бы в пыль этих жалких людишек. Он убил бы их на месте! Он думал, что самое правильное было бы убить их на месте. Но думал он одно, а сказал совсем другое.

— Отпустите меня, — плаксивым голосом сказал он, — я покажу вам, как отсюда выбраться.

Голос мальчика был смиренный и жалобный. И лицо его было жалобное. Но глаза выдавали его. В них плясали знакомые Толику голубые огни.

— Держи его, Толик, — сказал Мишка. — Ему нельзя верить.

— Честное слово... — проговорил мальчик.

— Заткнись лучше, — сказал Толик.

Мальчик изо всех сил рванулся и закричал:

— Балбес, хватай!..

Но Толик не дал ему договорить. Он припечатал ладонью рот мальчика, а когда тот снова попытался его укусить, для полной гарантии стукнул мальчика по уху.

— Непонятно, — ровным голосом сказал Железный Человек, глядя на своего хозяина, извивавшегося под Толиком.

— Толик, давай быстрее, — сказал Мишка, поглядывая на горизонт, из-за которого уже скоро должно было появиться солнце.

— А чего быстрее? Я же не могу его отпустить!

— Давай его привяжем куда-нибудь.

Мальчик замычал и руками показал, что он будет молчать. Толик отпустил его. Он набрал полную горсть песка и показал мальчику.

— Вот смотри. Если скажешь роботу хоть одно слово, я тебе песком рот заткну.

— Вы такие хорошие, добрые ребята, — сказал мальчик. — Я понял теперь, что был очень злым. Я очень хочу вывести вас отсюда. Я даже сам уйду вместе с вами.

— Нужен ты нам! — сказал Мишка.

— Я же хочу вам помочь. Мне нужно зайти в дом и взять хотя бы одну спичку. И вы сразу окажетесь дома.

— Так мы тебе и поверили, — сказал Мишка. — Вставай и не разговаривай.

Мальчик поднялся на ноги, отряхиваясь от песка.

— Давай, Толик, тащи его в павильон. Мы его там привяжем.

— Я не пойду! — завизжал мальчик. — Балбес!..

Но сейчас Толик был настороже. Он заткнул Волшебнику рот. На этот раз кулаком. Что же ему еще оставалось делать?

Мальчик тихо скулил, облизывая разбитые губы. Он искоса поглядывал на Железного Человека, и тот отвечал ему своей железной улыбкой.

Мишка снял с себя рубашку и протянул Толику.

— Завяжи ему рот.

Толик обмотал рубашку вокруг головы Волшебника и завязал рукава на затылке.

— Иди, — приказал Толик. — Иди, пока я тебя ногой не стукнул.

Мальчик покорно поплелся к павильону, в котором он обычно завтракал.

В павильоне было много столов, на них стояли тарелки с едой, но сейчас ребятам было не до еды. Мишка отцепил поводок Майды. Они втолкнули Волшебника в уборную, в которой почему-то стояло пятнадцать золотых унитазов, и крепко прикрутили поводком ручку двери снаружи.

Тотчас же с другой стороны двери послышался грохот. Это Волшебник колотил в дверь ногами, стараясь выбраться из своей ослепи-

тельной уборной. Но ребята, не обращая на него внимания, выбежали наружу.

Они бежали по берегу, а вслед за ними ковылял Железный Человек и повторял своим дребезжащим, надломленным голосом:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

XXVII

Едва ребята подошли к катеру, мотор, как и в прошлый раз, заработал сам собой.

Мишка прыгнул в катер, и вслед за ним прыгнула Майда.

— Скорее! — крикнул Мишка.

Но Толик мешкал. Он смотрел на Железного Человека, который, странно наклонившись и волоча ноги, брел по берегу метрах в двухстах

от катера. В этот раз усталые ребята бежали не так быстро, и Железный Человек отстал совсем немного.

Толик смотрел на Железного Человека, и какая-то непонятная жалость овладевала им все больше и больше.

Трудно объяснить, почему это было так. Может быть, потому, что Железный Человек уже не казался таким железным.

— Давай возьмем его с собой, — предложил Толик.

— Что он там будет делать?

— Не знаю.

— Хотя можно его разобрать и посмотреть, как он устроен, — сказал Мишка. — А потом мы сами сделаем такого.

— Не надо разбирать, — сказал Толик. — Давай лучше поедем.

Толик повернул штурвал, и катер стал удаляться от берега.

Толик видел, как Железный Человек подошел к тому месту, от которого отчалил катер. Сквозь шум мотора Толик слышал его дребезжащий голос:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

Повторяя эти слова, Железный Человек вошел в воду и двинулся вслед за катером. Дно постепенно понижалось, и Железный Человек все более погружался в воду. Она уже покрыла его плечи, но он все шел, улыбаясь своей железной улыбкой.

Тихие рыбы безмолвно уплывали, уступая дорогу. Над головой Железного Человека тускло поблескивала поверхность моря. Уже кончилась полоса прибрежных водорослей, и вода стала синее. Но Железный Человек не замечал всего этого. Он шел вперед и вперед, туда, где темной синью отливала глубина и где, кроме этой глубины, ничего больше не было.

А для сидящих в катере Железный Человек давно уже скрылся.

Толик не оборачивался. Он смотрел вперед. Он крепко держал штурвал, по щекам его катились соленые капли.

Впрочем, это могли быть и брызги. Море, оно ведь тоже соленое.

XXVIII

— Где эта самая черта? — спросил Мишка. — Что-то я ее не вижу.

— Увидишь, — отозвался Толик, вглядываясь вперед. — Я сам ее пока не вижу. Она должна быть очень яркая.

Внезапно Майда забеспокоилась. Она смотрела вперед, в одну точку, и слегка повизгивала. Она видела что-то такое, чего еще не видели ребята. А скорее всего — чувствовала. Ведь собачьи глаза ничуть не зорче человеческих.

Прошло несколько минут, и Толик начал замечать, что море впереди как бы вспухает. И одновременно с этим, как будто выплывающая из тумана, за тем местом, где кончалось море, стали возникать неясные очертания города.

— Я вижу! — заорал Мишка. — Толик, я вижу!

И сразу же перед лодкой вспыхнула и засияла нестерпимым оранжевым светом огненная дорожка. Она искрилась, как поток расплавленного металла. А за ней, совсем рядом, виднелись дома и улицы родного города.

Лодка коснулась носом Черты. Вот уже треть лодки за Чертой... Но в ту же секунду за кормой вскипел бурун. Мотор начал работать в обратную сторону. Катер медленно стал сползать с Черты.

И на этот раз Толик сразу же понял, что произошло.

— Он освободился! — закричал Толик. — Мишка, прыгай! Прыгай скорей!

И Толик, а вслед за ним Мишка и Майда прыгнули в море.

В воздухе Толик пересек Черту. В глаза ему ударил нестерпимый оранжевый свет, и он на секунду потерял зрение.

Затем Толик услышал громкий скрежет и визг. Послышались возбужденные голоса. Толик открыл глаза. Они с Мишкой лежали посреди проспекта. В двух шагах от них боком стоял автобус. К окнам прилипли взволнованные лица пассажиров. Из своей кабинки топорливо вылезал шофер. Лицо у него было бледное.

— Вы что делаете, негодяи! — закричал шофер. — Вы откуда взялись?! Ведь на двести метров впереди дорога была свободна!

Шофер взял одной рукой за шиворот Толика, другой — Мишку и потрянул их как следует. Ребята не сопротивлялись. Ведь не могли же они объяснить, как они очутились на проспекте.

Вокруг собралась толпа. Все обсуждали происшествие.

— Таких задавишь — и отвечать не будешь, — говорил один.

— Совершенно распустили детей, — говорил другой.

— Смотрите, стоят как ни в чем не бывало, — говорил третий.

Толик слушал эти слова и был счастлив. Какие это все были славные люди. Как замечательно они его ругали. Он всю жизнь слушал бы эту ругань, но наконец у Майды кончилось терпение. Она встала между ребятами и прохожими и зарычала.

Прохожие стали расходиться. И довольно быстро. Гораздо быстрее, чем они собирались.

Лишь шофер стоял посреди мостовой и что-то объяснял подо-

шедшему милиционеру. Затем уехал и шофер вместе со своим автобусом. Милиционер подошел к ребятам.

— Ну что? — сказал он. — Пойдем?

— Обождите минутку, — послышался голос с тротуара.

На краю панели стоял толстый доктор из зоопарка. Как обычно, он был увешан кулками и свертками. И, как обычно, толстая улыбка сияла на его толстых губах. Толик взглянул на него и отвернулся. Сейчас ему не очень-то хотелось, чтобы его узнали.

— Отпустите этих ребят, — попросил доктор. — Это замечательные ребята. Они больше не будут так неосторожны. Вот этого мальчика я знаю с самой хорошей стороны. Видите ли... меня часто толкают. Но дело не в этом. Однажды я рассыпал свертки, и он сразу же бросился ко мне на помощь. До этого я не видел ни одного мальчика, который бросился бы ко мне на помощь.

Милиционер с сомнением покачал головой.

— Сегодня я их отпущу, а завтра они снова под автобус полезут.

— Не полезут. Уверяю вас, не полезут. Я же, со своей стороны, приглашаю вас в зоопарк. И приводите своих детей. Я им покажу слона совершенно бесплатно.

— Мне, гражданин, бесплатных слонов не нужно, — сказал милиционер. Но тем не менее козырнул доктору и, отвернувшись, зашагал вдоль тротуара.

— Ну, а теперь бегите домой, — сказал доктор.

— Спасибо, — сказал Мишка.

А Толик ничего не сказал. Он боялся, что его узнают по голосу.

Через несколько минут ребята уже стояли у своего дома. Они нерешительно поглядывали на свои окна, но не трогались с места. Они никак не могли придумать, чем объяснить свое отсутствие. Теперь, когда не осталось ни одной спички, ничего доказать было уже невозможно.

— Эх, была бы хоть одна спичка, — вздохнул Толик. — Пускай самая последняя. И никаких спичек мне вовсе больше не надо.

— Да, сейчас бы она не помешала, — согласился Мишка.

Но спички не было.

XXIX

Толик медленно поднимался по лестнице. Если наверху хлопала дверь, он вздрагивал и замирал, стараясь по звуку шагов угадать: не спускается ли это мама или папа.

После того, что произошло у Мишки дома, Толик мог представить себе, что его ожидает. Толик сам вызвался идти сначала к Мишке. Но от этого лучше не вышло. Вышло хуже. Толику даже и рта не дали раскрыть, чтобы заступиться за Мишку. Да и рот открывать было особенно незачем. Ведь объяснить все равно ничего нельзя. Чем больше объясняешь, тем, выходит, больше врешь.

Мишку, конечно, оставили дома.

Толику пришлось идти одному.

У двери Толик долго стоял, не решаясь нажать кнопку. Снизу послышались шаги. Поднималась соседка по площадке. Увидев Толика, она ахнула, и Толик судорожно ткнул кнопку звонка, чтобы не пускаться в разговоры еще и с соседкой.

Дверь отворилась сразу. На пороге стоял папа. Толик не сразу узнал его. Папа был бледный, худой и весь заросший щетиной. При виде Толика папа побледнел еще больше. У него затряслись губы.

Но самое страшное было то, что папа сказал каким-то чужим и очень тихим голосом:

— Толик? Ты пришел?

У Толика сразу пересохло горло. Он не мог даже шевельнуть языком.

— Ну, проходи... Что же ты стоишь? — тем же голосом сказал папа.

Толик вошел и остановился в передней.

И тут из комнаты вышла мама.

Увидев Толика, мама ахнула и бросилась к нему.

Она не говорила ничего.

Она схватила Толика и стала его целовать, и смеяться, и плакать.

А папа как-то очень аккуратно закрыл дверь и медленно, держась рукой за сердце, прошел в комнату.

Мамины поцелуи пахли лекарством. И во всей квартире стоял аптечный запах. И вещи были разбросаны повсюду, как перед отъездом на дачу.

Внезапно мама отпустила Толика и бросилась на кухню. Слышно было, как там яростно загрохотали кастрюли и сковородки. Затем что-то упало на пол.

Со звоном разлетелись осколки.

Мама выбежала из кухни и опять бросилась целовать Толика.

— Мама, — дрожащим голосом сказал Толик. — Мама, я больше не буду. Не сердись, пожалуйста.

Мама всплеснула руками.

— Как же я могу на тебя сердиться! Это ты на меня не сердись, что я так за тебя волновалась...

Не договорив, мама отпустила Толика и побежала к телефону. Она набрала номер и закричала в трубку:

— Женя, Женечка, Толик пришел! Да, да! Конечно! Здоровый, здоровый...

Дядя Женя был маминым братом. Наверное, он что-то сказал маме, потому что она закричала в трубку очень сердито:

— Ты с ума сошел! Разве можно пороть Толика! Толика! Он ведь у меня самый умный и самый послушный!

И лишь сейчас Толик понял, что он натворил. Да, он вернулся домой. Он даже помог освободить Мишку. Но мама осталась прежней. Это была не его мама. И он сам сделал ее такой. Все клюшки и мячи в мире, все хоккейные победы отдал бы сейчас Толик за одну спичку. Но спички не было.

Толик осторожно открыл дверь в комнату. Папа сидел на диване, обхватив руками голову. Таким видел его Толик в тот день, когда они расстались.

Ничего не изменилось. Совсем ничего!

— Папа... — сказал Толик. — Папа...

— Что? — сказал папа, не отнимая от головы рук.

— Папа, я тебе все расскажу. Все, все! Самое честное слово!

Я тебя тогда не обманывал. Ты можешь спросить у Мишки...

— Хорошо, — глухо сказал папа, — я спрошу... Потом...

Толик сел рядом с папой. Но папа был как каменный. И тогда Толик лег на диван и заплакал. Он старался плакать тихо, но у него это не получалось. Слез было слишком много.

Он почувствовал, как на его спину опустилась теплая папина рука. Эта рука легонько похлопывала его, и Толик слышал папин глухой голос:

— Успокойся, старик. Ну, извини... Ведь это я довел тебя до этого. Я бы не ушел тогда, если бы знал... Ты прости меня, старик...

Толик уткнулся в диван и заплакал еще сильнее. Что-то больно укололо его в нос, и Толик нарочно прижался лицом крепче, чтобы ему было еще больнее. Может быть, этой болью он хоть немного искупит свою вину. Но распухший нос Толика отказывался терпеть. Пришлось немного отодвинуться. Толик приоткрыл один глаз и увидел спичку.

Она лежала между сиденьем и спинкой дивана. Как раз на том месте, куда папа швырнул коробок в тот злополучный день.

Толик вскочил на ноги. Он взмахнул рукой и накрыл спичку ладонью, как муху, словно боялся, что она улетит от него.

Папа с удивлением смотрел на Толика.

Толик улыбнулся сквозь слезы и стремглав бросился в ванную.

— Толик, ты куда? — тревожно спросил папа.

Но сейчас Толику было не до объяснений. Он влетел в ванную, переломил спичку и сказал:

— Ничего мне не надо. Пускай все будет как раньше. И у Мишки — тоже.

Толик осторожно выглянул из ванной. На пороге кухни стояла мама. Она строго взглянула на Толика и сказала своим обычным голосом:

— Толик, ты разве не видишь, что я устала? Сбегай быстро в булочную. Купи батон и половинку круглого. Хватит бездельничать.

И тут, к удивлению мамы, Толик подпрыгнул, повис у мамы на шее и заорал:

— Ура! Мама, ура! Я бегу в булочную! Да здравствует батон и половинка круглого!

А мама, отбиваясь от Толика, сказала добрым голосом:

— Ну ладно, ладно. Я всегда думала, что ты не такой лентяй, каким хочешь казаться.

И на этом сказочная жизнь Толика закончилась навсегда.

Но
хочу сказать
еще несколько
слов

Дело в том, что мальчик с голубыми глазами все еще живет во вчерашнем дне. Он может вернуться в наш день, если ему снова захочется найти друга. Он может отомстить Толику за то, что тот оказался не таким лентяем и жадиной, как он рассчитывал. И еще долго будет Толик ходить по улицам озираясь. И не раз еще ему придется вздрогнуть при встрече с каким-нибудь человеком, в глазах которого вдруг мелькнет голубой огонек жадности.

А лентяи и жадины, и вообще все, кто мечтает прожить жизнь ничего не делая, должны знать: во вчерашнем дне они — желанные гости. Там их ждет мальчик с голубыми глазами, о котором мне вспоминать настолько противно, что я даже не хочу рассказывать, кто он и откуда взялся. Ведь он сам пожелал забыть своих родных и друзей, чтобы ни с

кем не делиться своим богатством. Так стоит ли о нем вспоминать?

Где-то на дне моря все еще бродит Железный Человек. Он слишком железный и никогда не умел понимать чужое горе и чужую беду. Поэтому ему никогда не стать настоящим человеком. Так он и будет ходить по дну, разыскивая Толика, пока насквозь не проржавеет.

Но мне, если хотите знать, его почему-то немного жалко.

Теперь я до конца знаю историю Толика. И я совершенно уверен в том, что настоящее счастье человеку приносят чудеса, сделанные его же руками.

Вот и все, что я хочу сказать всем, кто прочтет эту повесть.

АВТОР

Борька, Я и Визжитка

П О В Е С Т Ь

НА МАРС!

В этой школе учился еще Петр Первый.

В длинных коридорах, притихших после звонка, шаги звучали особенно четко, по-солдатски. На лестничных площадках каблучки цокали звонко, как подковы. Оглушительно кряхтел под ногами паркет.

В других школах люди ходят в тапочках, оставляя ботинки в раздевалке. А здесь — нет.

Здесь все по-ненормальному: дубовый рассохшийся паркет, кафельные площадки, мраморные ступени, на которых визжит каждая попавшая под ногу песчинка, коридоры длиной метров по сто.

И уборная, где можно спрятаться до перемены, — на втором этаже, опять-таки в конце коридора.

Но второй этаж — другое, там только классы.

Костя на цыпочках крадется вдоль стены. От одной ниши до другой: короткая перебежка и — стоп. Можно послушать, что делается в чужом классе.

За первой дверью ведут разговор два голоса: девичий — неуверенный, тихий и мужской — раздраженный.

— Синус — это есть... это...

— Отношение!

— Отношение...

— Ну! катета!

— Катета...

— Какого катета?

— Катета... который...

«Пара», — безразлично подумал Костя и сделал еще одну перебежку. За второй дверью, захлебываясь от нетерпения, отвечал урок какой-то отличник. Он так торопился получить свою пятерку, что не обращал внимания на запятые. Костя услышал примерно следующее: «Еще древности ученые заметили, что стеклянная палочка, натертая шелком, обладает способностью притягивать мелкие предметы и при слишком выводе...»

Костя сделал рывок.

Третья, последняя ниша, третья дверь.

— Как хо-ро-ши майские ве-че-ра, когда... Написали? Вечера, когда...

«Перед «когда» — запятая», — машинально отметил Костя и с удовольствием подумал о том, что там, в классе, кто-то этой запятой не поставил.

До угла коридора оставалось шагов двадцать. По пути была еще одна дверь, уже без ниши. Костя переступил с ноги на ногу и пошел, не отводя взгляда от этой двери с сине-белой табличкой — «Зав. учебной частью».

Паркет постанывал, скрипел под ногами, и Костя, впившись глазами в сине-белую табличку, даже замедлил шаги. Все равно он был обречен. Костя хорошо знал свое счастье.

— Шмель, ты почему разгуливаешь во время урока? — спросит Вера Аркадьевна.

— За мелом, — ответит Костя.

— Ах, за мелом, — скажет Вера Аркадьевна. — Так вот...

И Вера Аркадьевна уведет его в кабинет. Она будет говорить о том, что миллионы людей трудятся для того, чтобы Костя мог учиться; и о том, что она не знает, как быть с ним дальше; о том, наконец, что в его возрасте она готовила бы себя к полету на ракете, а он, способный, но лентяй, не хочет учиться. Вера Аркадьевна была уверена в том, что все ученики, даже девочки, мечтают улететь на ракете.

И все это было правильно, все говорилось уже в сотый раз. И отвечать было нечего.

Говорят, что перед смертью человек за одну секунду вспоминает всю свою жизнь.

Костя сделал три шага, и вспоминать было уже нечего. Все пронеслось перед глазами в одно мгновение.

— Шмель, так какой же корень у кукурузы?

Костя прекрасно знает, что мочковатый. У всех у них: у кукурузы, у ржи, у пшеницы — мочковатые корни.

Мочковатый — это значит: как мочалка, как старый, растрепанный веник, как борода у козла, как щупальца осьминога. Триста слов может сказать Костя про этот корень. Четыреста! Но среди них нет того, которое нужно. Он знает, и учительница ботаники знает, что он знает. И все ребята знают — второй урок ходят по рукам высохшие ломкие стебли. А у Шмеля просто язык не поворачивается повторить это слово в десятый раз.

И он говорит:

— Висюльками.

Ребята только этого и ждали. Они смеются. В руках учительницы вздрагивает сухой кукурузный скелет.

— Шмель, будешь стоять за партией до конца урока. Пусть на тебя полюбуются твои товарищи.

— Но ведь правда же — висюльками, — говорит Костя уже серьезно, изумленный нечаянным открытием. Это ведь очень точно — висюльками.

Ребята опять смеются. Они знают Костю. Они уже привыкли и смеются раньше, чем Костя открывает рот. И, сами того не желая, они толкают Костю в пропасть.

— А теперь, Шмель, ты будешь стоять до конца урока у двери.

Костя идет к двери. Вика Данилова смотрит на него с ужасом, как на прокаженного. Урок продолжается. Половина класса смотрит на учительницу, половина следит за Костей: что он будет делать.

И в самом деле, не стоять же так просто.

Костя слюнит палец и от глаза вниз по щеке проводит мокрую полосу. Это значит, — у него текут слезы. Еще раз проводит — теперь он уже рыдает, даже вздрагивают плечи и морщится нос. Костя рыдает, а ребята хохочут. Им-то что?

— А теперь, Шмель, ты будешь стоять до конца урока за дверью, — говорит учительница, не оборачиваясь.

Костя выходит и слышит за спиной постепенно затихающий смех. Но стоять у двери — безумие: может пройти завуч или даже директор. И Костя отправляется в далекий путь до уборной на втором этаже. Теперь он смотрит на дверь с сине-белой табличкой, и ему кажется, что какие-то звенящие нити тянутся от него к этой двери. Она обязательно откроется... Вот сейчас! Еще шаг... И она открылась.

— Шмель, ты почему гуляешь во время урока? — спросила Вера Аркадьевна.

— А я... за мелом.

— Зайди в кабинет.

Вера Аркадьевна села за стол, а Костя остался стоять посреди комнаты.

— Опять выгнали?

— Почему выгнали? — пробубнил Костя.

— Я не знаю почему, это ты должен знать.

— А что мне, за мелом сходить нельзя? — вяло возразил Костя. Он понимал, что выкручиваться бесполезно, и сейчас сопротивлялся просто по привычке.

— Сколько раз на этой неделе ты ходил за мелом?

Костя промолчал.

— Уже два раза ученик Шмель ходил за мелом. Это — третий. Верно?

Ученик Шмель молчал. Да и что сказать? Такое уж Костино счастье. В третий раз на этой неделе выгоняют его из класса, и ни разу не удалось добраться до уборной. Сначала встретила Елизавета Максимовна, потом Лина Львовна и вот теперь — завуч.

— Я уже не знаю, Шмель, что с тобой делать. Ну скажи сам — что мне с тобой делать?

Костя молчал, тоскливо глядя на картину, висящую за спиной Веры Аркадьевны. Мальчик в белой рубашке с пионерским галстуком, подбоченясь, трубил в горн. При этом он улыбался. Картина называлась «Горнист», хотя и без того было ясно, что это не водолаз или кто-нибудь там еще.

Костя молчал и чувствовал, что в нем просыпается ненависть к Петру Первому, ради которого выстроили эту школу с длинными скрипучими коридорами. Именно из-за него, царя дурацкого, стоит Костя перед столом и не знает, что ответить на вопрос Веры Аркадьевны. А если и ответит, то ему зададут новые, чтобы проверить, действительно ли он раскаивается или все это просто так.

— Ты ведь способный мальчик, Шмель, ты можешь учиться отлично, если захочешь, — сказала Вера Аркадьевна. — Тебе все дано: тысячи людей работают, чтобы ты мог учиться. А ты... Какой у вас сейчас урок?

— Ботаника.

— Разве без знания ботаники можно стать хорошим агрономом или садоводом? А вдруг ты и сам станешь учителем ботаники.

— Я?! — На лице Кости такое отвращение, что Вера Аркадьевна начинает сердиться.

— Да, да, ты. Эта профессия ничуть не хуже других. Тебе уже пора подумать о своей будущей профессии. Ты ведь не маленький. Еще год, два, три... Время летит быстро. И я думаю... — Морщинистое лицо Веры Аркадьевны добреет. — Я думаю, что где-то уже строится ракета, на которой полетят в космос твои ровесники. Может быть, кто-нибудь из твоего класса. А может быть, и ты, а? Но нет... — Вера Аркадьевна с сожалением покачивает головой. — Тебя не возьмут на ракету. Полетят люди дисциплинированные и прежде всего обладающие прочными знаниями. Кстати, и знающие ботанику тоже.

Костя уныло смотрит на горниста. Ботаника, ракета... и опять ботаника. Вот если бы вдруг ожил и затрубил горнист на картине, было бы здорово! Вера Аркадьевна упадет в обморок и все забудет. Костя не хочет быть учителем ботаники. Он сам не знает, чего хочет. Просто еще не думал об этом.

— Неужели тебе не хотелось бы слетать на Марс? — И Вера Аркадьевна смотрит на Костю так, словно пропуск на Марс у нее в кармане.

Горнист на картине оживает. Его розовое лицо и галстук наливаются светом. Он чуть шевельнул головой. «На Марс! — трубит он. — На Марс!» Костя широко открывает глаза. Снится, что ли? Да нет, просто солнце вышло из-за облака и осветило картину.

— На Марс, Шмель, на Марс, а? — повторяет Вера Аркадьевна.

И тут Костю вдруг осеняет.

— А знаете, Вера Аркадьевна, — говорит он, — мне один раз снилось. Я лечу... и кругом одни звезды! Я даже одеяло сбросил. Честное слово!

И Вера Аркадьевна верит. Она уже сорок лет работает в школе. Тысячи таких, как Костя, прошли через ее руки. Но по-прежнему ей всегда легче поверить хорошему, чем плохому.

— Вот видишь, Костя, — говорит она, — ты ведь все понимаешь. Иди извинись перед учителем. Иди и обещаешь, что это — последний раз.

Не столько в словах ее, сколько в голосе — доброта и мудрость старой женщины, которой гораздо приятнее похвалить или простить, чем наказывать или выругать.

А Костя, собачий сын Костя Шмель, если не умом, то чутьем понимает это. Он опускает глаза, будто ему и в самом деле стыдно. Он переступает с ноги на ногу и чуть наклоняет голову, будто и вправду чувствует себя неловко.

— Я обещаю, Вера Аркадьевна. — Он степенно идет к двери, оборачивается. — Спасибо, Вера Аркадьевна, — произносит Костя, вроде бы и некстати, а на самом деле так кстати, что Вера Аркадьевна только машет рукой и уже больше ничего не говорит.

Дверь открывается и закрывается. Сине-белая табличка остается за спиной. Звенит звонок.

Костя идет по скрипучему коридору, лихо печатая шаг. На лестнице он ложится животом на перила и мчится вниз, грохоча ботинками по мраморным ступеням.

Он вбегает в буфет, где уже выстроилась ребячья очередь.

— Алё! Вы на Марс? — орет он. — Кто последний — я первый! Вчера занимал! — и с разбегу вклинивается в очередь.

ПРО АНТЕННУ

Сегодня после уроков в класс прибежал Владик — наш вожатый из восьмого «г». Он спортсмен и очень подвижный. Даже когда он стоит, то кажется, что все равно бегаёт. Вообще-то он — ничего, потому что никому не даёт никаких поручений. Заглянет в дверь, спросит:

— Ну как дела?

Ему отвечают:

— Так себе.

— Хорошо!

— Плохо.

А Владик скажет:

— Ну и молодцы. Жми дальше. — И опять убежит.

Но сегодня Владик убежал не сразу. Мы уже расходились, но Владик загородил дверь и сказал, чтобы мы остались.

— А зачем? — спросил я.

— А затем, что вы не ведёте никакой работы и мне из-за вас влетело.

— А зачем вести работу?

— Потому что вы пионеры.

— А зачем мы пионеры?

— Ты что, ненормальный? — сказал Владик.

А я снова сказал:

— Зачем ненормальный?

Я уж знаю: если все время задавать один и тот же вопрос, то можно разозлить любого человека. Вообще-то Владик — ничего, но мне просто интересно, что я могу разозлить кого хочешь.

Владик, конечно, разозлился.

— Тебя, Шмель, — сказал он, — сегодня опять выгнали из класса, можешь и сейчас уходить.

— Могу? — спросил я.

— Можешь!

— А остаться могу?

— Как хочешь.

— А уйти тоже могу? — снова спросил я.

Тут Владик покраснел. Он сжал кулаки. И ребята перестали смеяться. Ну, и я замолчал.

— Так, значит, ребята, — сказал Владик, — нужно чего-нибудь придумать. А то у вас пионерская работа отстаёт. Я как вожатый за вас отвечаю, а у меня и без вас дел хватает. Даже сегодня — соревнование. Давайте думать быстрее.

Ребята помолчали, помолчали, потом Алик Летицкий предложил:

— Давайте бумагу собирать.

— Нет, лучше железо, — сказал Мишка Летицкий.

Алик и Мишка — близнецы. Они терпеть не могут, что похожи друг на друга. Им надоело, что их все время путают. Поэтому они всегда спорят и даже в школу ходят по разным улицам.

Владик обрадовался.

— Очень хорошо. Давайте — бумагу. Знаете, сколько из нее тетрадей можно сделать?

— Лучше железо. Бумагу уже собирали, — возразил Мишка.

— Железо тоже хорошо, — согласился Владик. — Стране очень нужно железо. Вот... А у меня сегодня соревнование. Давайте решать быстрее. Все равно собирать чего-нибудь нужно.

— А ты лучше помолчи, — повернулся Мишка к Алику. — Железо тоже собирали.

— Не стоит спорить, ребята, — сказал Владик. Он все время бегал вдоль доски и поглядывал на часы. — Какая разница, чего собирать? Пускай половина собирает бумагу, половина — железо. А потом подведем итоги. Договорились?

Я сидел и думал: ничего мы не договорились. Мне-то все равно: хоть железо, хоть бумагу, хоть Исаакиевский собор. Конечно, потом ребята будут говорить, что я не активный. А учителя говорят, что я даже слишком активный. Тут не разберешь. Если все пойдут, — и я пойду. А не пойдут, — и я не пойду. Или можно еще так: все пойдут, а я — нет. Или так: все — нет, а я пойду.

В общем, пока я думал, встал Борька Таланов.

— Знаешь, Владик, — сказал Борька, — а может, лучше сделать антенну?

— Какую антенну?

— Такую... Телевизионную, направленную. Чтобы можно было принимать разные города. Москву, например, или Киев...

— И Африку? — спросила Вика Данилова.

— Африку — не знаю. А Лондон или Париж — может быть. Я читал, что даже на обыкновенной принимают. Случайно. Только антенна должна быть специальная... — начал было Борька, но Владик его перебил:

— Вот и хорошо, Боря. Здорово придумал! Насчет Парижа вы тут сами разберетесь. А я побегу. Только вы мне потом покажите, когда сделаете. Ладно? — И Владик убежал.

Ребята обступили Борьку:

— А как ее сделать?

— А где ее поставить?

Они спрашивали, а Борька рассказывал, что антенна должна быть в несколько рядов, большой высоты, вращающейся. И чтоб моторчиком можно было управлять из комнаты...

Все думают, что мы с Борькой друзья. А я не знаю — друзья или нет. Мы с Борькой никогда не ссоримся надолго. Я не могу долго сердиться, а Борька не любит драться. Я тоже не люблю драться, но зато могу разозлить кого угодно. А Борька не любит злиться. Вот я и не знаю — друзья мы или нет. По крайней мере, целоваться я с ним не буду, хоть он и живет на моей лестнице и все время строит какие-то приемники. Даже наоборот, мне стало обидно, что он раньше ничего не говорил про антенну. Я протиснулся к Борьке и сказал:

— Борька, ты все знаешь, да? И про антенну... И еще, может быть, про снежного человека... Или про Марс... А когда на балконе ходят, знаешь?

Борька засмеялся.

— Когда ходят, тогда и ходят. Отвяжись, Костя.

— Нет, ты отведь.

— На бал кони никогда не ходят, — сказал Борька и принялся дорисовывать свою антенну.

А Вика Данилова посмотрела на меня, как на чучело, и сказала:

— Старо. Это еще из второго класса. Ты, Шмель, придумай чего-нибудь поумнее.

— Могу и умнее, — ответил я. — Ты дура и староста — вот тебе и поумнее.

— А ты хулиган!

Ребята захохотали. Они уже не глядели на Борькину бумажку, а глядели на меня и ждали, чего я отвечу.

Я сказал:

— Африканская принцесса.

А Вика мне:

— Шмель несчастный!

А я Вике:

— Почему несчастный?

— Потому что клоун.

— А почему клоун?

— Потому что потому.

— А почему потому что потому?

Чем больше я спрашивал, тем громче хохотали ребята и сильнее злилась Вика. И все забыли про Борьку и про его парижскую антенну. А я все спрашивал. Но когда я снова взглянул на Борькину парту, то его уже не было в классе.

А Вика побежала за ним.

СНЕГ ИДЕТ...

С утра падал снег — легкий, чистый. В белые береты оделись фонари. На пиках чугунных решеток выросли белые наконечники. Снег падал на мостовые, на тротуары. Дворники, воюя с зимой, безжалостно сгребали его в люки, и это было даже обидно, потому что от снега город становился светлее и лучше, а прокожие — добрее.

Только крылатые львы на мосту через канал стали еще угрюмее. Им было холодно под снежными попонами. Но они не смели шевельнуться, они сжимали зубами цепи, на которых держался мост.

У моста Бориса догнала Вика.

— Ты почему ушел? — спросила она.

— Я не ушел.

— А кто же ушел? — засмеялась Вика.

— Да я просто так. Я и сам антенну сделаю. Не хотите — и не надо.

— Вот и как раз все хотели, — сказала Вика. — А твой Костя... Я его ненавижу! Лучше бы его совсем не было.

— Ничего он не мой.

— Нет, твой.

Вика нахмурилась, вспоминая только что пережитую обиду. Борька заглянул ей в лицо и тоже нахмурился. Он не слишком сердился на Костю. Он вообще не любил сердиться.

— Что ты, Костю не знаешь? — сказал он. — Он всегда такой.

— А я не хочу, — сказала Вика.

— Чего? — спросил Борька.

— Ничего.

Они замолчали. Вика сняла варежку и стала постукивать ею по перилам, сбивая снег. И Борька тоже сбивал снег, только голой рукой, и старался придумать что-нибудь такое, отчего им обоим стало бы вдруг весело.

— Очень много уроков задали, — сказал наконец Борька.

— Ага, — отозвалась Вика.

Еще несколько хлопьев упали в воду.

— А давай пойдем вместе уроки делать? — вдруг сказала Вика. — Пойдешь к нам?

Борька провел рукой по перилам и сгрел снег метра на полтора.

— Пойду, — решительно сказал он и торопливо добавил: — А может, пойти к нам? Хочешь?

— Сегодня у меня, завтра у тебя, — весело подхватила Вика. —

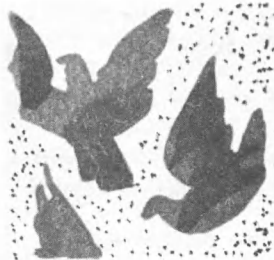
Ладно?

— Ладно, завтра — у меня, — храбро сказал Борька.

— А твоя мама не будет беспокоиться?

— Обо мне вообще никогда не беспокоятся, — отрубил Борька.

И они ушли. На перилах остались следы их рук. Но ни один следопыт не узнает по ним, что произошло сегодня на этом мосту. Тем более, что снег все идет и идет, и, прежде чем зажгут фонари, все опять станет как было.

ПРО ЛИНУ ЛЬВОВНУ

Сегодня я пришел в школу на целый час раньше. До этого я, наверное, еще час стоял у «Гастронома» и смотрел, как одна пенсионерка кормила голубей семечками. Правда, может быть, она и не пенсионерка, это я уж точно и не знаю. Но мне не понравилось, как она их кормила. Я бы взял все семечки и высыпал на мостовую. А она насыпала понемножку на ладонь и потряхивала, чтобы голуби садились к ней на руку. Один, самый нахальный, садился и клевал. А у ее ног была еще целая куча голубей, но им ничего не досталось.

Она стояла согнувшись, вытянув руку, и говорила: «Кушай,

кушай», — и называла голубя «мой ласковый», хотя он был не ласковый, а просто нахальный.

И вообще она так старалась, словно это был не голубь, а ее внук или кто-нибудь там еще.

Я зашел в магазин, купил кедровых орехов на весь полтинник и высыпал их на тротуар. Все голуби перелетели ко мне, а тот ласковый — самый первый. Пенсионерка обиделась и сказала, что я бездельник. И мне было очень приятно. Мне нравится, когда меня ругают люди, которые мне не нравятся.

Вот когда меня ругает Елизавета Максимовна, наша классная руководительница, мне как будто даже щекотно. Потому что она мне не нравится.

Если Вика Данилова, — мне всегда смешно. Я ее терпеть не могу. Она староста.

Только когда ругают папа и мама, выходит как-то непонятно. Я их люблю, но все их слова уже наизусть выучил. Поэтому получается не смешно и не обидно.

А если бы меня выругал какой-нибудь фашист, я бы, наверное, на небо залез от радости.

Почему мне не понравилась пенсионерка, это уж я не знаю. Но из-за нее я истратил последний полтинник. А Зинаида больше денег не даст до конца недели. Она и сегодня дала, просто чтобы отвязаться. С утра она не пошла в институт, потому что не успела приготовить чертеж. Она приколотла к столу большой лист бумаги и принялась чертить. Когда она чертит, к ней лучше не подходить — дрожит над своими чертежами, будто они из золота.

Я ходил, ходил по комнате и завел «Бамбино». Это моя любимая пластинка. Проиграл раз десять. Потом — на другой стороне. Там похуже, но тоже ничего. Потом опять поставил «Бамбино». Зинаида мне говорит:

— Костя, тебе не надоело?

— А тебе?

— Мне надоело!

— А мне нет.

— Мне мешает.

— Почему мешает? — спросил я. — Ты же чертишь, а не поешь.

— Я тебе сейчас объясню, — говорит Зинаида. — Подойди поближе.

Я, конечно, не подошел. Но «Бамбино» поставил еще раз и говорю:

— Попробуй тронь. Я тебе весь чертеж тушью залью — и тебя из института выгонят.

Зинаида подняла голову, посмотрела на меня сквозь свои очки.

— До чего же ты вредный, Костя! Неужели ты сам не видишь, какой вредный?

Я говорю:

— У меня очков нет, — вот и не вижу. Дай твои поносить.

В это время пластинка кончилась, и я завел ее снова.

— Ты пользуешься тем, что мама в отъезде, — говорит Зинаида. — И еще ты пользуешься тем, что тебя бить жалко, потому что ты маленький.

А я отвечаю:

— Это мне тебя жалко.

С Зинаидой я всегда спорю, потому что она меня все время воспитывает.

Я вообще люблю спорить. Папа говорит, будто внутри меня сидит невидимка. И будто, когда у меня получается что-нибудь хорошее, то это я сам делаю, а когда спорю или дразнюсь, то это — невидимка. Папа говорит, что раньше невидимка был сильнее меня, а теперь у нас силы примерно равные.

Но с Зинаидой я и без невидимки справлюсь одним пальцем.

— Неужели у тебя совсем совести нет? — говорит Зинаида. — Вот хоть настолько, — и показывает ноготь.

А я отвечаю:

— В лесу родилась елочка.

Это очень просто: если хочешь разозлить человека, нужно отвечать совсем не то, что он спрашивает. Например, тебе говорят: «Ножик есть?» А ты отвечаешь: «Спасибо, я уже пообедал». Или: «Куда идешь?» А ты: «Ага, у кита хвост большой».

Зинаида увидела, что от меня не отделаться, и говорит:

— Ладно, я тебе тридцать копеек дам. Сходи в кино.

— Дай пятьдесят — тогда пойду.

— Вымогатель, — говорит Зинаида.

И тут вдруг я обиделся: я всегда обижаюсь, если меня хвалят или обзывают. Наверное, я все-таки гордый.

— Раз так, — говорю, — раз вымогатель, то я бесплатно уйду.

Снял «Бамбино», выключил приемник, надел пальто и пошел к двери. Зинаиду сразу совесть заела. Идет сзади и сует мне полтинник.

— Возьми, не ломайся.

Но я с ней даже разговаривать не стал. Захлопнул дверь и спускаюсь по лестнице. Прошел третий этаж. Иду, и мне приятно, что я такой принципиальный.

На втором этаже постоял немного.

На первом — тоже ничего.

Но только на улицу вышел — до того мне в кино захотелось! Даже в горле зачесалось! Пошарил в карманах — четыре копейки. Что же мне, перед Зинаидой унижаться! Этого еще не хватало! Просто взял и позвонил из автомата, тут же, в парадной.

— Ладно, — говорю, — брось полтинник в форточку. И учти — это в долг. Пока мама приедет.

Зинаида завернула полтинник в бумажку и выбросила в форточку. А я его поймал одной рукой, левой.

Но в кино я так и не пошел, потому что встретил эту пенсионерку. И пришлось мне идти в школу на целый час раньше. Знал бы — на улицу не выходил, потому что этот час получился не очень веселый.

Сначала я заглянул в пионерскую комнату. Там была только Лина Львовна — наша старшая пионервожатая. Я просунул голову в дверь и жду, пока заметит. Терпеть не могу лезть, если меня не зовут. А зайти мне очень хотелось. Лина Львовна нравится мне больше всех, потому что она красивая. Даже красивее тех пионервожатых,

которые в кино. Там ведь их специально гримируют, а здесь — настоящая. У нее все красивое: и кофточка, и лакированный поясик, и маленькие золотые часы. Мне-то, конечно, на все это чихать, а вот ребята из девятого класса ходят вокруг нее и подмигивают друг другу, как ненормальные.

Лина Львовна меня сразу заметила:

— Костя, заходи.

— А зачем заходить? — говорю я. — Разве обязательно?

— Обязательно. Я как раз про ваш класс думала.

— Про наш, Лина Львовна, ничего хорошего не придумаешь. Мы неорганизованные. Работы не ведем... И вообще мы хуже всех. А еще хуже всех — я.

Лина Львовна засмеялась.

— Ладно, Костя, не кокетничай. Ведь ты говоришь про себя — «хуже всех», а сам, наверное, думаешь — «лучше всех». Верно?

Я говорю:

— Лина Львовна, но ведь вы тоже про себя не думаете, что вы хуже всех.

— Нет, конечно.

— Тогда почему мне нельзя так думать?

— Но ты говоришь.

— А разве на самом деле я хуже всех?

— Нет, конечно.

— Значит, я правильно думаю, что лучше всех?

— Кого — всех?

— Кто хуже меня. Ведь если, Лина Львовна, взять кого-нибудь лучше всех, то все остальные будут хуже. А если взять кого-нибудь хуже всех, то все остальные будут лучше. Получается, что все лучше кого-то и все хуже кого-то. А лучше всех быть нельзя, потому что тогда нужно быть лучше самого себя. И хуже всех быть нельзя по той же причине. Вот и получается, Лина Львовна...

Я еще долго рассказывал Лине Львовне про лучше и хуже. Это я не сам придумал, а прочитал в одной книжке. Но Лина Львовна не знала, что я не сам придумал. Она смотрела на меня, и от смеха у нее дрожали губы. А мне нравилось, что ей хочется смеяться, хоть она и сдерживалась изо всех сил. Ведь она — старшая пионервожатая и должна нас воспитывать. А она совсем никого не воспитывает. За это у нас ее все ребята любят.

Наконец Лина Львовна не выдержала и засмеялась громко.

Вот тут мы с ней и попались.

Открылась дверь, и вошла Елизавета Максимовна.

Лина Львовна сразу перестала смеяться.

А я замолчал.

— Как у вас тут весело! — сказала Елизавета Максимовна.

Лина Львовна вскочила с места и подвинула стул.

— Садитесь, Елизавета Максимовна. Это мы так... вспомнили... — сказала она, поправляя свой поясик. — Вы знаете, Елизавета Максимовна, Райкина вспомнили.

— Талантливый актер, — сказала Елизавета Максимовна. — Очень талантливый.

Мне всегда казалось, что Лина Львовна немножко боится нашей

классной. Наверное, от страха она и придумала про Райкина. Ведь Лина Львовна кончила десятый класс в позапрошлом году. Она тоже училась у Елизаветы Максимовны. А потом она прошла какие-то курсы и осталась в школе вожатой. Только мне было непонятно: без Райкина смеяться нельзя, что ли?

— Мы только что собирались поговорить с Костей о вашем классе, — сказала Лина Львовна, — о том, как наладить работу.

— Почему именно с ним? — спросила Елизавета Максимовна.

— Просто он сам зашел.

— Это самый разболтанный ученик в классе, — нахмурилась Елизавета Максимовна. — Ведь так, Шмель?

Я промолчал. Не хватало еще самого себя ругать.

— Отвечай, когда тебя спрашивают старшие.

— Ладно, так...

— Ах вот как! — сказала Елизавета Максимовна. — Значит, ты сам понимаешь, что твое поведение невыносимо. Почему же ты не задумаешься над этим?

Я молчал.

— Ты сознаешь, что дезорганизуешь весь класс?

Я снова промолчал. Я стоял и думал про книгу «Тиль Уленшпигель». Там монахи хватали кого-нибудь невиноватого и пытали горячей водой до тех пор, пока он не сознается, что он колдун. Или — на костре. Тут любой сознается...

— Отвечай, Шмель!

Я знал, что она не успокоится, пока не отвечу. И я сказал, чтобы ответить:

— Сознаю.

— Почему же ты не задумаешься и над этим?

— Я задумывался.

— Ну и что?

Я молчал. Чего тут отвечать? Я снова думал об «Уленшпигеле». Там, если человек не сознается, что он колдун, его замучают до смерти. А если сознается, — то сожгут за то, что колдун. Какая же разница! И я решил молчать. Только мне жалко было Лину Львовну. Она открыла альбом и уже наверное десять минут смотрела на одну фотографию.

— Так что же, Шмель?

Я молчал.

— Ты будешь отвечать?

А я молчал.

— Да-а... — сказала Елизавета Максимовна. — И это сын полярика...

И тут мне так захотелось ответить, что даже мурашки по спине забегали. Но я промолчал. Только руки из карманов вынул.

— Да-да, — обрадовалась Елизавета Максимовна. — Сын полярика. Героя. Отважного человека. На него смотрит весь мир. А кто смотрит на тебя, Константин Шмель? Что ты сделал полезного? Отец дрейфует на льдине, терпит лишения и голод, а сын...

Больше выдержать я не мог. Мой отец плавает на СП, а не она! Он мой отец, а не ее!

— Никаких лишений у них нет! — сказал я. — Им на самолетах

цветы возят и шоколад. И даже елки к Новому году. И льдина у них толстая, как... как дом. Они лучше всех живут!

Я говорил и уже никак не мог остановиться. Расписывал, какая у них прекрасная жизнь. Что они просто объедаются шоколадом и задыхаются от жары в своих домиках. Я говорил назло. И я, и мама, и Зинка читали в газетах, что у них два раза лопалась льдина и они в пургу перетаскивали палатки на другое место. Папа писал веселые письма. Но и я, и мама, и Зинка понимали, что он пишет неправду, чтобы мы не волновались. И я волновался за своего отца. И пускай она за моего отца не волнуется.

— Достаточно, Шмель, — сказала Елизавета Максимовна. — Больше говорить не о чем. Приедет мать, мы пригласим ее на педсовет. Или... или вот что. Лучше мы пошлем твоему отцу радиogramму прямо на льдину.

— Вы не имеете права! — крикнул я.

— Мои права — не твоя забота. Иди и закрой плотнее дверь. Мне нужно поговорить с Линой Львовной.

Я посмотрел на Лину Львовну. Она сидела и рассматривала ту же фотокарточку. Она была вся красная, но на меня не смотрела.

Я повернулся и ушел из пионерской комнаты. А мог бы не уходить, потому что пионерская комната — наша комната. Она для ребят. Никто не имеет права отсюда меня выгонять. Но мне было обидно на Лину Львовну за то, что она все время молчала. Она струсила. Я больше с ней разговаривать не хочу. И я на все это чихать хотел с высокого места.

ПРО СОБРАНИЕ

На это собрание я бы за тысячу рублей не пошел, если бы не боялся, что Елизавета Максимовна пошлет телеграмму на льдину. Интересно, почему так получается: не хочешь идти, а все равно идешь. Я ведь знал, что будут ругать. Меня на каждом собрании ругают, — будто я хуже всех. Может быть, я просто родился недисциплинированный, а потом стану таким дисциплинированным, что у них слюнки потекут. Папа говорит: «Человек все время меняется». И я тоже меняюсь. Раньше я был еще и похуже, а сейчас стал лучше. А буду еще лучше. Может быть, лучше всех. А как человек себя ведет, — это еще ничего не значит. Мы вот играем в войну. Одни бывают фашистами, а другие — нашими. Так что же, те, которые изображали фашистов, когда станут взрослыми, будут фашистами, что ли?

А я про шпионов люблю читать. Может быть, я шпионом буду?

И еще я ненавижу, когда врут по-настоящему. Если сказать, что видел собаку, у которой хвост на носу, а нос на хвосте, то это будет

неправда, но вроде шутки. А если тебя спросят: «Выучил урок?» — а ты не выучил, но говоришь: «Выучил» — то это будет настоящая брехня.

Когда меня спрашивают, я всегда говорю, как было. Но у меня все получается как-то неудачно.

Например, мне говорят:

— Готов отвечать?

Я говорю:

— Нет.

— Почему?

— Не выучил.

— Почему не выучил?

— В хоккей играл.

Ребята начинают смеяться. Учитель сердится. А я — виноват? Я сказал правду. Я на самом деле играл в хоккей. Чего ж тут смешного?

Учитель говорит:

— Разве ты не понимаешь, что это безобразие: играть в хоккей вместо уроков?

Я отвечаю:

— Понимаю. Но у меня так вышло.

Ребята опять смеются. А я — виноват, что у меня так вышло? Я не забывал, что надо уроки делать. И я не буду врать, что я там заигрался и забыл или что у меня бабушка заболела. Я все помнил. Только мне со двора уходить не хотелось. И я сказал правду. Значит, нужно мне поставить двойку — и все.

Но меня начинают спрашивать.

— Если понимаешь, то почему не делаешь?

— Тебе что — хоккей важнее уроков?

— Ты что, и дальше намерен так поступать?

Я очень не люблю отвечать на такие вопросы. Хотя ответить ничего не стоит. Сначала нужно сказать: «Я понимаю, что это нехорошо». Потом: «Извините, пожалуйста». И под самый конец: «Честное слово, больше не буду».

Тогда получится, что я осознал свою вину и хочу исправиться. А я еще не знаю, исправлюсь я или нет. Или, может, я завтра под трамвай попаду и снова уроков не выучу... Тогда мне опять скажут, что я не держу своего слова.

У нас в классе есть Вовка Дутов. Он всегда говорит: «Извините, пожалуйста, это в последний раз». Но с этим последним разом он уже два года сидит в шестом классе. Он скоро дырку просидит на своей парте. А у меня только две тройки: по ботанике и по поведению. Но все равно на собраниях меня ругают.

На прошлом тоже ругали.

Сначала все было ничего.

Елизавета Максимовна сидела за столом. Лина Львовна села за мою парту — наверное, хотела, чтоб я ее простил. Но я нарочно от нее отвернулся.

Елизавета Максимовна постучала по столу карандашом, и мы стали выбирать разные должности.

— Ребята, вы должны отнестись к сегодняшнему собранию

серьезно, вдумчиво, по-пионерски, — сказала Елизавета Максимовна. — Если кто-нибудь хочет высказаться, не стесняйтесь, говорите прямо. Начнем со старосты. Как вы думаете, хорошо работала в прошлом году Вика Данилова?

Ребята молчали. Никто не хотел начинать первым. Потом Вовка Дутов запыхтел. Он всегда пыхтит, прежде чем сказать что-нибудь. Елизавета Максимовна посмотрела на него.

— Ну, Дутов?

— Хорошо, — сказал Вовка.

— Значит, возражений нет? Данилова остается старостой. Кто за это предложение?

Все подняли руки.

А я не поднял. Я не был «против», но «за» я тоже не был. У нас в классе вообще никакой работы не ведется. Один раз только стенгазету сделали: вырезали из «Огонька» картинки и наклеили на лист бумаги. Сверху написали: «За отличную учебу». Только там никакой учебы не было. Вырезали одни самолеты и еще про служебных собак.

Данилова тоже работы не вела. Она из класса всех выгоняла в переменку. Если уж она так хорошо выгоняла, то пожалуйста... Я бы еще лучше выгнал.

— А ты, Шмель, почему руки не поднимаешь? — спросила Елизавета Максимовна. — Ты — против?

Я говорю:

— Нет, Елизавета Максимовна, не против. Я не согласен, что — «хорошо». Данилова нас из класса выгоняла. Если даже она очень хорошо выгоняла, то все равно больше ничего не делала.

— А ты сам что делал? — крикнула Вика. — Я тебя больше всех выгоняла.

Я повернулся к Вике и говорю:

— Ну и что? Если бы я из класса сам выходил, тебе вообще было бы делать нечего. Вот и получилось бы, что ты плохо работала. А так, из-за меня ты хорошо работала.

Ребята засмеялись. И Лина Львовна засмеялась. А Елизавета Максимовна сказала:

— Тебя, Шмель, почему-то не выбирают. Садись на место и не мешай.

— Я не мешал, вы сами спросили.

— Хорошо, хорошо. Довольно разговоров.

Я сел и показал фигу Вовке Дутову. А он погрозил мне кулаком. Тогда я быстро нарисовал в тетрадке человека с еловой шишкой вместо головы и опять показал Дутову. Он запыхтел и снова погрозил кулаком.

Пока я рисовал, Борьку выбрали председателем совета отряда за то, что он клеил газету. Он и в прошлом году был председателем, потому и газету сделал. За Борьку я голосовал — все-таки мы с ним живем на одной лестнице.

В это время открылась дверь и вбежал Владик, наш вожатый — весь красный и волосы мокрые.

— Уф! — сказал он. — Извините, Елизавета Максимовна, что я опоздал. Только что тренировка кончилась.

— Нужно уметь рассчитывать свое время, — сказала Елизавета Максимовна. — Садись. Мы сейчас звеньевых выбираем.

— Не могу, — сказал Владик. — Я только на минутку... у меня кончилась по волейболу... Сейчас будет по баскетболу... Соревнования! Я потом прибегу. — И Владик исчез.

Елизавета Максимовна строго взглянула на Лину Львовну. Лина Львовна посмотрела на открытую дверь. Но там, где только что стоял Владик, никого не было, одни пылинки кружились в луче солнца.

Лина Львовна встала и закрыла дверь.

— Будем продолжать, — сказала Елизавета Максимовна. — Лина Львовна, у вас есть какие-нибудь предложения?

Лина Львовна встала из-за парты и принялась теребить концы галстука. Наверное, раньше она так же стояла перед Елизаветой Максимовной, когда отвечала урок.

— Я не знаю... — тихо сказала Лина Львовна. — Мне бы хотелось... пусть ребята сами... пусть подумают и выберут. Мне кажется, им даже думать лень. Они привыкли, что им подсказывают. Ну и...

— Кто же им, по вашему мнению, подсказывает? — спросила Елизавета Максимовна.

— Ну... я... и другие...

— Хорошо, — спокойно сказала Елизавета Максимовна. — Но давайте об этом мы с вами поговорим после собрания. И без посторонних.

— Они не посторонние... — едва слышно сказала Лина Львовна.

В классе было так тихо, что если бы Лина Львовна не сказала, а только подумала, мы бы и то, наверное, услышали. Ребята прямо замерли на местах. А мне даже показалось, что Елизавета Максимовна сейчас выгонит Лину Львовну из класса. Но Елизавета Максимовна сделала вид, что не расслышала. Я сижу на второй парте, и мне было видно, что она изо всех сил старается показать, будто ничего не случилось. Только ничего у нее не вышло. Я сразу понял, что она злится. Потому что она сначала стала поправлять прическу, а у нее прическа и так всегда гладкая — ни один волосок в сторону не торчит. Потом она полистала журнал. А журнал листать нечего — это ведь не урок. Я по себе знаю: если тебе нужно сдерживаться, то обязательно или нос зачесется, или кашлять захочется и вообще начинаешь без толку руками возить. Но Елизавета Максимовна все-таки сдержалась. Она даже улыбнулась чуть-чуть. Только смотрела она не на нас, а куда-то вверх, на стенку. Там у нас висит портрет Дарвина. Наверное, Дарвину она и улыбнулась.

— Ну что же, ребята, — сказала Елизавета Максимовна. — Я жду. Пора заканчивать. Нам нужно выбрать звеньевых и редактора газеты. Предлагайте кандидатуры.

Ребята сидели молча и посматривали то на Елизавету Максимовну, то на Лину Львовну. А Лина Львовна сидела рядом со мной и рисовала на бумажке звездочки. Она нарисовала восемь звездочек и стала их зачеркивать.

— Я думаю, что звеньевыми можно поставить Летицкого, Никифорову и Дутова, — сказала Елизавета Максимовна.

Ребята засмеялись и все сразу посмотрели на Вовку Дутова. Мы думали, что она шутит. Вовка Дутов — второгодник. У него тройки

пополам с двойками. Правда, он здорово в футбол играет, особенно головой. Мы его так и зовем: «Вовка — футбольная головка». Он длиннее всех в классе. И сильнее всех. Ну и что? Из-за этого звеньевым выбирать? Он даже и сам удивился, что его назвали. Надулся и запыхтел.

— Ты что-то хочешь сказать, Дутов? Ты не согласен? — спросила Елизавета Максимовна.

Дутов поднялся с места.

— Я?

— Ну конечно, ты.

— Пых... — сказал Дутов. — Пых... Согласен.

— Видишь ли, Дутов, — сказала Елизавета Максимовна. — Конечно, следовало бы подождать, пока ты исправишь свои двойки. Но... класс оказывает тебе доверие. Класс надеется, что ты изменишь свое отношение к учебе. Может быть, новые обязанности помогут тебе в этом. Как ты на это смотришь, Дутов?

— Пых... — сказал Дутов. — Я... изменю... Пых...

Все снова засмеялись. Но Елизавета Максимовна сказала, чтобы сидели тихо и не превращали собрание в забаву. Она еще сказала, что нехорошо смеяться над товарищем, а надо помочь. Как будто мало Дутову помогали! И учителя с ним сидят все время... Он сам учиться не хочет. Он говорит, что после восьмого класса его возьмут в футбольную команду мастеров.

Всем было так смешно, что уже хотели голосовать за Дутова, чтобы посмотреть, какой из него получится звеньевой. Я взглянул на Лину Львовну и увидел, что она поднимается с места. У нее было такое обиженное лицо, как будто ее ударили. Она стояла очень серьезная и очень бледная. Я испугался, что она заплачет.

— Елизавета Максимовна... — сказала Лина Львовна.

Елизавета Максимовна сразу как будто окаменела. Она сидела очень прямо и смотрела на портрет Дарвина.

— Елизавета Максимовна, — уже громче сказала Лина Львовна.

Елизавета Максимовна медленно повернулась к Лине Львовне.

— Я вас слушаю.

— Елизавета Максимовна, мне нужно с вами поговорить. Я прошу вас... давайте выйдем в учительскую.

— Выйти? — удивилась Елизавета Максимовна. — Почему такая срочность? — Она взглянула на Лину Львовну и вдруг быстро поднялась из-за стола. — Ну хорошо, идемте.

Они вышли в коридор и закрыли дверь.

Ребята сразу повскакали с мест и окружили парту Дутова. Его в классе никто не любит. У нас говорят: если Дутову голову поменять на футбольный мяч, а вместо мяча дать футболистам Вовкину голову, то ни учителя, ни футболисты не заметят разницы. Но его не любят не за то, что он глупый, а за хитрость. При учителях он — тихий-тихий. Учителя думают, что он неспособный, но зато послушный. И Дутов в классе сидит тише всех. Только он все запоминает. Не уроки, конечно, а кто что про него сказал. А после уроков подойдет и — раз кулаком или портфелем!! Да еще обязательно подкараулит, когда человек идет один. С ним один на один никто не может справиться.

Мне-то вообще неважно, кто будет звеньевым — все равно никто работы не ведет. Но уж Дутов — извините, пожалуйста!

Когда мы обступили Дутова, он завертел головой, запыхтел, а сказать ничего не может.

Тогда Вика Данилова спросила:

— Дутов, ты правда хочешь быть звеньевым?

— А твое какое дело!

— Конечно, мое дело, — сказала Вика. — Ведь я же тебя выбираю.

— Ну и выбирай.

— А я не хочу тебя выбирать.

— Сама ты дура, — сказал Дутов.

Ребята засмеялись. Только смеялись они как-то не очень весело, — как будто их нарочно заставляли смеяться.

— А я тоже не хочу! — крикнул Алик Летицкий.

— Сам дурак, — ответил Дутов.

Теперь никто не засмеялся. Это уже получалось вроде игры. Все стали говорить: «И я не хочу! И я...» Дутов сначала отвечал, а потом перестал. В общем, половина класса у нас получились дураки, а остальные — неизвестно кто.

Тогда я сказал:

— Ребята! Алё! Знаете что...

Договорить я не успел. Сзади кто-то запустил в Дутова учебником. Книжка пролетела над партой и ударила Вовку по затылку.

Дутов вскочил. Он стоял, оглядывая ребят, и никак не мог догадаться, кто это сделал. Дутов стоял и краснел. Даже затылок у него стал красный. И вдруг он схватил самого ближнего и изо всей силы рванул за гимнастерку. Гимнастерка разорвалась, а пуговицы запрыгали по полу.

Это был Гера Попов. Он самый тихий у нас в классе. Он даже не говорил ничего. Только его парта — рядом с партой Дутова, и когда ребята встали, то встал и он.

Гера испуганно посмотрел на Дутова, затем провел рукой по гимнастерке — она была разорвана до пояса. Гера наклонился и молча стал собирать пуговицы.

Я видел, что он чуть не плачет. Я знаю, что он не жадный. Ему чихать на гимнастерку. Только его дома будут за это бить — у него отец пьяница.

Ребята молча смотрели на Дутова.

Дутов пыхтел и краснел еще больше.

Гера собирал свои пуговицы.

А мне вдруг стало жарко от злости. У меня даже голос охрип. Я залез на сиденье и сказал:

— Ребята! Герка самый слабый в классе. Верно? А Дутов — самый сильный. Он всех бьет поодиночке. Давайте мы сейчас разорвем ему гимнастерку.

— Попробуй, — сказал Дутов.

— И попробую. — Я соскочил с парты и сказал Борьке: — Борька, покарауль у двери. Если Елизавета Максимовна пойдет...

— Не надо, Костя, — ответил Борька. — Сейчас придет кто-нибудь. Лучше потом.

Но я так разозлился за Геру, что мне уже ничего не было страшно. Наоборот, мне было даже как будто весело.

— Ты председатель отряда, и тебе нельзя драться, — сказал я Борьке. — Не бойся. Я тоже драться не буду. Только разорву ему гимнастерку. Ведь Елизавета Максимовна всегда говорит: никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Вот я и не буду откладывать. А ты покарауль.

Борька направился к двери.

А я подошел к Дутову.

Я протянул руку. Дутов с размаху ударил меня по голове. И тут на него бросились все ребята. Оказалось, что Дутов вовсе уж не такой большой. Его облепили со всех сторон, и никак нельзя было просунуть руку, чтобы его стукнуть. Я хотел дотянуться до гимнастерки, чтобы ее разорвать, но ничего не получилось. Получилась куча мала, а Дутов был где-то внутри. Наконец мы засунули его под парту и не выпускали оттуда, хотя он щипал нас за ноги.

— Идет! — крикнул Борька.

Все разбежались по местам.

Открылась дверь, и на пороге показалась Елизавета Максимовна. Она была одна.

Дутов ворочался под партой; он никак не мог вылезти — его за- тиснули между перекладинами.

— Что ты там делаешь, Дутов?

Дутов только пыхтел. Наконец он выбрался и весь красный, с расстегнутым воротом уселся на скамейку.

— В чем дело, Дутов?

— Пых... — сказал Дутов. — Пых... Искал... промокашку...

Мы захохотали так, что с потолка даже мел посыпался.

— Сидите тише и не превращайте собрание в забаву, — ска- зала Елизавета Максимовна. — А ты, Дутов? .. Нечего сказать, хорош звеньевой.

— Я не буду... пых... звеньевым...

— Почему не будешь?

Дутов устался в парту и запыхтел еще сильнее.

— Что здесь произошло? Староста!

Встала Вика Данилова.

— Ничего, Елизавета Максимовна. Мы сидели и ждали.

— Таланов?

Встал Борька.

— Ничего, Елизавета Максимовна. Мы просто... сидели.

— Дутов?

Встал Дутов. Он краснел и пыхтел. И... молчал.

— Я жду, Дутов.

Дутов прямо завертелся на месте, так ему хотелось сказать. Ведь если он не скажет, то получится, что он непослушный. А если он пло- хо учится да еще и непослушный, так его вообще из школы выгонят.

— Пых... — сказал Дутов. — Промокашка... Упала... Я больше не буду, Елизавета Максимовна.

— Что не будешь?

— Пых... — сказал Дутов. — Вот... промокашка...

— Садись, — сказал Елизавета Максимовна.

Дутов сел и стал вытирать лицо рукавом.

— Может быть, у кого-нибудь все же хватит мужества сказать, что случилось? — спросила Елизавета Максимовна. — Или вы пионе- ры только по названию?

Когда она начала говорить про мужество, я не вытерпел.

— Елизавета Максимовна, — сказал я.

— Помолчи, Шмель. Я уже устала от твоих глупостей.

— А вы послушайте. Может, и не глупости.

— Что-то не верится, — сказала Елизавета Максимовна. — Ну, говори.

— Я и говорю. Ничего не случилось. Просто мы не хотим выби- рать Дутова звеньевым.

— Почему?

— Потому... не знаю... Он нам не нравится.

— Это интересно, — медленно проговорила Елизавета Максимов- на. — Это что-то новое, Шмель. Я не знаю, сам ты это придумал или... Впрочем, это неважно. — Елизавета Максимовна села за стол, помол-

чала. Затем она взглянула на меня и даже улыбнулась. Чуть-чуть. Так, будто ее дернули ниточками за губы и сразу отпустили. — Ну, а если, например, вам не понравится вожатый? Вы тоже будете против?

— Конечно, — сказал я. — Если не нравится... так чего же?..

— Это тем более интересно. — Елизавета Максимовна говорила будто по радио: очень ясно, каждую букровку было слышно. — Ну, а если вам не понравится старший вожатый?

Я не понимал, чего она хочет. Да хоть тридцать раз старший. Если не нравится, значит, не нравится. Если бы я один... Ведь все против Дутова. А когда все против, — это же случайно не бывает. Значит, — сам виноват.

Я сказал:

— Ну и пускай старший. Если плохой... Только мы ведь их не выбираем. Мы звеньевых выбираем.

— Достаточно, Шмель, — сказала Елизавета Максимовна. — Мы еще к этому вернемся. Итак, ребята. — Елизавета Максимовна поднялась с места. — У нас было три кандидатуры: Никифорова, Летицкий, Дутов. Давайте голосовать. Кто за Никифорову?

Все подняли руки.

— Кто за Летицкого?

Опять все подняли руки.

— Кто за Дутова?

Никто даже не шевельнулся.

— Кто против Дутова?

Все подняли руки, как один. Даже Дутов.

— Ну что же, — сказала Елизавета Максимовна и взглянула на меня. — Давайте на сегодня закончим. Я подумаю, кто может быть третьим звеньевым. И вы подумайте. В следующий раз обсудим. До свиданья.

Елизавета Максимовна повернулась и торопливо пошла к двери. По дороге она еще раз взглянула на меня. И опять как-то странно, будто я не человек, а какое-нибудь растение. Тропическое.

Ребята бросились к выходу. Всем уже надоело сидеть в классе. А я еще немножко посидел. Мне хотелось понять, почему Елизавета Максимовна все спрашивала про вожатых. Но я так и не догадался. Собрал свои тетради в портфель и вышел.

Когда я проходил мимо пионерской комнаты, мне показалось, что там кто-то поет. Тонким таким голосом. Пропоеет несколько слов, замолчит, опять запоет. Я открыл дверь и заглянул.

За столом, положив голову на руки, сидела Лина Львовна. Она не пела. Это мне из-за двери показалось, что пела. Она плакала. У нее даже слезы текли. Я смотрел на нее и не знал, что сказать. Мне всегда жалко, если плачут взрослые.

А она заметила меня и сказала:

— Иди, Костя... пожалуйста... Зайди после... — И она снова заплакала.

Я закрыл дверь и выбежал на улицу.

Во дворе были почти все ребята. Они по дороге вспомнили, что когда выбирали Летицкого, то даже забыли спросить, какого Летицкого — Мишку или Алика.

— Да все равно, они ведь близнецы, — сказал я. — Пусть будут звеньевыми по очереди. Никто и не заметит.

— Ты, Шмель, можешь не острить, — сказал Мишка Летицкий.

— Извини, Алик, больше не буду, — нарочно ответил я.

— Я вот тебе сейчас дам за Алика, — сказал Мишка.

— А ты разве Мишка? — спросил я.

— А ты сам не видишь!

— Не вижу, — сказал я. — Я думал, ты — Алик. Ребята! А знаете! Лина Львовна. . .

Я хотел сказать, что видел сейчас, как Лина Львовна плачет, и не сказал. Сам не знаю почему. Я повернулся и побежал в школу. У пионерской комнаты я снова услышал, как плачет Лина Львовна. Тогда я вырвал из тетради листок бумаги и написал на нем:

*В е р а А р к а д ъ е в н а,
зайдите срочно в пионерскую комнату.
Н е и з в е с т н ы й*

Затем я положил листок у двери завуча, постучал и спрятался за углом. Я видел, как Вера Аркадьевна подняла листок, посмотрела, пожалала плечами и пошла в пионерскую комнату.

Когда я вернулся к ребятам, они уже выбрали Алика. Делать было нечего, но ребята почему-то не расходились. Все начали вспоминать, как не выбрали Дутова. Мне тоже нравилось, что его не выбрали. Тут дело даже не в Дутове. А в том, что мы все делали вместе. Вместе засунули его под парту — теперь пусть попробует кого-нибудь тронуть. А потом вместе его не выбрали.

Это у нас первый раз, честное слово.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Костя стоял у окна и смотрел вниз, на штабеля дров, засыпанные снегом. Сверху двор выглядел как город: дома — поленницы и между ними — улицы, покрытые только выпавшим чистым снегом. По одной из улиц пробежала кошка, и на снегу остались четкие отпечатки лап. «Можно выследить, — подумал Костя. — Если бы у меня была собака, я бы пустил ее по следу, и они бы подрались».

Мысль о собаке, идущей по следу, натолкнула Костю на другую мысль. Он подошел к столу и полистал книгу «Щупальца осьминога». Хорошая книга, в зеленой обложке, очень толстая. Там описано, как один шпион. . .

Зазвонил телефон на столике.

— Подойди, — сказала Зинаида. — Если меня, то нет дома.

— Почему нет, когда ты дома? — сказал Костя.

— Костенька, у меня послезавтра зачет, — взмолилась Зинаида.

Телефон все звонил.

— А будешь на меня маме жаловаться?

— Не буду, не буду, — нервно сказала Зинаида.

Костя снял трубку.

— Алло! Зину? — Костя искоса взглянул на Зинаиду и ухмыльнулся. — Сейчас посмотрю.

— Ты что, с ума сошел? — прошептала Зинаида.

— А ты сначала объясни. Ну чего ж ты молчишь? Смотри, а то позову. Сама всегда говоришь: Костя да Костя... Врать нечестно!.. А сама — честно?

— Господи! Ну ладно, нечестно! — простонала Зинаида, прикрывая рукой рот.

— Сознаёшься?

— Сознаюсь.

— Так ты запомни, — прошептал Костя. — Алло! Вы слушаете? Зинаиды нет дома.

Едва сияющий Костя повесил трубку, Зинаида бросилась к нему. Костя, хохоча, нырнул под стол и вылез с другой стороны. Зинаида обежала кругом, а Костя — снова под стол.

— Чертежи опрокинешь! — крикнула Зинаида.

— А ты не ври! — отозвался из-под стола Костя. — Вам можно, а мне нет, да?

— Ты со мной не сравнивай, тебе еще до меня учиться и учиться.

— У тебя научишься, — ответил Костя.

Спорить с Костей было бесполезно. Зинаида знала — у него всегда в запасе тысяча слов: только папа мог его унять. Но папа далеко, он на льдине. Зинаида вздохнула.

— Вылезай, не трою.

— Дай слово!

— Даю.

— Дай честное комсомольское.

— Честное комсомольское. Пластырь! Липучка! Зануда!

— Студентка-лаборантка-врунья, — немедленно отозвался Костя, вылезая из-под стола.

Нет, соревноваться с Костей было бесполезно. Зинаида снова вздохнула и взялась за чертеж. Костя уселся на диван и принялся вспоминать, о чем он только что думал. Это было что-то очень важное. Следы на снегу... Собака... «Щупальца осьминога»... Вспомнил!

Костя побежал к телефону и набрал номер. После короткого разговора он схватил пальто и устремился к двери.

— Куда? — крикнула Зинаида. — Поешь сначала.

Но Костины каблуки грохотали уже где-то на третьем этаже.

На втором этаже Костя позвонил. Дверь открыл Борис.

— Здорово! — сказал Костя.

— Тихо ты, — прошептал Борис.

— Чего тихо?

— Указатель велел не шуметь. Он пишет чего-то.

Указатель — подполковник в отставке и Борькин сосед — состоял в домовой комиссии. Он наблюдал за порядком и ругался с дворниками. В остальное время он писал стихи для детей. Эти стихи не печатали. Их возвращали Указателю в конвертах со штампами: «Ком-

сомольская правда», «Мурзилка», «Пионерская правда», «Костер», «Пионер», и за это Указателя в доме уважали и побаивались.

— Подумаешь, Указатель... — сказал Костя. — Идем во двор.

— Некогда.

— Всегда тебе некогда!

— Я приемник собираю, — сказал Борис.

— Всегда ты приемник собираешь. Не видал я твоих приемников! Какой приемник? Покажи.

Борис повел Костю в комнату. На столе, покрытом газетой, лежали какие-то детальки, проволочки, кусочки олова. Рядом на проволочных козлах дымился электропаяльник.

— А где приемник? — спросил Костя.

Борис засмеялся.

— На столе.

Костя еще раз внимательно оглядел стол, но не увидел ничего, похожего на приемник.

— Да вот же! — Борис показал на маленькую дощечку, на которой были прикреплены белые и красные проводки и какие-то маленькие детальки.

— А-а, — протянул Костя. — А я думал, что это телевизор. «Знамя» или «Рубин».

— Честное слово, приемник, — сказал Борис. — Он на полупроводниках, потому и маленький. Его можно в карман засунуть и слушать.

— Врешь, — вяло сказал Костя. Он понимал, что Борис не врет; он слышал уже о таких приемниках, они действительно помещаются в кармане. Можно на уроке слушать: трансляцию со стадиона или — если зададут на дом стихотворение, а его передают по радио... Слушай и повторяй за артистом. Костя давно мечтал о таком приемнике. А Борис вот взял и сделал. Костя даже чуть-чуть обиделся.

— Хочешь, я потом тебе сделаю? — предложил Борис.

— Я и сам сделаю, — презрительно сказал Костя. — Сто штук! Один выберу самый лучший. А остальные выброшу.

Борис опять засмеялся. Он ничего не говорил, а только смеялся. И Костя, который никогда не терялся, сейчас не знал, что сказать. Уж лучше бы Борис спорил. Но Борис не спорил — все было ясно. Костя стоял и придумывал какие-то самые остроумные слова, которые должны были уничтожить Бориса, несмотря на его приемник.

В это время отворилась дверь и в комнату заглянул Указатель.

— Что тут за веселье? — строго спросил он. — Почему шум на всю квартиру?

Ох, и не вовремя появился Указатель! На свою голову открыл он дверь в Борькину комнату. У Кости даже мурашки по спине пробежали от удовольствия. Он знал свои права.

— А разве нельзя смеяться? — вежливо спросил Костя.

Борис подозрительно взглянул на Костю. Он не доверял Костиной вежливости, а с Указателем лучше не связываться.

— В общем, так, — сказал Указатель, — прекратить смех. Вы мешаете мне работать.

Костя думал недолго. Он очень не любил Указателя.

— Ха-ха-ха, — четко произнес Костя, глядя прямо в глаза Указателю. — Это я смеюсь, — пояснил он. — Очень тихо. Так можно?

Лицо Указателя налилось свекольным цветом.

— Как твоя фамилия? — грозно спросил он.

Костя зачем-то обошел вокруг стола и снова устался на Указателя.

— Извините, пожалуйста, я буду смеяться еще тише, — прошептал он. — Ха-ха-ха...

Глаза Указателя округлились. Он открыл рот и закрыл глаза. Затем голова его исчезла. В коридоре послышался скрежет телефонной вертушки.

— В милицию звонит, — прошептал Борис. — Он всегда ругается, если кто-нибудь шумит. Даже если мимо ходят... Он какие-то стихи пишет. Давай уйдем лучше.

— Испугался я милиции, — сказал Костя, подвигаясь к двери.

Через минуту ребята уже стояли внизу.

— А мне всего чуть-чуть осталось, — огорченно сказал Борис. — Полчасика попать — и все. Теперь он маме будет жаловаться.

— Ну и пускай; не знает она его, что ли! — отозвался Костя. — Идем, будешь у нас радистом.

— У кого у вас?

— Узнаешь.

Во дворе между штабелями дров уныло слонялись Мишка и Алик.

— Чего ты так долго? — спросил Алик.

— Меня в милицию чуть не забрали, — ответил Костя. — Давайте скорее. Кто будет лейтенантом?

— Я! — крикнул Мишка.

— Ты уже был в прошлый раз, — возразил Алик. — Костя, пусть он лучше будет майором.

— Правда, Мишка, — сказал Костя. — Давай майором. Все равно лейтенанта в середине ранят. А майор все-таки главный.

Мишка для виду поупирался немного, но согласился на майора.

Борька знал азбуку Морзе, и поэтому само собой выходило, что его нужно назначить резидентом вражеской разведки. Он должен был передавать по радио всякие сведения и вербовать новых агентов.

— А как это делать? — спросил Борька.

Борька был малообразованным человеком — он не читал книжек про шпионов.

Славные книжечки в зеленых и голубых обложках! Их читают до и после уроков. Иногда — во время уроков. А чаще всего — вместо уроков. А Борька читал рассказы Аркадия Гайдара и Джека Лондона. «Тома Сойера» он прочел восемь раз. Ничего не поделаешь, — такой уж чудак Борис Таланов. Он даже не знал толком, как закапывать парашюты, каким способом при случае можно отравить знакомого, как пользоваться для шифровки донесений стихами Лермонтова, как обезвредить бомбу за пять секунд до взрыва, куда должен целиться шпион, чтобы не убить, а только легко ранить лейтенанта госбезопасности (лейтенант должен продолжать погоню), как... Впрочем, нам следует остановиться, перечислять можно без конца. А у

Кости и без Бориса достаточно трудностей. Попробуйте сделать, чтобы все было по-настоящему, как в книге, если у вас всего трое помощников.

Где взять молодую красивую шпионку? (Эх, Лина Львовна! Вот ее бы сюда.)

Откуда на дровяном дворе возьмется колхозный сторож Карим Умаров? (Он же — Вернер фон Штраух, он же — мистер Глэн Поуз, он же — сэр Арчибалд Дуглас.)

А инженер, который должен влюбиться в шпионку?

А бандит-уголовник?..

А запутавшийся шофер, который развозит агентов на машине директора одного из крупных заводов?

Нет, людей не хватало. Костя понимал, что у них получается не совсем как в книге. Пропадали лучшие страницы. В особенности плохо было без красивой шпионки. Поэтому, как всегда перед началом, Костя был озабочен. На вопрос Бориса-резидента он ответил:

— Ничего тебе делать не нужно. Будешь говорить: «Помните, у нас длинные руки» — раз! «Он слишком много знал» — два! Понял? Еще будешь стучать на ключе — какие-нибудь цифры. Шифр. Понял?

— Понял, — согласился Борис. — Только неинтересно.

— Поинтереснее, чем твои проволочки.

Костя залез на поленницу. Там он постоял немного и спрыгнул вниз. На снегу отпечатались следы его галош. Теперь это были уже следы вражеского агента.

Борис и Алик (пограничники) бросились к Косте. Они навалились на него, выворачивая руки.

— Пустите! С ума сошли! — зашипел Костя. — Нельзя сразу. Я же еще только на границе.

«Пограничники» расступились. Костя сердито посмотрел на них и вдруг, что-то вспомнив, бросился к ближайшей парадной. Скоро он вернулся с большой метлой.

— Отвернитесь.

«Пограничники» послушно отвернулись. Костя бесшумно прошел между ними, замечая следы метлой, и скрылся за одной из поленниц. Можно было начинать.

— Следы, — сказал Мишка.

— Следы, — согласился Алик.

— Интересно, чьи же это следы?

— Правда, интересно, — подтвердил Алик.

Мишка встал на четвереньки и понюхал снег.

— Посыпано каким-то порошком, — сказал Мишка. — Собака потеряла чутье. Звоните на заставу.

— Есть звонить на заставу! — отозвался Алик.

Алик приложил кулак к уху:

— Алло! Квадрат 47. Какой-то неизвестный человек с неизвестной целью перешел границу.

— А мне что делать? — спросил Борис, у которого начали мерзнуть ноги.

— А ты молчи, ты уже в тылу, — сказал Мишка и тоже приложил руку к уху. — Вас понял. Продолжайте наблюдение. Докладываю генералу. — Мишка крутнул воображаемый диск. — Алло!

Товарищ генерал! Докладывает майор Летицкий... — Внезапно Мишка опустил руку и заорал: — Про генерала забыли, кому звонить?

Из-за поленницы выглянул рассерженный Костя. Он обвел взглядом двор. У самой стены дома, размахивая продуктовой сумкой, шла Люська — дочка дворничихи.

— Люська! Хочешь играть?

Белые Люськины брови полезли вверх. Она подумала, что ослышалась.

— В кого... играть?.. — тихо сказала она.

— С нами, будешь генералом.

— Я не умею... генералом... — прошептала Люська.

— Мишка тебе будет звонить, а ты отвечай: «Это задача со многими неизвестными».

— Со многими... неизвестная... — повторила Люська и вдруг вспомнила: — А меня мама за хлебом послала.

— Все равно не успеешь, скоро перерыв.

— Скоро перерыв... — согласилась Люська.

Костя снова скрылся в дровах.

— Алло, товарищ генерал! — повторил Мишка. — Докладывает майор Летицкий...

— Со многими... неизвестная... — отозвалась Люська.

Игра продолжалась. Теперь все шло, как по книге. Алик и Мишка носились по двору, разыскивая Костю. Алик все время рвался вперед, а майор Мишка (он любил лейтенанта как родного сына) одергивал его. Одновременно майор разговаривал на многих иностранных языках:

— Ит из э лэмп! Гив ми зэ эппл! Нина хэз э дог!¹ — орал майор, вспоминая учебник пятого класса.

Несколько раз ребята пробежали мимо сарайчика, из которого торчали Костины ноги. Но сейчас Косте нельзя было мешать, он ставил бомбу замедленного действия. Под ногами путалась счастливая Люська. Она бегала, размахивая продуктовой сумкой, и распевала: «Много неизвестна... много неизвестная». Только Борис, не зная, что ему делать, тоскливо уминал снег. Он хотел было побежать разыскивать Костю, но ребята не разрешили. Они сказали, что резидент вообще должен сидеть в подполье.

Наконец Костя свистнул. Алик и Мишка рванулись к сараю, выхватив «пистолеты». Шпион бешено отстреливался.

— Сдавайтесь! — крикнул майор.

— Сдавайся! — взвизгнула Люська.

В ответ из сарайчика вылетело полено. Оно слегка задело по ноге Люську. Люська подумала немного, села на снег и заплакала. А борьба только еще разгоралась.

«К-х-х-х, к-х-х», — слышалось из сарая.

«Та-та-та-та», — отвечал автомат лейтенанта.

Увлечшийся Костя высунулся из сарая.

— К-х, — сказал майор. — Я тебя убил. Вылезай.

Это было уже не по книге. Шпиона нельзя убивать сразу. Разгневанный Костя открыл было рот, но майор уже осознал свою ошибку.

¹ Это лампа! Дай мне яблоко! У Нины есть собака! (англ.).

— Пуля просвистела у тебя около уха! — крикнул Мишка.

Перестрелка продолжалась.

Наконец майор бросился к двери. Оттуда высунулась рука шпиона. Пистолет был направлен прямо в сердце майора. Но оба — и шпион и майор — смотрели на лейтенанта. Лейтенант, позабыв свои обязанности, продолжал строчить из автомата.

— Алик! — крикнул шпион.

Только тут лейтенант опомнился. Он бросился вперед и грудью заслонил майора.

— К-х-х.

Лейтенант со стоном опустился на снег. Майор прыгнул на шпиона. Они катались по полу сарайчика, и Мишка никак не мог одолеть Костю. Он был слабее. А Костя, ушибив ногу об угол, обиделся и не хотел сдаваться. Костя подмял под себя майора, сел на него верхом и принялся кормить снегом. Мишка извивался и выл так, что даже Люська удивилась и перестала плакать.

— Пусти! Пусти, а то узнаешь, вот дам сейчас! — кричал майор.

Но тут Костя пришел в себя. Он слез с майора и поднял руки. Помятый майор поднялся, отряхивая снег.

— Не буду я играть, — буркнул он.

— Но я же сдаюсь, Мишка! Смотри, я руки поднял. Допрашивай.

— Ит из э лэмп? — неохотно спросил Мишка.

— Нихт, — ответил Костя.

— Гив ми зэ эпл, — строго сказал Мишка.

— Нихт.

— Нина хэз э дог! — крикнул Мишка.

— Нихт, — ответил Костя. — Можете меня расстрелять, — добавил он на чистом русском языке.

Повеселевшая Люська с восторгом слушала этот волшебный разговор.

Она ничего не понимала с самого начала, и от этого все казалось ей еще интереснее. Она даже попробовала вставить: «Со многими... неизвестная». Но на нее прикрикнули.

Легко раненный лейтенант тоже принял участие в допросе. Допрашивал он почему-то на французском языке.

— Сэ си бон? — спросил лейтенант.

— Нихт, — ответил Костя.

— А где сэ си бон? — нахмурился лейтенант.

— Нихт. Не скажу, — ответил Костя.

Допрос длился не очень долго, — пока хватило иностранных слов. Теперь шпион должен был скрыться. Его следовало упустить, — так говорила книга. Алик и Мишка отошли в сторону, и Костя скрылся «в неизвестном направлении». Снова начались поиски. Ребята обшарили сарайчики, заглядывали под доски, залезали под поленицы. Шпиона не было.

Откуда-то из угла двора донесся торжествующий смех и крик Люськи:

— Вот он! Вижу, вижу, спрятался.

Алик и Мишка побежали на крик. Но только лишь затем, чтобы стукнуть Люську по шее.

Генерал не должен был принимать участия в операции. Это было не по книге.

Между тем Костя разыскивал резидента. Он должен был передать срочное донесение, а резидент словно сквозь землю провалился.

— Эй, ребята! — крикнул Костя.

— Ага, — отозвались Мишка и Алик.

— А где Борька?

— Не знаем.

Костя объявил перемирие, и все трое принялись искать резидента.

— А он домой ушел, я видела, — объявила вездесущая Люська после десятиминутных поисков.

— Чего ж ты раньше не сказала?

— Я боялась.

— Чего боялась?

— Бить будете, — честно призналась Люська.

Ребята захохотали. Кажется, Люська всерьез вообразила себя человеком. Бить такую пигалицу! Смешно. Можно, конечно, мимоходом шлепнуть по затылку. А бить... найдется кто-нибудь и постарше.

Люська не знала, почему смеются ребята. Но ей было приятно, так приятно, как никогда в жизни. Ведь все-таки ее не гнали, с ней разговаривали.

— Можно, я за него буду? — храбро спросила Люська.

Костя снисходительно усмехнулся:

— Тоже мне резидент. Может, тебя еще президентом?.. Эйзенхауэром можешь?

— Эйзенхауэр... могу. — Люська мотнула головой. Она была готова на все.

Ребята снова захохотали. Засмеялась и Люська. Она повизгивала, запрокинув голову, и даже слегка приплясывала. Она была счастлива. Вдруг Люськино лицо вытянулось. Она застыла, глядя в сторону дома.

— Что же это такое? — закричала дворничиха еще издали. — Суп на стол поставила! За хлебом послала...

Люська с надеждой взглянула на ребят: может, заступятся? Но ребята даже отодвинулись немного в сторону. Люська стояла одна — беспомощная и виноватая.

— Да ты никак и не ходила! Где ж ты была? — спросила дворничиха, выхватывая из Люськиных рук сумку.

— Я была... перерыв... — прошептала Люська.

— Да перерыв-то час назад кончился! Иди домой сейчас же, уродина! — Дворничиха грозно оглядела ребят. — Господи! вот она, метла-то, где! А я ее целый час искала. Вы зачем метлу взяли?

— Мы двор подмести хотели, — льстиво сказал Алик.

Но дворничиха хорошо знала своих жильцов.

— У-у-у, чучелы! — Метла взметнулась в воздух и опустилась на спину майора. Шпион и лейтенант не стали дожидаться своей очереди. Все трое разбежались в разные стороны.

Их легко можно было найти по следам на снегу. Но дворничиха,

очевидно, не читала зеленых книг. Она вздохнула и пошла к дому, волоча за собой Люську.

Люська не плакала.

Даже дома, получив свою порцию позатыльников, Люська молча села есть суп без хлеба. Плакать ей не хотелось. Она вспоминала, как была генералом и как чуть было не стала президентом. Это был лучший день в ее жизни.

ВЫ МЕНЯ ГУБИТЕ!

К физкультуре можно было не готовиться. С географией Костя справился. С арифметикой тоже. И только на литературу не хватило времени: проиграл в шпионы. Конечно, если подумать, то именно задание по литературе нужно было подготовить в первую очередь. Тогда можно было бы спокойно ждать Владимира Ивановича.

С Владимиром Ивановичем шутки плохи. Нет, не так... С ним шутки хороши. Или нет... Короче говоря, разговаривать он умеет не хуже Кости. Даже лучше. И разозлить его невозможно. Никогда не кричит, а все слушаются — даже странно.

Косте, например, самому было удивительно, что он слушается Владимира Ивановича. Как-то все само собой получается — не хочешь даже, а слушаешься. Так было с самого начала.

К доске Владимир Иванович вызывал редко и только ленивых. Обычно он расхаживал по классу и разговаривал, просто разговаривал. И все время задавал вопросы. Ему отвечали с места. И всегда получалось так, что неверный ответ поправляли сами ребята. А когда разгорался спор, Владимир Иванович садился за стол и слушал. Ему нравилось слушать, как ребята спорят. А в конце урока человек пять или шесть получали отметки. Обычно уроки литературы проходили шумно. Поэтому всегда можно было узнать, кто не подготовился. Они сидели тихо.

Сегодня Костя должен был сидеть тихо. Это получалось даже обидно. Не выучил, например, географию и сиди тебе тихо. Повезет — не спросят, и — все в порядке. А здесь не спросят — все равно видно, что не выучил. В общем, чем тише сидишь, тем хуже.

Перед уроком Костя полистал хрестоматию. Он читал, перескакивая со страницы на страницу. В голове у него ничего не осталось. Почему-то запомнилась только одна фраза: «Вы меня губите! — закричал Дубровский». Но зато эту фразу просто невозможно было выбить из головы. Костя помнил даже страницу — 183. И чем больше старался Костя вспомнить что-либо другое, тем назойливее лезла в голову эта фраза. Костя даже видел ее — черным по белому: «Вы меня губите!» Страница 183.

Когда Владимир Иванович вошел в класс, Костя вскочил и гром-

че всех хлопнул крышкой. Владимир Иванович отметил, кого нет на уроке. Костя громко подсказывал дежурному, хотя его не спрашивали. Вообще Костя начал суетиться с самого начала — он боялся сидеть тихо.

— Ну вот. Мы теперь уже прочли всего «Дубровского», — сказал Владимир Иванович. — Так?

— Так! — согласились ребята.

— Так! — крикнул Костя.

— Давайте поговорим об основных героях. Только, пожалуйста, сами. Кто хочет?

Лена Никифорова подняла руку.

— Я хочу про Дубровского. Он был смелый. И сильный. И никого не боялся. И... и вообще он был хороший.

— Почему ты думаешь, что он был хороший?

— Потому что он был смелый. И еще — он любил Марию Кирилловну... — Лена замолчала.

— Что ты еще знаешь о Дубровском?

— Вообще он мне понравился.

— Мне он тоже нравится, — сказал Владимир Иванович. — Только, понимаешь, когда ты говоришь о человеке, что он хороший или плохой, то этого мало. Нужно еще объяснить, почему ты так думаешь. Чтоб и другим было ясно, что он хороший. А то ведь тебе могут просто не поверить.

— Он ненавидел Троекурова, — сказал кто-то.

— За что?

— За то, что Троекуров отнял у них дом.

— Правильно, — сказал Владимир Иванович. — За это, конечно, не полюбишь. Но человека прежде всего узнают по его поступкам. Какие же поступки Дубровского говорят о том, что он смелый, сильный и, как сказала Лена, хороший?

— Он не побоялся и убил медведя, — сказала Лена.

— Верно, Владимир Иванович, он же не побоялся, — вставил Костя.

Владимир Иванович мельком взглянул на Костю. Затем он встал, прошелся по классу. Так он ходил с минуту. Пользуясь передышкой, ребята зашелестели страницами: они выискивали поступки Дубровского.

— Ну, вот что, — сказал Владимир Иванович. — Слушайте: в Кистеневку пришли фашисты. Что делает Дубровский?

Шелест страниц прекратился. Все с удивлением смотрели на Владимира Ивановича. Он сел за стол и веселыми глазами оглядел класс.

— Тогда еще фашистов не было, — неуверенно сказал кто-то.

— Не было, — согласился Владимир Иванович. — Но мы на минуту представим, что были.

— Он будет с ними сражаться, — сказала Лена.

— Пожалуй. Почему ты так думаешь?

— Потому, что он не побоялся медведя.

Но тут уже с Леной стали спорить другие ребята. Одно дело — медведь, а другое — вооруженные фашисты.

Кто-то сказал, что Дубровский Троекурова не побоялся: выгнал его, а у Троекурова было много слуг. С Троекуровым все боялись

связываться, а Дубровский не испугался. Наконец вспомнили, что сто пятьдесят солдат штурмовали укрепления Дубровского. А он, раненый, был впереди.

— А еще влюбился в Марью Кирилловну, — басом сказал Дутов. — И еще он...

Но Дутову говорить не дали: речь шла о мужестве, любовь тут ни при чем.

Постепенно выяснилось, что Дубровский был смелый и решительный человек. Теперь это стало совершенно ясно по его поступкам.

Все были согласны — Дубровский не согнетса перед фашистами и вообще перед кем угодно.

— А Шабашкин? — спросил Владимир Иванович.

— Уу-у-у... — завыл класс.

Этот гад Шабашкин стал бы, конечно, полицейским или старостой.

— Почему? — спросил Владимир Иванович

С Шабашкиным расправились в две минуты. Каждому ясно, что человек, который кланяется богатому и издевается над бедными, — человек трусливый и подлый.

Владимир Иванович больше молчал. Говорили ребята. Только Костя, которому говорить было нечего, время от времени кричал: «Верно!» — или: «Неверно!» Зато кричал он громче всех, — Костя боялся сидеть тихо.

Потом фашисты ушли из Кистеневки, и там стало спокойно. Поттише стало и в классе. Но ненадолго.

— В реке тонет человек, — сказал Владимир Иванович. — Подуваем, кто как поступит.

Через несколько минут выяснилось:

Дубровский поплывет спасать.

Троекуров пошлет слугу.

Кузнец Архип бросится в воду во всей одежде (если тонет не Шабашкин).

Шабашкин подождет, пока человек утонет, и составит протокол.

Марья Кирилловна разнервничается и заплачет.

И каждый раз Владимир Иванович спрашивал: «Почему?» И ребята старались доказать почему. Это было очень интересно — доказать. И это было не так уж трудно для тех, кто заранее прочитал повесть. Только для Кости время тянулось медленно. Он уже чуть не охрип, вставляя свои «правильно» и «неправильно». А как он старался! Он ужом вертелся на парте, вскакивал, садился, прикладывал руку к сердцу и даже погрозил кулаком Дутову, когда тот сказал про Марью Кирилловну. Но, кажется, он немного перестарался. Забывшись, он грохнул кулаком по крышке в тот момент, когда случайно в классе было тихо.

— Неправильно! — рявкнул Костя.

— Что неправильно? — спросил Владимир Иванович.

Костя ошалело заморгал глазами. Он и сам не знал, что неправильно.

— Так что же неправильно, Костя? — повторил Владимир Иванович.

Костя мучительно соображал. Он даже запыхтел, как Дутов. На секунду ему стало противно. Но только на секунду. Нужно было выкручиваться.

— Неправильно... вот это... что Дутов говорил!

— Про Марью Кирилловну?

— Ага! — обрадовался Костя. — Про Марью Кирилловну. Верно неправильно, Владимир Иванович?

— Ну, это ведь мы давно выяснили, — сказал Владимир Иванович. — А сейчас что неправильно?

— Сейчас?

— Да, сейчас. — В глазах Владимира Ивановича запрыгали веселые огоньки.

— Сейчас... А вот... — Костя напрягся, ожидая подсказки.

Но класс молчал. Все ждали, что скажет Костя. Ведь это же Костя! Никому и в голову не пришло, что ему нужно подсказывать.

— Вот это... — И тут Костя вспомнил. — Они хотели его погубить! — воскликнул он.

— Кого погубить?

— А Дубровского! — радостно сказал Костя. — Он сам кричал: «Вы меня губите!»

— Ну и что же?

— Вот и неправильно, что его хотели погубить.

Владимир Иванович улыбнулся. Косте стало нехорошо.

— Кто же хотел его погубить?

— А там... на странице сто восемьдесят три.

Ребята еще ничего не поняли. По классу пронесся шелест страниц. Все искали страницу 183. Там действительно было написано: «Вы меня погубите! — закричал Дубровский».

— Так кто же хотел его погубить? — спросил Владимир Иванович. — Эти слова он говорит Марье Кирилловне.

— Вот она и хотела.

Ребята засмеялись. Но не от восторга. Смеялись над Костей; он чувствовал это.

— Но сейчас мы говорили об Андрее Гавриловиче, — сказал Владимир Иванович.

Владимир Иванович по-прежнему улыбался. Голос у него был ровный. Казалось, он просто не понимает, что Костя не подготовился.

«Притворяется», — подумал Костя. Но отступать было некуда.

— Андрей Гаврилович тоже хотел его погубить!

Ребята захохотали.

— Эх, Костя, — сказал Владимир Иванович. — А ведь Андрей Гаврилович — отец Дубровского.

Костя насупился и сердито взглянул на Владимира Ивановича.

— Я не читал про Дубровского.

— Не успел?

— Не успел.

— Чем же ты был занят?

— А я не был занят.

— Не был занят и не успел. Непонятно.

Ребята снова задвигались, на лицах появились улыбки. Они знали Костю. А Костя знал, что в этот момент весь класс смотрит на него и ждет, что он скажет. И все же Костя задумался. Владимир Иванович — это не Владик и не Зинаида. Он разговаривает, как будто приятель. Только от таких приятелей будешь два дня в затылке чесать. Нет, лучше не связываться.

— Владимир Иванович, я не выучил, — сказал Костя. — Я же честно признался. Поставьте мне двойку — и все.

— Да мне двойки не жалко, — весело сказал Владимир Иванович, — мне тебя жалко, что ты Пушкина не читаешь.

Костя почувствовал, как Невидимка толкнул его в бок маленьким своим кулачком. «Смотри-ка, тебя жалеют», — шепнул он.

И Костя, подчиняясь Невидимке, послушно открыл рот.

— Почему это меня жалко? — сказал он. — А может, Дубровского вовсе не было. Может, его выдумали. Я, например, никакого Дубровского не видел.

— Ну, конечно, — согласился Владимир Иванович. — Индийского океана тоже нет.

— Почему это нет? Он около Индии!

— А ты его видел?

— Не видел.

— Значит, нет Индийского океана, — вздохнул Владимир Иванович. — Раз ты не видел, — нет — и все. И Австралии нет. И Африки.

Ребята засмеялись. А Невидимка уже барабанил кулаками в Костину спину и зудел: «Смелее, смелее!»

— Вы про географию не спрашивайте, — сказал Костя. — Сейчас литература.

— Но ведь литературы ты не знаешь. Как же я с тобой буду разговаривать о литературе?

— А я, может, вообще литературу не люблю. Мне не нравится литература. Вот! — выпалил Костя и втянул голову в плечи.

Костя стоял и ждал казни. Сейчас Владимир Иванович скажет: «Воц из класса». Костя даже вышел из-за парты и стал рядом, чтобы удобнее было идти к двери.

— Так, — сказал Владимир Иванович. — Ты не любишь литературы...

«Смелее, Костя! — шепнул Невидимка. — Все равно выгонит».

— Не люблю, — твердо сказал Костя и сделал один шаг к двери. — Я честно. Вы же сами говорили, что лучше неприятная правда, чем приятная ложь. Вот я и говорю правду.

Владимир Иванович, улыбаясь, смотрел на Костю. Знает Костя эти улыбочки. С такими улыбочками в два счета за дверь вылетешь. И Костя уже совсем готов был вылететь. Он даже не очень боялся, даже как будто немножко хотел, чтобы его выгнали. Все-таки — за правду.

Владимир Иванович взглянул на часы.

— Семь минут осталось, — сказал он. — Успеем. Давай, Костя, выкладывай, чего ты еще не любишь.

Костя не удивился. Он вздохнул и снова встал за парту. Такое

уже его, Костино, счастье: хочешь, чтобы выгнали, — не выгоняют, хочешь остаться, — выгонят.

Костя опять вздохнул.

— Мне не нравится, когда врут, — сказал Костя.

Владимир Иванович кивнул. Мила Орлова хихикнула, хотя пока ничего смешного не было.

— Еще мне не нравится смех без причины. Это признак дурачины, — сказал Костя, покосившись на Милу.

Теперь засмеялись несколько человек сразу. Костя приободрился.

— Мне не нравится, если я чего-нибудь не люблю. А если люблю, — пожалуйста, сколько угодно. Вот ботанику я не люблю — там цветочки всякие. Что я, буду цветочки нюхать? Или, может, духи? .. Я духи вообще терпеть не могу. А рисование еще, например, хуже духов. Рисую всякие домики или кроликов. А если я хочу лошадь нарисовать или спутник, а не кролика? Может, я сегодня кролика не могу нарисовать, у меня настроение такое. Завтра нарисую, пожалуйста, а сегодня — лошадь. Конечно, я примерно говорю: пускай не лошадь, а корову или паровоз — это все равно. А может, я совсем рисовать не люблю. Зачем тогда рисовать? Знаете, Владимир Иванович, картина такая есть, называется «Опять двойка»? Все говорят: хорошая, прекрасная. А если я хочу другую картину посмотреть, например «Опять пятерка»? Есть такая картина?

— Нет такой картины, — сказал Владимир Иванович.

— Вот видите! — обрадовался Костя. — Сами говорите, — нет. Зачем тогда мне рисование, если художники даже нарисовать не могут? Я ведь не художник.

— Не художник, — согласился Владимир Иванович. — Ну, а что ты любишь?

— Папу, — сказал Костя.

Класс дружно захохотал. Наконец-то дождались. Костя любит папу! Смех да и только.

— И маму, — подсказал Алик.

— Бабушку, — добавил Дутов и захохотал басом.

— Еще? — спросил Владимир Иванович, как будто не замечая шума.

Что-то обидное в смехе класса почудилось Косте. Папу-то он на самом деле любит. Над чем же тут смеяться? Костя обвел класс сердитым взглядом.

— Еще мороженое, — сказал он, внезапно обидевшись на Владимира Ивановича.

— Еще?

— Северное сияние! — отчеканил Костя.

— И дедушку, — снова пробасил Дутов.

— А тебя я сейчас выставлю, Дутов, — сказал Владимир Иванович. — Мы говорим серьезно. Ведь так, Костя?

— Так, — сердито отозвался Костя.

Дутов сразу же съезжился и проговорил неизвестно откуда взявшимся тонким голосом:

— Владимир Иванович, я больше не буду.

Учитель встал, прошелся вдоль доски, выжидая, пока утихнут ребята.

— Честное слово... — опять заканючил Дутов.

— Я слышу, Дутов, — сказал Владимир Иванович. — Садись, Костя. Времени осталось мало. Я постараюсь ответить на твои вопросы. Если, конечно, ты говорил то, что думал.

Владимир Иванович взглянул на Костю очень внимательно. Косте внезапно показалось, что учитель волнуется. И почему-то Косте вдруг стало неловко — не за себя, а как будто за Владимира Ивановича, который вместо того, чтобы выгнать Костю из класса, собирался отвечать на нелепые вопросы про кроликов, лошадей или несуществующую картину «Опять пятерка». Он не любил ботанику потому, что ему не нравилась Елизавета Максимовна. Он не любил рисовать — не хватало терпения. Но никто не заставлял его рисовать кроликов. Просто с кроликами получалось более складно. И картина «Опять двойка» ему нравилась. Просто «Опять пятерка» — выходило смешнее и интереснее. И Костя уже жалел, что он влез в эту историю. А еще он жалел, что не выучил литературу. Лучше было не выучить географию.

— Знаете, ребята, — сказал Владимир Иванович, — раньше у каждого человека был хвост. Правда, это были не совсем люди, они только собирались стать людьми. Тогда еще не умели разговаривать. Даже ходили на четвереньках и только изредка вставали на задние ноги. Но вот постепенно эти будущие люди стали выпрямляться. Руки у них становились все свободнее. И вот наконец кто-то из них взял в руки палку. Он повертел ее и бросил, так как не знал, что с нею делать. Потом взял палку другой, третий, сотый... А сто первый вместо того, чтобы убежать от хищника, взял и огрел его палкой по голове. Это был уже почти совсем человек, потому что у него были настоящие руки. Затем в руках появились камни и первые топоры. И вот оказалось: чем больше работали руки, тем умнее становилась голова. А чем умнее становилась голова, тем больше работы находилось рукам. И однажды чьи-то руки сделали как будто ненужную и совсем бесполезную работу — рисунок. А голова по-прежнему не давала рукам покоя. Она изобрела книги: сначала каменные, потом рукописные, наконец печатные. В книгах записывались забавные истории и научные открытия, описания путешествий и способы лечения болезней. Но главное — без книг люди быстро забыли бы, чему они научились за тысячи лет своего существования. Ведь нельзя все помнить. Без книг не было бы ни кино, ни радио, ни даже мороженого, которое так любит Костя Шмель. Ведь рецепт изготовления мороженого забыть недолго, лет двести для этого вполне хватит. Тебе, Костя, не нравится делать то, что ты не любишь. Конечно, каждый чего-то не любит. Один не любит арифметику, и для него дважды два — восемь. Другой не любит ботанику и уверен, что арбузы растут на дереве. Третий не любит читать, и поэтому у него в запасе всего пятьдесят слов, из них тридцать ругательных... Конечно, можно жить и так. Но мне всегда кажется, что у такого человека под одеждой спрятан маленький хвостик. И каждый раз, когда он отшвыривает книгу, отказывается сходить в театр или музей, хвостик вырастает еще немного. А ведь так можно идти и до того, что в руках у такого человека сперва окажется палка, а потом он станет на четвереньки...

— Ой, Владимир Иванович, — не выдержала Мила Орловская. —

Я видела один раз, как пьяные дрались! Я сразу на другую сторону перешла. Они как раз палками дрались...

Раздавшийся звонок помешал Миле досказать про пьяных. Она пошла досказывать в коридор. Костя остался в классе. Владимир Иванович, поглядывая на Костю, собирал со стола тетради.

— Владимир Иванович, вы мне лучше двойку поставьте, — мрачно сказал Костя.

— Уже поставил.

— Правда? — с надеждой спросил Костя.

— Правда. А ты чего радуешься?

— Не знаю, — вздохнул Костя. — У меня характер такой. Если меня прощают, — мне всегда обидно.

— Хорошо, — сказал Владимир Иванович. — Я тебя прощать никогда не буду.

Дверь класса приоткрылась, и в щели показалась голова Дутова.

— Извините, Владимир Иванович, — умоляющим голосом произнесла голова. Владимир Иванович махнул рукой, и голова, сделав страшные глаза, исчезла.

— А про литературу я нарочно... — сказал повеселевший Костя. — Я сам не знаю, нравится она мне или нет. Я книжки люблю читать.

— Про шпионов, — уточнил Владимир Иванович.

— Откуда вы знаете?! Вам Милка Орловская сказала! — возмутился Костя.

— Нет, не Орловская. Ты лучше объясни, что это за северное сияние.

— А я и сам не знаю, — сказал Костя. — Мне папа писал, что оно очень красивое. А раз папе нравится, мне бы тоже понравилось. А раз я знаю, что понравилось бы, то это все равно что уже нравится. Вот я и сказал. Верно, Владимир Иванович?

Учитель кивнул, и Костя вдруг подумал, что с Владимиром Ивановичем все-таки дружить лучше, чем ссориться. И еще Костя понял, что Владимир Иванович не рассердится, если его спросить о чем хочешь. А если можно спросить, то молчать будет кто угодно, только не Костя.

— Владимир Иванович, а правда, что есть планета, на которой люди сделаны из керосина?

— Возможно, — согласился Владимир Иванович.

— А из кефира люди бывают?

— Видишь ли... — Владимир Иванович задумался. — Как бы тебе объяснить?.. Допустим, так: в лесу родилась елочка...

— Что? — Костя вытаращил глаза. — Какая елочка?

— Спасибо, я уже пообедал, — вежливо сказал Владимир Иванович и, подхватив папку, вышел из класса.

Костя немножко постоял с открытым ртом, потом выбежал в коридор. Владимир Иванович был уже далеко, почти у самой учительской, возле которой его поджидал Дутов, чтобы еще раз извиниться.

ПРО ЛЫЖИ

В воскресенье мне здорово хотелось спать. У меня всегда так: если не нужно, просыпаюсь хоть в пять часов, а если нужно, — никак не встать. Зинаида разбудила меня в семь часов. Я сказал «сейчас», на минуточку закрыл глаза и сразу открыл. Но за это время прошло пятнадцать минут. Потом я еще немного поспал сидя, когда надевал ботинки. Потом — в ванной. Я открыл кран, чтобы Зинаида думала, что я умываюсь, и поспал еще минут десять.

— Какой ты счастливый! — сказала Зинаида. — Поедешь на лыжах. А мне нужно зубрить эту проклятую математику.

— Это ты счастливая, — сказал я. — Можешь спать сколько угодно.

— Не хочешь, не едзи, тебя никто не заставляет.

— А ты зубри, — ответил я. — Если она уж такая проклятая, — тебя тоже никто не заставляет. А вообще зубрить вредно. Нужно понимать. Ясно?

С Зинаидой мы поговорили еще минут десять. Мы с ней по утрам всегда ругаемся.

Мама говорит, что это вместо утренней гимнастики. И правда, мне спать расхотелось.

Когда я зашел к Борьке, они все сидели за столом и пили чай. Я сказал «здравствуйте». А Борькин отец посмотрел на меня и заулыбался.

— А за тобой милиция приходила, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Да уж знаю. Чего же это ты безобразничаешь?

— Как безобразничаю?

— Да вот сосед жаловался. Смеешься.

— А что, смеяться нельзя?

— А ты как думал! Сегодня ты смеешься, а завтра, может быть, еще петь будешь?

— Может быть, и петь буду.

— А потом тебе танцевать захочется?

— Захочется, — сказал я, — и буду танцевать. Хоть «Лебединое озеро» или там еще танго какое-нибудь.

Они все засмеялись. Борька даже чаем подавился. А Борькина мать сказала:

— Костя, откуда у тебя язык такой? Ты даже когда правду говоришь, всегда как-то поперек получается.

Я отвечаю:

— Тетя Вера, я всегда правду говорю. Вот им и не нравится.

— Кому это им?

— Всем людям.

— Здорово, — сказал Борькин отец. — Молодец. Вот за это, Костя, ты мне и нравишься. За правду. Для тебя нужно построить башню — высоченную. А ты будешь стоять наверху и говорить правду. Всем людям. Им, конечно, не понравится. Но ведь до тебя

не достать. Поневоле придется слушать. И постепенно все станут очень хорошими.

— А что же, врать нужно? — спросил я.

— Зачем врать? Только одних разговоров мало. Делать надо чего-нибудь.

— Чего делать?

— Руками делать. Головой. А не просто разговаривать. Тебе нравится, когда грязь на улице?

— Какая грязь?

— Ну, окурки, бумажки... Хлам всякий.

— Почему это мне окурки нравятся?

— Ясно — не нравятся. Но все же их бросают. Ходят и бросают. А ты, наверное, будешь ходить позади таких людей и говорить им правду: нехорошие вы, такие-сякие, зачем мусорите. А они мусорят. Но к утру улица все же чистая.

— Подумаешь, — говорю я, — дворник подмел — и все.

— Верно. Так от чего же пользы больше — от метлы или от твоей правды?

Я говорю:

— Вы это не сравнивайте. И вообще мы на поезд опоздаем. Идем, Борька.

На Финляндский вокзал мы пришли за десять минут до отхода. У четвертого вагона стояли Владимир Иванович и Лина Львовна.

— Давайте скорее полезайте, — сказал Владимир Иванович. — Сидячие места есть. Уже все наши собрались.

Я посмотрел табличку на вагоне. А там крупными буквами написано: детский. Я говорю:

— Я в детском не поеду. В другом поеду.

— Затолкают. Смотри, народу сколько.

— Пусть толкают.

— Ой, Костя, — сказала Лина Львовна, — там же все ребята едут. Не можешь ты без выдумки.

Я говорю:

— Лина Львовна, я с ребятами хоть до Владивостока поеду. Только не в детском.

— Ну и хорошо, — сказал Владимир Иванович. — Пусть потолкается. Ему полезно.

Вдруг Борька говорит:

— Я тоже с Костей поеду.

Владимир Иванович посмотрел на него и улыбнулся.

— Молодец, Таланов.

Мы залезли в соседний вагон. Мы стояли на площадке, и я уже думал, что больше никто поместиться не может. Но потом снаружи нажали, и влезли человек двадцать, все с лыжами. Потом еще нажали, и опять влезли человек двадцать. У меня в кармане было два бутерброда с колбасой. Я прямо чувствовал, что они сплющились и стали тонкими, как блин. Я и сам, наверное, стал как блин, только мне не видно было. Но тут снова нажали, и снова влезли двадцать человек. Так до самого отхода все нажимали и влезали, и я никак не мог понять, куда они помещаются.

Мы с Борькой всю дорогу молчали. Попробуйте разговаривать,

если у вас кишки выдавливают. И я все думал, почему это Борьку Владимир Иванович назвал «молодец», а меня нет. Мы же ехали в одном вагоне. В Кавголове мы вылезли.

Владимир Иванович привел нас на большую гору. Эта гора, сказал Владимир Иванович, называется «Семейная». Тут могут кататься даже бабушки и дедушки. Я заглянул вниз. Ничего себе бабушки! Гора крутая, народу много. И все едут как попало.

Первым съехал Владимир Иванович. У него лыжи тяжелые и толстые. Крепления железные. На каблуках большие пружины. На таких лыжах и я бы съехал. Владимир Иванович сказал, что они специально для гор — слаломные. А ехал он ничего, даже красиво — змейкой. Он остановился внизу и помахал палкой.

— Теперь вы давайте, ребята, — сказала Лина Львовна.

Я опять посмотрел вниз. Владимир Иванович был маленький, как букашка.

— Лина Львовна, — сказал я, — вы нам покажите пример. Потому что вы старшая пионервожатая. Вы, наверное, здорово катаетесь.

— Я? — Лина Львовна засмеялась. — Я? Здорово!

Лина Львовна оттолкнулась палками и поехала. Она проехала немножко и почему-то начала садиться. Она ехала все быстрее и все-таки сядулась. Потом — трах! Будто бомба взорвалась. Снег полетел в разные стороны, а Лины Львовны нет. Мы думали, что она провалилась. Но она сразу встала. Оказывается, ее снегом засыпало.

Тут же она поехала дальше и опять начала садиться. Мне даже смешно стало. Чего она садится? Стояла бы прямо. Наконец Лина Львовна спустилась к Владимиру Ивановичу.

Тогда поехал я.

Я здорово разогнался — даже шапка слетела. Но я стоял крепко и только на бугорках приседал. Не то что Лина Львовна! Вдруг сбоку кто-то как заорет:

— Дорогу! Дорогу!

Я посмотрел и вижу: прямо на меня летит какой-то дядька. Летит как реактивный: ноги расставил, а на коленях у него шаровары трепыхаются от ветра. Кажется, будто у него ноги дрожат со страху.

Я кричу:

— Сворачивай! Сворачивай!

А он:

— Не могу!

А я вижу — прямо на меня летит. Сейчас пырнет лыжами в бок. И вдруг у меня колени начали подгибаться. Я их выпрямить хочу, а они подгибаются. Сам не знаю почему. И я стал садиться, — не нарочно, так само получилось. Садился, садился и — трах об снег! А он своими лыжами на мои наехал. Закачался, замахал руками, но устоял. Только ногу одну задрал вместе с лыжей. Помчался дальше, вылетел на бугор, опять задрал ногу и пропал.

Куда уж он с бугра делся, — не знаю. Может, прямо в Москву помчался.

Подшли ко мне Владимир Иванович и Лина Львовна. А я лежу.

— Костя, что с тобой?

— Ничего, — отвечаю. — Тут сумасшедшие ездят. Видели, как я его чуть не сбил?

Лина Львовна сразу повеселела.

— По-моему, наоборот было.

Владимир Иванович помахал ребятам и закричал:

— Стойте, не спускайтесь.

Поднялись мы наверх. А ребята прямо стоять не могут от смеха, будто им страшно приятно, что меня чуть не убили.

— Пойдем на другую гору, — сказал Владимир Иванович. — А то здесь таких удалцов много: на лыжах — как корова на льду, а на самую крутую гору лезет. Сам разобьется и других покалечит.

Владимир Иванович привел нас на другую горку. Она была поменьше, и мы стали кататься кто как может. Владимир Иванович натыкал на склоне ветки и стал ездить между ними.

Мы с Борькой полезли на самый верх. И Вика полезла с нами. Она вообще всегда за Борькой бегаёт. А он к ней ходит уроки делать. Ко мне он редко ходит. А в классе все думают, что мы друзья. Мне, может, и на Борьку чихать. Только мне не нравится, что он к ней ходит.

Наверху стояли двое ребят. Они были совсем молодые, но с бородами. Они не катались, а просто стояли — палки под мышкой — и покуривали. Поят, пооят — перейдут шага на три и опять стоят. Лыжи у них были как у Владимира Ивановича, с пружинами. Но между ветками они не ездили. Вообще не знаю, зачем они там стояли. Правда, они немного катались, но странно как-то. Выплюнет сигарету, съедет на два шага, шикнет лыжами по снегу и остановится. А потом вернется назад и снова закуривает.

Один увидел Вику и говорит:

— Стильный ребенок.

У Вики были брюки и синий свитер. Она покраснела и ничего не сказала. А Борька надулся. Тогда он опять говорит:

— Дети, не путайтесь под ногами, не мешайте мыслить.

Я говорю:

— Мы не мешаем.

Он посмотрел на меня и выплюнул сигарету.

— Не заставляйте меня снимать мое пенсне, — сказал он. —

Я страшен в гневе.

Второй заулыбался и тоже выплюнул сигарету.

Вика потянула меня и шепнула:

— Идем, Костя, не связывайся.

Но я не хотел уходить. Мне было непоянтно, что им нужно. Что это, их гора, что ли? И Борька тоже ничего не понимал. Вообще они были какие-то, как лунатики, хоть и не пьяные.

Мы взяли за руки и съехали пониже. Только сначала я сказал этому бородатому, чтобы он лучше не стоял, а катался, а то у него борода простудится. А они даже не пошевелинулись. Так и остались наверху. Мы катались долго, часа три. Потом Владимир Иванович сделал воротки и мы стали кататься на другом склоне. На время — кто быстрее. Под конец даже Лина Львовна проехала через воротки и не упала.

Уже начало темнеть, когда мы пришли на базу. Сняли лыжи, и всем сразу захотелось есть. Владимир Иванович принес ведро кипятку и кружки. Каждому он дал по два бульонных кубика. А всю еду, какая была, сложили на столе в кучу. Любой брал и ел, что хотел. Все устали, но было очень весело. Было не так, как в городе. Почему-то все стали ужасно вежливые. Говорили: «Возьмите, пожалуйста», «Передайте, пожалуйста». А когда Лина Львовна скомандовала мыть посуду, бросились как сумасшедшие.

И я тоже побежал и вымыл два стакана. Если бы это увидела Зинаида, она бы, наверное, в обморок упала.

— А вы все-таки ничего ребята, дружные, — сказал Владимир Иванович.

Он показал на стол. Там остался лежать бутерброд с икрой.

— Чей?

— Это я принесла, — сказала Лена Никифорова.

— Что же ты не съела?

— Не знаю. Он только один был.

— А ты? А ты? — начал спрашивать Владимир Иванович по очереди.

Кто говорил, что не любит икру, кто — потому, что только один был, кто — не заметил.

— А ведь я его на самый верх положил, — сказал Владимир Иванович.

Уж не знаю почему, но всем было очень приятно, что никто не съел этот бутерброд. Мне тоже это понравилось, хотя я не могу объяснить почему.

По дороге до станции мы пели.

Только нам не повезло. Или, может, повезло! Тут не поймешь. Подошла не электричка, а какой-то старый поезд. У него вагоны маленькие и с печкой. Мы еле забрались на высокие ступеньки.

Народу было не так уж много. И тут нам повезло. То есть сначала опять не повезло, но зато потом было здорово.

Мы сидели посередине. В одном углу была печка, а в другом ехали какие-то ребята. Один из этих ребят — здоровый такой парень — протиснулся к печке и стал греть руки. Я еще, когда он мимо шел, заметил, что у него вид противный: нос маленький, а лицо круглое и жирное, как блин. Даже шел он как-то противно — бочком, приседая, и все извинялся: «Пр-р-сс-тите, пр-р-сс-тите».

Он погрел руки и вернулся к своим.

Через минуту у меня защипало в носу, и я чихнул.

— Будь здоров, — сказал Владимир Иванович и вдруг сам чихнул.

— Будьте здоровы! — ответил я и опять чихнул.

Потом начали чихать ребята и остальные, кто ехал в вагоне.

Сначала было смешно, а затем начался кашель. В горле першило страшно. Никак не откашляться. Я так кашлял, что даже пополам согнулся. И круги у меня в глазах забегали.

Рядом с нами ехали студенты с гитарой. Сначала они смеялись, а потом тоже начали кашлять. Весь вагон чихал и кашлял, и никак нельзя было остановиться. Да еще глаза здорово щипало. И никто ничего не понимал.

Вдруг один из студентов подошел к печке и закричал:

— Ребята, он перца насыпал на печку!

Только он это сказал, Лина Львовна сорвалась с места и подбежала к этому парню.

— Мерзавец! — крикнула она. — Ты не видишь, что здесь дети едут!

Эти ребята сгрудились кучкой. А Лина Львовна стояла перед ними, сжав кулаки, и кашляла. Владимир Иванович встал и подошел к ним. Мы тоже хотели подойти, но Владимир Иванович сказал, чтобы мы сидели.

— Тихо, детка, пошутить нельзя, — сказал этот, с круглой рожей.

В вагоне сразу все закричали:

— Нашел чем шутить!

— Сдать его в милицию!

— Пятнадцать суток!

Студенты закричали, что его надо из окна выбросить. Они даже подошли, чтобы выбросить. Но Владимир Иванович их остановил:

— Охота вам из-за этой мрази в тюрьму садиться. А что он мразь, это понятно, — сказал Владимир Иванович.

В этот момент подошел какой-то старичок с корзинкой. Он все еще не мог откашляться.

— Знаете, граждане... кхе-кхе... Это, конечно, хорошо, — пятнадцать суток... кхе... модно. А вот когда я был помоложе... кхе... нас за такие дела пороли. Может, его выпороть, а?

— Ура! — заорали студенты. — Выпороть! Качать деда!

Мне даже издали было видно, как побледнел этот парень.

— Граждане... — прохрипел он. — Граждане... Вы что... За такое дело... Я убив-вать буду.

Но ухватить ему не дали. Там же весь вагон собрался. Его вытащили из угла и разложили на скамейке. Ох и выл этот парень! Он даже скамейку кусал от злости. Он выгибался и дергался, как параличный. Но его человек десять держали.

Студент с гитарой взял ремень.

— Девушки, — сказал старичок. — Вы бы шли в тот конец. Мы его по голому будем. Давай, студент, по голому.

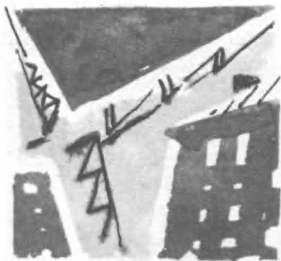
Парень опять завыл и задергался.

Лина Львовна подошла к нам. У нее даже слезы были на глазах от смеха. Только она зря отворачивалась. Мы на скамейки залезли — нам и то ничего видно не было. Его кругом обступили. Зато было слышно, как ему вlepили двадцать пять штук. Старичок сказал, что двадцать пять — норма.

Когда парня отпустили, он опять завыл и бросился на первого попавшегося. Его отшвырнули. Тогда он повернулся и, придерживая штаны, убежал в тамбур. И его дружки тоже выбежали. Больше мы их не видели.

А весь вагон хохотал до самого Ленинграда.

Мы жалели, что нас не пустили. Мы бы его не хуже студентов выпороли.

ЗЕМЛЯ — НЕБО — ЗЕМЛЯ

В тот вечер шестому «г» не хотелось расхотиться. Ребята шли по Литейному к Невскому. Их было не так уж много — один класс, но издали могло показаться, что идет целая школа. Идущие сзади перекликались с передними. Передние, не расслышав, все же отвечали, потому что сейчас было все равно — говорить, петь или просто орать. Важно, чтобы все видели, что они — лыжники и возвращаются оттуда, где прыгают с трамплина и занимают первые места в лыжных гонках.

Ребята шли по проспекту, и каждому из них казалось, что прохожие смотрят на них с удивлением и завистью, как на победителей.

А прохожие смотрели по-разному.

Некоторые еще издали обходили шумную ватагу и хмурились. В их взглядах была настороженность, а в движениях — торопливость. Эти боялись хулиганов.

Другие улыбались, но тоже обходили. Эти не хотели мешать. Они понимали, что не каждый день человеку хочется петь и орать, и, значит, на это есть своя причина.

Около улицы Некрасова у Вики развязался ремешок, скрепляющий лыжи. Она остановилась и, присев на ступени подъезда, стала завязывать ремешок. Смерзшийся, окостеневший, он был как проводочный. Вика просидела всего минуты две, но за это время класс ушел далеко. Шестой «г» был равнодушен к отставшим.

Шестой «г» стремился вперед и не заметил еще одной потери. Но Вика заметила. Она заметила и потому еще ниже наклонила голову и некоторое время усердно трудилась над уже завязанным ремешком. Сначала она сделала это просто так — неизвестно почему. Потом ей стало приятно, что Борька топчется возле нее, молчит, но не уходит. Потом ей стало смешно.

Ей было смешно, а сказала она сердито:

— Чего ты стоишь, помоги!

— Как помогать?

— Ремешок развязался.

— Давай я завяжу.

— А я и сама завяжу, — сердито ответила Вика и вдруг рассмеялась.

Борька смотрел на нее и не понимал, почему она смеется: ведь он не сказал и не сделал ничего смешного. Он просто хотел помочь. Он все делал правильно. А Вика — наоборот: она просила помочь, но не дала лыжи. Она все делала неправильно, но Борька чувствовал себя глупым и маленьким. А это очень неприятно — чувствовать себя глупым. Любой на его месте шлепнул бы Вику по затылку раза два и ушел бы с победой — в другой раз не засмеется. Но Борька не шлепнул и не ушел. Он потоптался на месте, поправил шапку и тоже засмеялся.

— Ой, не могу! — простонала Вика, вскакивая на ноги.

Вика оглядела Борьку и снова прыснула. А Борька добросовестно улыбнулся в ответ, хотя ничего смешного не видел.

Потом они притихли и пошли рядом вдоль проспекта.

Далеко впереди светился угол Невского и Литейного. Огни карабкались в небо, затем падали вниз и гасли. Другие огни гурьбой, теснясь, обгоняя друг друга, стремились через перекресток и справа и слева. Над крышами плыли красные колеса, голубые буквы. Они вспыхивали и гасли или просто светили не мигая. Сквозь пелену снегопада не было видно ни домов, ни машин, что несли этот свет. Там были только огни. И машины, обгонявшие ребят, стремились туда, словно для того, чтобы вспыхнуть и сгореть в этом фейерверке.

Всему виной был, конечно, снег. Если бы не снег, то огни карабкались бы по стенам кинотеатра «Титан», прочно стояли бы на крышах и проезжали бы через перекресток не иначе как с автомобилями. Но снег шел. Взбунтовавшиеся огни блуждали сами по себе, без людей. И Вике, когда она подумала об этом, стало вдруг легко и радостно. Вика не сразу поняла, что случилось. Почему и откуда пришла к ней эта радость? Она никак не могла вспомнить какое-то слово — очень красивое и очень знакомое. Это слово было уже на кончике языка, но ей помешал Борька, которому надоело идти молча.

— Вика, — спросил он, — ты есть хочешь? Я хочу.

— Ой, какая я дура! — прошептала Вика.

Борька с удивлением уставился на нее. Сегодня он не понимал Вику, и он, конечно, не мог догадаться, что то важное слово наконец вспомнилось. Вика, широко открыв глаза, смотрела вперед вдоль проспекта, где вспыхивали и гасли огни реклам, где шел снег и белые шары фонарей уютно, как кошки, спали на вершинах столбов. Из всего этого почему-то получалось, что она будет актрисой.

Вика подумала об этом впервые неожиданно для себя. Но уже через секунду ей казалось, что она знала это всю жизнь. А еще через секунду Вика, повернув голову, с каким-то радостным удивлением разглядывала свое отражение в темной витрине. Там за стеклом, не отставая от нее ни на шаг, шли стройная лыжница в шапке, отороченной пушистым снегом. Она смотрела на Вику внимательно и немного загадочно, и Вика ничуть бы не удивилась, если бы витрина вдруг вспыхнула, как экран, и оттуда донеслась бы музыка.

— Боря, — спросила Вика, — как ты думаешь, я на кого-нибудь похожа?

— На маму, наверное, — недоуменно ответил Борька. — Ну еще, может быть, на папу. Я его не видел. Сама, что ли, не знаешь, на кого похожа?

— Я тебя про другое спрашиваю!

— Про чего другое?

Господи, какие дураки все мальчишки! Они ничего не понимают — вот настолько не понимают. Даже Борька Таланов — лучший из их класса, который... Который вовсе не лучший! Он, наверное, самый худший. Он самый ненавистный.

Вика презрительно (как актриса) взглянула на Борьку. Другой бы умер на месте от такого взгляда. Но Борька — это Борька. Он не бил девочек по затылку и не умел умирать от взглядов. Просто он был немного растерян и не мог понять Вику.

— Про чего ты спрашиваешь? — повторил он.

Вика пнула ногой подвернувшуюся ледышку.

— Ни про чего!

— А на кого ты похожа?

Вика промолчала.

Вот теперь-то и было самое время шлепнуть ее по затылку, потому что есть вещи, которых нельзя терпеть даже от тех, кто тебе нравится. Но Борька не сделал этого. И очень хорошо, что не сделал, ибо на длинном пути до дома Борьку еще ждала награда за его терпение: награда, о которой может только мечтать мальчишка, если ему нравится какая-нибудь девочка.

Но пока что они молча стояли перед витриной «Гастронома», где в холодном голубом свете стыли деревянные колбасы, а деревянные поросята держали подносы с грудями деревянных сосисок.

— Смешные поросята, — сказал Борька.

— На тебя похожи, — отрезала Вика.

И опять Борька не стукнул Вику по затылку. Он стоял и молчал; и, пока он соображал, что бы еще сказать, Вика перешла к следующей витрине. Борька подошел и стал рядом. Ему очень хотелось придумать что-нибудь смешное, но ничего не придумывалось. Правда, он не обязан был говорить, потому что Вика тоже молчала. Но как-то уж так получилось в этот вечер, что кругом виноватым выходил Борька.

За витриной около кассы стояла толстая тетка с лотком. Она беззвучно шевелила губами — наверное, уговаривала покупать пирожки. Пирожков никто не брал. Тогда тетка запустила руку в лоток, достала пирожок и стала есть его, сердито поглядывая на покупателей.

Борька сглотнул слюну и искоса посмотрел на Вику. Лицо Вики было задумчивым и строгим.

— Вика, давай пирожков купим.

— Я не хочу, — сказала Вика голосом Снежной Королевы.

— С мясом!

Вика пожалала плечами. У нее был такой вид, словно Борька сказал ужасную глупость. И голос у нее был такой, будто она никогда не ела пирожков с мясом. Борька покраснел неизвестно почему. Может быть, если бы он знал, что Вика — актриса, он предложил бы ей шоколадный торт или килограмм халвы... Но Борька ни о чем не догадывался. Денег у него было только на три пирожка. Ему нравилась Вика и очень хотелось есть. И Борька взбунтовался. Борька закипел. В эту минуту он мог бы взорвать город или даже нагрубить милиционеру. Еще никогда в жизни Борька не чувствовал себя таким злым и решительным. Он сказал:

— Тогда я сам куплю.

И дверь магазина захлопнулась за Борькой.

Вика повернулась и пошла к Невскому. Теперь — одинокая и покинутая — она еще больше чувствовала себя актрисой. Снег оседал на ее бровях, таял, по щекам текли снежные слезы, и Вике вдруг захотелось плакать по-настоящему.

Сзади послышался топот. С пирожками в одной руке, с лыжами — в другой догонял Вику раскаявшийся Борька.

— На, ешь.

Спокойствие и презрение! Нет, — холодное спокойствие и ледяное презрение! Медленный, плавный поворот головы направо. Взгляд Снежной Королевы. И голос из страны вечного холода:

— Ешь сам.

Но Борька до сих пор не понимает, что он предлагает пирожки актрисе. Он опять добродушный и очень преданный.

— Ешь, они теплые.

От пирожков идет пар. Вика ощущает запах промасленного, чуть сыроватого теста. Оно должно быть очень мягкое и теплое. Такие пирожки нужно откусывать половинками.

— Ешь сам; чего пристал! — говорит Вика, чуть не плача.

— Я уже съел.

— Ах вот оно что! Он уже съел! — В голосе Вики снова появляются королевские интонации. — Сколько?

— Три штуки, — нахально врет Борька. — Три тебе, три мне.

— Ладно, — соглашается Вика. — Один я съем.

— Ешь все. Чтобы поровну было.

Но Вике хочется еще немного пострадать.

— В крайнем случае — еще один, — строго говорит она. — Пусть тебе будет четыре, а мне два.

— Ладно, пусть четыре, — уступает Борька.

Борькин пирожок исчезает мгновенно. А Вика ест медленно, наслаждаясь своим благородством и королевской щедростью: Борька съел четыре штуки, а она — две. Откуда ей знать, что у Борьки денег было только на три пирожка. Жуя, они пересекли Невский. И вот уже огни остались позади. Пирожки съедены. Вику снова одолевают прежние мысли. Ей хочется поговорить о своей будущей актерской жизни, но глупый Борька ничего не понимает. Когда-нибудь он пожалеет об этом. Когда-нибудь... Но Вике нужно сейчас. Вика идет и мысленно представляет себе такой разговор:

— Боря, я решила стать актрисой.

— Ой, Вика, правда?

— Конечно.

— Ой, Вика, здорово!

— Может быть, певицей...

— Ой, Вика!..

— Или лучше — в кино.

— Ой, Вика...

— Или, может быть, в театре.

— Ой, Вика, как же я?

— Ты? Ты будешь смотреть меня по телевизору, — холодно скажет Вика, и они разойдутся в разные стороны.

Так думала Вика. Наконец ей надоело разговаривать с собой, и она сообщила Борьке:

— Боря, я, наверное, буду актрисой.

— Актрисой? — спросил бесхитростный Борька. — А примут?

Вика посмотрела на Борьку сузившимися глазами.

— Кого примут?

— Тебя, — пояснил Борька. — Туда ведь только со способностями принимают.

— Уходи лучше отсюда, — сказала Вика.

Борька оторопел. Он никак не мог сообразить, что произошло с Викой. Разве он сказал что-нибудь обидное? Или, может быть, в актеры берут теперь и неспособных? Как их понять, девчонок?

И все же Борьке не хочется уходить. И по затылку бить тоже не хочется. Такой уж чудак Борис Таланов. Он идет рядом с Викой и, как нам это ни противно, пытается с ней разговаривать.

— Вика, смотри, «чайка» идет.

— Вика, Владимир Иванович здорово катается. Да?

— Вика...

А Вика молчит, как фонарный столб.

Молчание тяготит Борьку. Ему хочется разозлиться, а он не может, потому что он такой человек. Они идут вдоль забора, и Борька заглядывает в дверку. С груды кирпича смотрят на него, не мигая, два желтых огня.

— Вика! Кошка!

Вика останавливается. Кошка — это не Таланов, на кошку можно взглянуть.

Желтые огни устали на Вику.

— Киса, — ласково зовет Вика. — Кис-кис-кис... — В ее голосе столько нежности, что трудно не понять, насколько кошка милее для нее, чем Таланов. Но Борька все же не понимает.

— Хочешь, я тебе ее поймаю?

Вика пожимает плечами.

Борька взлетает на груды кирпича. Желтые огни исчезают. Борька осматривается и видит торчащий рядом рельс. Он уходит куда-то в небо. Борька задирает голову. Рельс оказывается ногой крана. Кран такой большой, что вблизи его незаметно.

— На кран полезла, — говорит Борька.

— Не остроумно, — отзывается Вика.

— Вика, я на кран полезу! — кричит Борька.

— И не остроумно, — повторяет Вика.

«Не остроумно? Прекрасно». Борька ставит ногу на лестницу и быстро взбирается на площадку, где расположена кабина. Сейчас он на уровне третьего этажа. Отсюда прекрасно видно, что делается в окнах дома на другой стороне улицы. В одной комнате ужинают под голубым абажуром, во второй — под оранжевым, в третьей — смотрят телевизор. Они не знают, что их видят. Борьке становится весело.

— Боря, слезай.

Вика стоит уже под краном. Борька смутно видит, как белеет ее лицо. Вика смотрит на него, задрав голову. Сейчас бы самое время плюнуть на нее сверху. Но Борька не любит таких штук. Ведь уже говорилось, что он человек особенный.

Перебирая руками заснеженные перекладины, он лезет все выше. Он старается смотреть только вверх и неожиданно замечает, что улица придвинулась почти вплотную. Она прямо под ногами. Борька стоит на верхней площадке, держась руками за перила, и слышит голоса прохожих. Оказывается, сверху еще лучше слышно. Во всяком случае, голос Вики доносится совершенно отчетливо.

— Боря, слезай, пожалуйста.

«Пожалуйста? Прекрасно!» Теперь — на стрелу. Здесь уже нет

лестницы. Стрела наклонно уходит в небо. Борька ползет по косым перекладинам. Ему жарко и весело. Ну что, Данилова! Смотри. Любуйся.

Рука Борьки скользит по металлу, из-под нее срывается пласт снега. Снег падает долго, долго. Борька провожает его взглядом и вдруг неожиданно сознает, что от него до земли как раз столько, сколько падал снег. И тут же с ужасом Борька всем телом ощущает, что вокруг ничего нет — ни внизу, ни сбоку, ни сверху. Он уже не может смотреть по сторонам, он боится пошевелиться. Он смотрит только вниз. А внизу, словно маятник, раскачивается маленькое пятно — Вика.

— Боря!

Борьке кажется, что Вика кричит очень громко, так громко, что он может свалиться от одного этого крика.

— Замолчи, — шепчет Борька.

И тут же начинают бить часы на башне в доме напротив. Никогда раньше Борька не слышал, чтобы они били. Бом! Бом! Все сильнее, все громче... Эти удары отдаются в голове. И Борьке кажется, что если часы не умолкнут, то сейчас все дома и кран, все вокруг начнет рушиться и падать.

— Боря, я боюсь...

Это Вика раскачивается на земле. Она плавно ходит: вперед — назад, вперед — назад. Почему она так маячит? Борька смотрит вниз, широко открыв глаза. И вдруг понимает, что Вика раскачивается вместе с землей. И это значит, что качается кран.

— Боря, я позову кого-нибудь... Боря...

«Не надо», — хочет сказать Борька и не может. Ему кажется, что если он произнесет хоть слово, то сейчас же сорвется. Но Вика и сама понимает, что не надо. И вот голос ее доносится уже с первой площадки, где кабина.

— Боря... Боря, не молчи. Почему ты молчишь?

Голос Вики теперь ближе, и это придает Борьке храбрости. Медленно он передвигает руку вдоль перекладины. Так же медленно вытягивает ногу. Теперь он на несколько сантиметров ниже. Снова рука, снова нога...

Внизу беззаботно шумит улица. Никто не видит Борьку. Никому нет до него дела. У кабины тихонько скулит Вика. Она боится лезть выше. И слезть она теперь тоже боится. Она плачет, задрвав голову, и мысленно клянется, что никогда не будет актрисой. Никогда! Лишь бы спустился Борька.

А Борька уже на верхней площадке. Стараясь не смотреть вниз, он осторожно нащупывает подошвами перекладины лестницы. На Виду сыплется снег. И вот Борька ставит ногу на нижнюю площадку. Ставит осторожно, так же, как делал это наверху.

— Ты чего?.. — говорит он дрожащим голосом. — Видишь... я же слез.

— Дурак, — всхлипывает Вика. — Идиот ненормальный... Я маме расскажу... Елизавете Максимовне... всем...

Борька и Вика спускаются вниз. Борька впереди, Вика — сзади. На твердой земле все кажется проще: часы бьют негромко, дома не раскачиваются, кран — самый обыкновенный.

Вика уже не плачет. Борька, хотя у него все еще дрожат руки, подбирает свои и Викины лыжи. Они выходят на улицу и идут рядом.

— Боря, смотри, опять «чайка», — мирно говорит Вика.

Борька улыбается и кивает головой.

— А тебе страшно было?

Борька снова кивает. Такой уж он человек.

— Очень?

— Ага.

— И мне очень.

Они идут по улице, и Вика уже не разглядывает себя в витринах. Оставим их на время. Пусть идут. Им еще долго идти вместе.

ПРО УРОК ТРУДА

Уроки труда у нас ведет Алексей Иванович. Он не учитель, а просто рабочий. Он давно на пенсии, потому что ему семьдесят два года. Но работает он больше всех — целый день в мастерской. На него если посмотреть, сразу скажешь, что он не учитель, а рабочий. И даже лучше, что он не учитель. Потому что он никогда не жалуется классному руководителю. А если кто

плохо себя ведет, он говорит:

— Уходи, пожалуйста. Не хочешь работать — уходи. Казнить я тебя не буду. Даже отметку поставлю — четверку. Только не мешай.

Но из нашего класса еще никто не ушел. Ребята его любят. Потому что он какой-то честный. Если у нас чего-нибудь не получается, он прямо переживает. Будет по два часа показывать и объяснять, пока не получится. И если там напильник сломал нечаянно или заготовку испортил, — ничего не скажет. А вот если кто лодырничает, он обижается, как маленький. Честное слово, просто по лицу видно, что обижается. Как будто он никогда лодырей не видел.

В шестом «б» он одному тоже сказал про четверку. А тот говорит: «Поставьте». Алексей Иванович взял и поставил. А тот ушел. И Алексей Иванович никому не жаловался. На другой день тот ученик снова пришел. Алексей Иванович ему сказал: «За отметкой пришел или работать?» А он говорит: «За отметкой». Алексей Иванович опять поставил четверку. Так Алексей Иванович наставил ему целую кучу четверок. Тот просто не знал, что делать с этими четверками. А ребята перестали с ним разговаривать. Тогда он говорит ребятам: «Исключайте меня из пионеров». А ребята говорят: «Мы тебя нарочно не исключим, чтобы тебе было стыдно галстук носить». Тогда он пошел к Алексею Ивановичу, попросил вычеркнуть четверки. Алексей Иванович сказал, что просто так он не вычеркнет, но может обменять каждую отметку на деталь. И тому ученику пришлось работать в два раза больше — за новые уроки и за старые. А ребята с ним не разговаривали, пока он не обменял последнюю четверку.

Они сговорились и не замечали его, как будто его вообще нет. А после того как он обменял последнюю четверку, ребята встретили его у школы и стали по очереди с ним здороваться:

— Здравствуй!

— Привет!

— С добрым утром!

Он обрадовался, что с ним разговаривают, и стал пожимать всем руки. А его спрашивают:

— Как поживаешь?

Он отвечает:

— Ничего.

Ему говорят:

— Что-то тебя давно видно не было.

Он говорит:

— Как не было? Я же каждый день в школу хожу.

А ребята говорят:

— Что-то мы не замечали, — и начали спрашивать друг друга:

— Ты видел? А ты видел? И ты не видел?

И сами отвечают:

— Я не видел.

— Не было его.

— Совсем не было.

— Начисто!

Так и говорили ему, пока он чуть не заревел. А потом каждый дал ему по одному пенделю за Алексея Ивановича, и его простили. Теперь, когда ему даже за дело четверку ставят, у него колени дрожат.

Меня Алексей Иванович зовет «форсун» — за разговоры. А Борьку — «трудыга». Он всегда нам Борькины детали показывает, как они хорошо сделаны. Борьку Алексей Иванович очень любит за его приемышки. Он говорит, что из Борьки получится настоящий механик высшего разряда. Я спросил Алексея Ивановича, что из меня получится.

— Из тебя пока неизвестно что получится.

— Вот и хорошо, — ответил я. — Из Борьки — уже все известно. Механик. А из меня неизвестно. Может быть, артист или водолаз.

— Артист из тебя уже получился. Язык у тебя хорошо работает. Вот только руки за языком не поспевают.

Мне Алексей Иванович всегда про язык говорит. Но я на него не обижаюсь. Он мне нравится. И очки у него интересные — с двойными стеклами. Одна половинка для ближнего зрения, другая для дальнего. Наверное, у него специальные очки, чтобы видеть, кто лодырничает.

Вначале по труду мы делали такие угольнички. На них полки подвешивают. Нам давали полоски железа. Их нужно было опилить напильником. Потом наметить керном, где сверлить, и просверлить дырки. А дальше уже и делать нечего — в тиски вставить и загнуть. Нам больше всего нравилось сверлить на станке. Дырочки ровные получались, как по циркулю. Только этот станок очень быстро сверлит. Возишь, возишь напильником — даже устанешь, пока заготовку опиличи. А к станку подошел — чик! — пожалуйста, четыре

дырки. И удовольствия всего на полминуты. Мне даже поэтому сверлить жалко.

Но я и так больше всех насверлил. Десять дырок я выменял у Алика за два мелкокалиберных патрона. Восемь дырок мне подарил Борька. А шестнадцать дырок я стащил у Вовки Дутова. Мне просто надоело, что он всегда жадничает. Другие сделают заготовку и бегут к станку. А Дутов не бежит. Он весь урок дырки копит. А потом подойдет к станку и наслаждается, и сияет, будто его маслом намазали. Сразу по двадцать дырок сверлит.

Я подговорил Алика, чтобы он отозвал Дутова, а сам взял Вовкины заготовки и пошел к станку. Вот насверлился! А ребята по очереди отвлекали Дутова. Эх, он разозлился тогда. Он сразу сказал, что это я сделал, хоть и не видел. Он обещал меня подкараулить после школы. Но после школы мы пошли с Борькой. А на двоих Дутов никогда не нападает.

Алику я за это отдал три своих дырки.

А Дутов теперь заготовки к тискам проволокой прикручивает, чтобы не украли.

Алексей Иванович нам все время обещал, что скоро шефы привезут токарные станки. На токарных ведь еще интереснее, чем на сверлильном. Алексей Иванович нам объяснял, как резцы устанавливать, как затачивать. На доске чертил. Только это неинтересно — на доске. Это все равно, что голодному про еду рассказывать.

Ребята давно этих станков ждали.

Один раз мы пришли на урок, а Алексей Иванович говорит:

— Урока не будет.

А сам очень довольный. И в новой рубашке. Даже галстук надел. Никогда он галстук не носил.

Мы спрашиваем:

— Алексей Иванович, у вас сегодня день рождения?

Он говорит:

— Вроде того. Станки привезли. Пошли встречать.

Девчонки завизжали и стали прыгать. Много они в станках понимают. Просто обрадовались, что на уроке визжать можно.

Мы вышли во двор, а там — грузовик. И на нем два станка. Ничего станочки, с моторами. Рядом с грузовиком стояли парни, человек десять. И еще один толстый, в сапогах с галошами. Когда мы подошли, толстый закричал:

— А вот орлы идут! Токари! А где равнение! Барабан где!

Мы думали, он кому-нибудь другому кричит, позади нас. Обернулись, а там никого нет. Это он нам кричал. А чего кричать, если мы рядом стоим.

Толстый крикнул Алексею Ивановичу:

— Это ты у них учитель? Здоров, учитель! Принимай подарочек!

— Вот уж спасибо вам, — сказал Алексей Иванович. — Давно ждали.

— Дела, учитель, дела! Без дела не сидим! У меня весь завод вот он где! — И толстый стукнул себя по шее.

Шея у него ничего, тоже толстая. Только завод на ней не поместится.

— Да еще вот эти орлы! — Толстый показал на парней. — Они еще с меня за разгрузку на пол-литра стребуют.

— С вас дождешься, — сказал один парень.

Толстый захохотал.

— Именно! Именно не дождешься! У меня — порядок!

Пока парни сгружали станки, толстый командовал. Он мне не понравился, хоть он и директор завода.

— Станочки-то не на ходу! — весело закричал директор. — Ты, учитель, не обижайся!

— Какая обида? — сказал Алексей Иванович. — Спасибо вам больше. Наладим.

— Точно! Точно, учитель! С такими-то орлами, с барабанщиками!

Пока он кричал, парни затащили станки в мастерскую. Она у нас на первом этаже. Алексей Иванович еще заранее катки приготовил, а то бы им ни за что не втащить.

— Расписывайся, учитель! — Директор протянул Алексею Ива-

новичу какую-то бумагу. — Чтобы все точно, четко! А если неграмотный, — ставь крест вместо подписи! — И он захохотал.

Алексей Иванович расписался. Парни сели в кузов, а директор — в кабину. Он еще и в кабине что-то кричал, но мы уже ничего не слышали из-за мотора.

Грузовик уехал.

— Ну, ребятки, пойдём, — сказал Алексей Иванович. — Будете теперь вы токари.

Мы пришли в мастерскую. Алексей Иванович походил вокруг станков, погладил их. Потом покрутил рукоятки. Чем больше Алексей Иванович крутил, тем больше хмурился. Затем он постелил на пол рогожку, лег на спину и начал высматривать что-то снизу.

— Чего вы смотрите, Алексей Иванович? — спросил Борька.

— Ничего, ничего... Погоди.

— Ой, Алексей Иванович, давайте скорее работать! — завизжала Мила Орловская. — У меня даже ладони чешутся.

— Не визжи! — сказал я Миле. — Не мешай Алексею Ивановичу. Работать еще тебе надо! Сама не знаешь, с какого бока к станку подойти. А если у тебя ладони чешутся, возьми и почеси. Вон, распилим.

— А ты знаешь, с какого боку! Ты знаешь! — затараторила Милка.

— Я-то не знаю. Зато я и не визжу.

В это время Алексей Иванович вылез из-под станка.

— Да, ребятки, — сказал он. — Тут не визжать надо, а плакать.

— Почему?

— Этим станкам на свалке место, а не в мастерской.

Алексей Иванович сел на табуретку и закурил. Мы никогда не видели, чтобы он курил в мастерской. И вид у него был очень растерянный. Он даже сразу стал какой-то старый, будто ему не семьдесят два года, а сто или больше.

— Алексей Иванович, как же теперь? — спросил я.

— А никак, — сказал Алексей Иванович. — Будешь сверлить дырки. Ты же любишь дырки сверлить. Это шефы называются! Известно даже. Тьфу!

— Может, все-таки включить, попробовать?

— Эти станки из-за угла включать надо, — махнул рукой Алексей Иванович. — С ними рядом стоять опасно.

В это время раздался звонок, мы пошли в свой класс. Ребята прямо расстроились. Ведь все думали, что мы первые на этих станках поработаем. А я разозлился на толстого директора. Я шел и думал, что бы я с ним сделал, если бы разрешили. Сначала я подучил бы Борькиного братишку, чтобы тот на него плюнул. Потом посадил бы его на пятнадцать суток... Больше я ничего придумать не успел — мы встретили Владимира Ивановича.

— Вот, Владимир Иванович, это шефы называются! — сказал я.

— А что такое?

— Станочки привезли — их только из-за угла запускать.

— Неисправные?

— Им на свалке место! — завизжала Милка Орловская.

— Плохо дело, — сказал Владимир Иванович. — Я помню, вы мне давно про эти станки говорили. И Алексей Иванович их все ждал. Чего ж теперь делать будем?

— Про них надо в суд написать, чтобы их всех уволили! — сказал я.

— Кого всех?

— Шефов.

— Так уж и всех, — засмеялся Владимир Иванович.

— А чего они! — сказал я. — Они, может, нарочно. Может, они вредители.

— Эх, Костя, — сказал Владимир Иванович, — тебя бы прокурором поставить.

— А чего? — говорю. — Этот директор точно вредитель. Он кричал все время. И про барабаны что-то говорил.

— Ладно, ребята, — сказал Владимир Иванович. — Суд, вредители — это все хорошо. Только вам ведь станки нужны. Вот вы и боритесь за то, чтобы они у вас появились. Попробуйте без суда.

— Владимир Иванович, — сказал Борька, — но ведь мы же сами станки сделать не можем.

— Верно. Зато многое другое можете.

— Что другое?

— Подумайте сами. Ладно? Даю вам неделю сроку. Вы же большие. Вместе подумайте. Не может быть, чтобы сорок пионеров с таким пустяком не справились. Ведь это же пустяк!

— Ничего себе пустяк, — сказал я. — Вы, наверно, чего-то про этих шефов знаете.

— Может, и знаю, — сказал Владимир Иванович. — Но вы все же подумайте. Сами.

После уроков мы остались и думали часа два, но в тот день ничего не придумали.

ПРО КОШКУ И МЫШКУ

Утром я сказал Зинаиде:

— А нам вчера два станка привезли.

— Ну и хорошо, — ответила Зинаида. Она одной рукой держала ложку, а другой листала учебник.

— Их только из-за угла включать, — сказал я.

— Ага, — отозвалась Зинаида.

— Ты лучше не агакай, ты лучше придумай, чего делать.

— Что делать?

— Чтобы нам их на хорошие обменяли.

Зинаида перевернула страницу и ничего не ответила. Мне надоело, что она не слушает. Сама же всегда говорит, чтобы я советовался со старшими. А я даже не советовался, очень нужно

мне с ней советоваться. Я просто спросил. Потому что сам ничего придумать не мог.

— Я, может, тебя первый раз в жизни спросил. И последний. Это ты учти, — сказал я.

— Отстань, Костя. У меня экзамены на носу.

Я говорю:

— Покажи нос. Никаких экзаменов на нем нет. Очки есть, а экзаменов нет.

— Господи! — простонала Зинаида. — Когда же мама придет?

Я говорю:

— Правильно. Вот мама придет, я ей все расскажу: что ты мне ни разу посоветовать не хотела; и что ты за едой читаешь...

Зинаида уставилась в книжку, а на меня даже не смотрит.

— От этого еда плохо переваривается, — сказал я. — Ведь ты же сама говорила, что плохо.

А Зинаида на меня внимания не обращает.

— К экзаменам надо готовиться в течение всего года, а не в последний день. Ты же сама говорила...

Зинаида молчит.

— И не горбись за столом. Будешь ходить с искривленным позвоночником.

В общем, я повторил Зинаиде все, что она мне раньше говорила.

Она всегда меня учит, как что делать. А Зинаида молчала. Это она решила от меня отмолчаться. Она знает, что мне неинтересно, если не отвечают.

Тогда я сказал:

— Все равно будешь со мной разговаривать.

А Зинаида — ни слова.

Я надел пальто и говорю:

— У меня вот уроки не выучены, а я гулять пойду.

А Зинаида — даже не оборачивается.

Тогда я спустился по лестнице и снизу позвонил из автомата.

— Алло!

— Алло! Я слушаю, — ответила Зинаида.

— Это Костя, — сказал я. — Видишь, вот ты со мной и разговариваешь.

В трубке сразу запищали короткие гудки. Но это уже неважно. Все-таки она сказала мне три слова: «алло», «я» и «слушаю». Вот, наверное, сейчас злится. Зато в другой раз будет разговаривать. Я ведь ее по делу хотел спросить. А про уроки я нарочно сказал. Я их еще вчера выучил.

Только я вышел на улицу, как около кино увидел Борьку. Он стоял в очереди у телефона. Зачем ему из будки звонить? У нас же в парадной есть автомат. Я хотел подойти и спросить. Но потом я подумал, что спрашивать неинтересно. Борька сразу скажет. Он всегда отвечает, если его спрашивают. Лучше я сам узнаю. Так, чтоб он не заметил.

Я подождал, пока Борька войдет в будку, и незаметно подкрался. Сквозь стекло было плохо слышно. У меня даже в ушах закололо — так я старался расслышать.

— Алло! Это редакция газеты? — спросил Борька.

Тут Борька повернулся, и я еле успел отскочить. Больше я ничего не услышал.

А когда Борька вышел из будки, я заметил, что на другом углу его ждет Вика. Они поговорили немного и вместе пошли к Фонтанке.

Борька всегда с Викой ходит. Даже со мной меньше ходит, чем с Викой, хоть мы и живем на одной лестнице. Вместе мы редко бываем. И все из-за Вики. Староста несчастная! Невеста без места! Я ей даже сказал один раз:

— Данилова, ты что, Борькина невеста? Чего ты за ним бегаешь?

— А ты болтун, — ответила Вика, — поэтому с тобой никто из девочек дружить не хочет.

— Со мной? — сказал я Вике. — Со мной хоть тысяча девчонок дружить будут. Я, может, сам не хочу. Захочу — так будут.

— Захоти!

Рядом стояла Мила Орловская. Я ее спросил:

— Мила, будешь со мной дружить?

Мила покраснела и ничего не ответила.

Тогда я сказал Вике:

— Пожалуйста! Видишь — молчит. Молчание — знак согласия.

После уроков Мила подошла ко мне и шепотом сказала, что она будет дружить, только чтобы никто не знал.

— Почему это ты шепчешь? — спросил я.

— Чтобы не услышали, — прошептала Мила.

— А почему «чтобы никто не знал»?

— Так интереснее, — прошептала Мила.

— Кому это интереснее? — сказал я. — Вот еще! Что я с тобой буду шепотом дружить? Да я и не собирался с тобой дружить. Это я нарочно спросил. С тобой дружить, — ты еще в газету напишешь.

Мила обиделась и назвала меня грубияном. А сама, правда, в газету писала. Она написала: «Дорогая редакция! У нас в классе все интересуются, — можно ли дружить мальчику и девочке. Ответьте, пожалуйста». Ну чего тут ей отвечать? Ей что, от редакции специальное разрешение нужно? А если ей ответят «нельзя», так она дружить не будет, что ли?

Пока я думал про Милу, Борька и Вика ушли совсем далеко. Я побежал их догонять. Только я старался, чтобы они меня не заметили. Мне было интересно узнать, куда они идут.

Они перешли через Фонтанку и остановились около большого дома. На дверях была вывеска: «Редакция газеты «Ленинские искры». Тут я вспомнил, что Борька по телефону спрашивал редакцию. И у меня внутри все перевернулось от смеха. Я сразу догадался — они пришли спрашивать, можно ли им дружить или нет.

Я подождал, пока они немного пошептались, и подошел.

— Борька, ты чего тут делаешь?

— А ты чего делаешь? — спросил Борька и вдруг обрадовался. — Ты, значит, тоже догадался?

— Конечно, догадался, — сказал я. — Только ты в редакцию не ходи. Все равно тебе разрешат.

— Чего разрешат?

— Дружить с девочкой.

— С какой девочкой?

— С Даниловой. Хоть она и староста, — все равно разрешат.

Вика посмотрела на меня и сказала:

— Боря, может быть, у него температура? Смотри, какой он красный.

— Нет у него никакой температуры, — мрачно сказал Борька.

— Это у тебя температура! — сказал я Вике. — А то бы вы не спрашивали про мальчика с девочкой.

— Про кого? — спросил Борька.

— Не притворяйся, — сказал я. — Думаешь, не знаю, зачем ты пришел?

— Зачем?

— Спрашивать: можно или нет дружить мальчику и девочке.

Борька с Викой переглянулись, и вдруг Вика захохотала. У нее даже шея покраснела от смеха. Она так смеялась, что на нее прохожие оборачивались.

Я говорю Вике:

— Смейся, смейся. Только учти — у меня был один знакомый. Он от смеха лопнул.

Она еще сильнее захохотала. Я отвернулся, как будто мне до них никакого дела. Она видит, что я не смотрю, и перестала смеяться. Борька говорит:

— Пойдем с нами. Сам увидишь, зачем пришли.

— Нужно мне с вами идти!

— Зачем же ты за нами шел?

— Я не за вами шел, а по улице.

— Идем, Боря, — сказала Вика. — Все равно его не переговоришь. Он как долгоиграющая пластинка.

— Чего? — сказал я. — Какая пластинка?

— Долгоиграющая. Тридцать три оборота. До-олго играет...

Я говорю:

— Борька, дать ей за пластинку?

— Попробуй дай.

— Может, заступишься?

— А ты попробуй дай.

— За невесту заступишься?

— Дурак, — сказал Борька. — Идем, Вика.

Я стоял и думал: идти мне за ними или нет. Ведь если я пойду, то получится, что я за ними бегаяю. А если не идти, то значит, я Вики испугался. И потом, мне хотелось узнать, зачем они пришли.

Все-таки я пошел. Поднялся по лестнице. А там длинный коридор. И на всех дверях написано: «Ленинские искры».

Вдруг одна дверь открылась и оттуда вышел какой-то человек. Пока он выходил, я увидел, что в комнате сидят Борька и Вика. Я заглянул. Они сидели на диване, а рядом с ними сидел молодой парень в зеленом пиджаке. Он меня увидел.

— Ну, заходи, — сказал парень. — Не бойся.

— Я и не боюсь.

— У тебя дело есть?

— Может быть, и есть, — говорю я. — Еще не знаю.

— Ну тогда посиди. Я с ребятами закончу.

А Борька и Вика посмотрели на меня и ничего не сказали, будто меня не знают.

— Так, значит, вы ждали, ждали... — сказал парень Вике.

— Ага, — ответила Вика. — Не только мы, все ребята ждали. И Алексей Иванович тоже. А потом посмотрели, — они совсем слованные.

— Алексей Иванович сказал, что им на свалке место, — добавил Борька.

У меня сразу лоб вспотел. Значит, они не про мальчика и девочку, они про станки пришли разговаривать. А Борька мне ничего не сказал. Ну ладно, я ему припомню.

— Так что же вы теперь думаете делать? — спросил парень.

— Не знаем.

Тут я уже не мог вытерпеть. Если не знаешь, так и не ходи в редакцию. Лучше письма пиши. Про мальчика и девочку.

— Их засудить надо — вот что делать, — сказал я.

Парень повернулся ко мне.

— Кого засудить?

— Шефов.

— А ты здесь при чем? — спросил парень.

— Он из нашего класса, — сказала Вика.

— Вот оно что! — Парень засмеялся. — Значит, тебе тоже без станков плохо?

— Очень плохо, — сказал я. — Просто жить невозможно.

Они все трое засмеялись. И я тоже засмеялся, хотя мне и не хотелось с Викой смеяться. Но я просто удержаться не мог.

— Ну ладно, — сказал парень, — пошутили мы с вами, а теперь давайте думать...

В это время позади меня скрипнула дверь. Но я смотрел не на дверь, а на парня и заметил, что он сразу съезжился. Лицо у него стало обиженное, как у маленького. Я обернулся и увидел Указателя.

Сначала я испугался. Я думал, что он меня специально выслеживает, когда я в газету приду. Но Указатель на меня даже не посмотрел. Он заулыбался и протянул руку.

— Приветствую вас, Игорь Владимирович.

Игорь Владимирович сморщился, будто ему в рот клюкву положили.

— Здравствуйте.

— Рад видеть вас в добром здравии.

— Спасибо.

— Я к вам по делу. Вот, так сказать, новые плоды трудов моих. Надеюсь, на этот раз подойдут. Мне кажется, это то, что нужно.

Указатель не говорил, а прямо орал, как будто с глухим разговаривал. Игорь Владимирович даже вздрагивал.

— Ребята, — попросил Игорь Владимирович, — обождите, пожалуйста, минутку в коридоре.

Я говорю:

— Мы же первые пришли.

Это я нарочно сказал. Я мог бы хоть целый час ждать. Просто мне Указатель не нравится.

Указатель вытаращил свои глаза и спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Костя меня зовут.

— Фамилия?

Тут я совсем разозлился. Мне даже как-то обидно стало, что он меня не узнал, и я уже хотел спросить у него разрешения посмеяться. Но Игорь Владимирович тихонько мне глазами показывает на дверь: «Выйди, пожалуйста».

Тогда я говорю:

— Идем, Борька, я тебе тоже труды плодов моих покажу.

Мы вышли, но дверь я не закрыл и стал слушать, как Указатель читает свои стихи. Вот какое было стихотворение:

Жил да был мышонок Петя
В чудной клетке на окне.
Все его любили дети,
Очень нравился он мне.
Непослушный был мышонок,
Дисциплины он не знал.
Только вышел он из дверцы,
В лапы кошке он попал.
Пионерам скажем мы:
Знайте, знайте, детки,
Если хочешь долго жить,
Не вылазь из клетки.

Указатель кончил читать и сказал:

— Жду вашего суда. По-моему, тема важная и, так сказать, пионерская.

— Да... конечно... — пробормотал Игорь Владимирович. — Только вот... Я не совсем понимаю, почему вы советуете пионерам сидеть в клетке.

— Ну, Игорь Владимирович, Игорь Владимирович! Не ожидал. Разумеется, клетка — это в переносном смысле. А главная мысль — нужно быть дисциплинированным. Нельзя совершать недозволенных поступков. Разве вы против этой мысли?

— Я — за, — ответил Игорь Владимирович. — Но...

Дальше я не расслышал, потому что к нам подошел какой-то человек со значком «Ленинградская правда». Он заглянул в щелку и сразу отшатнулся. Потом он осторожно прикрыл дверь, погрозил мне пальцем и спросил:

— Давно сидит?

— Кто?

— Вон тот.

— Минут десять.

— Стихи читал?

— Ага.

— Про кого?

— Про кошку и мышку.

В это время по коридору проходил еще один, тоже со значком, только на значке было написано «Смена».

— Женья, — сказал «Ленинградская правда», — удирай, пока цел.

— А что?

«Ленинградская правда» кивнул на дверь.

— Опять пришел.

— А у тебя уже был? — спросил «Смена».

— Был. Я ему про птичку вернул, он мне про мышку оставил.

— Вот черт, — сказал «Смена». — Сейчас его из «Искр» спроводят, он ко мне придет. А я как раз уйти не могу — приемный день.

— Сочувствую, — сказал «Ленинградская правда».

И они ушли.

Я снова открыл дверь. Указатель стоял посреди комнаты и кричал:

— Вы систематически отказываетесь печатать мои стихи! Повторяю: систематически!

— Но ведь стихи-то плохие, — жалобно сказал Игорь Владимирович.

Указатель прямо завертелся на месте.

— А вы только хорошие печатаете? Вот я выписал: «У меня звонил телефон. — Кто говорит? — Слон». Это от 14 октября сего года. Что это, по-вашему! Когда вы видели, что слоны говорят по телефону? Или вот: «Когда же ты снова прийдешь к нашему ужину дюжину новых и сладких калаш!» Что это, по-вашему? Дети должны верить, что можно питаться калашами? Вы представляете, что будет, если каждый пионер съест по калаше!

Тут уже заорал Игорь Владимирович:

— Это же Чуковский! Понимаете? Чу-ков-ский!

А Указатель почему-то ответил тихо:

— Вот именно. Товарищ Чуковский пишет всякие небылицы, вы их печатаете. Вам приносят стихи о дисциплине, вы их не принимаете. Разрешите доложить, Игорь Владимирович, я буду жаловаться.

— Пожалуйста, — сказал Игорь Владимирович.

А Указатель — еще тише:

— Вплоть до Центрального Комитета...

Указатель повернулся и помчался к двери. Мы еле успели отскочить. Он выбежал из комнаты, пронесся наискосок по коридору. Там была дверь с надписью «Смена». Туда он и забежал. А мы зашли к Игорю Владимировичу.

Он сидел за столом и держался за щеку, будто у него зубы болят.

— Вам, ребята, чего?

— Это же мы, помните? Насчет станков.

— Ничего я сейчас не помню, — сердито ответил Игорь Владимирович. — Вы садитесь. Вспомним.

Мы сели, помолчали немного. Потом Борька говорит:

— А я его знаю, он в нашей квартире живет.

Игорь Владимирович даже на стуле подскочил.

— В вашей? Может быть, он тебе родственник?

Борька сразу испугался:

— Нет, не родственник! Честное слово, не родственник.

— Тебя как зовут?

— Боря.

— Слушай, Боря, — сказал Игорь Владимирович очень ласково. — А как там... вообще... Ну, как у него здоровье? Болеет часто?

— Он никогда не болеет. По утрам гимнастику делает. Он двухпудовую гирию выжимает: левой восемь раз, а правой одиннадцать.

— Ага. Значит, не болеет, — вздохнул Игорь Владимирович. — Ну ладно, пусть выжимает. . .

По-моему, взрослые хитрее всех. Я же видел, что Игорю Владимировичу прямо убить хотелось Указателя, но он при нас ругать его не стал и еще вид сделал, будто ничего не было. Это потому, что взрослый взрослого при ребятах никогда ругать не станет. Они авторитет потерять боятся. Игорь Владимирович даже сразу про станки вспомнил.

— Знаете, ребята, — сказал он. — Я вам постараюсь помочь. Даю слово. Не знаю, что выйдет, но постараюсь. Только сегодня не могу: голова у меня просто чугунная.

Наверное, он честно говорил. Потому что вид у него, правда, был как у больного. Мне даже его жалко стало. Я говорю:

— Мы в другой раз придем. Верно, Борька?

Борька головой закивал. А Вика будто ничего и не понимает:

— Игорь Владимирович, а сегодня совсем нельзя?

Девчонки, они вообще настырные. С ними много разговаривать — только хуже. Я ткнул Вику локтем в бок — сразу поняла.

— Или лучше завтра, — сказала Вика и — мне локтем в живот.

— Пожалуйста, — обрадовался Игорь Владимирович — Давайте завтра. Я вас буду ждать в это же время.

Только вышли в коридор, на другой стороне открылась дверь с табличкой «Смена». Откуда, пятясь, появился Указатель. Он крикнул кому-то в комнату:

— Вплоть до Центрального Комитета! — и пронесся мимо нас — меня даже ветром обдало.

Когда мы вышли на улицу, Вика стала говорить, что мы зря ушли и что надо было сходить к главному редактору. Она так говорила, будто она одна все понимает, а мы — вообще ноль без палочки. Я даже разозлился. И тогда я сразу придумал. Я, когда злюсь, очень быстро думаю. Я говорю:

— Данилова, Владимир Иванович станки делает?

— При чем тут Владимир Иванович?

— Вот я и говорю — ни при чем. Только мы у него помощи просили.

— Ну и что же?

— А ничего. И у Игоря Владимировича просили. Может быть, он станки делает? Ты мне лучше ответь на один вопрос: у тебя своя голова есть?

— Не умничай, Шмель.

Я говорю:

— А ты не умничаешь?

— И не думаю даже.

Тогда я говорю:

— Это потому, что тебе умничать нечем. У тебя своей головы нет. А у меня есть — вот я и умничаю. Зато я и придумал чего-то.

Борька меня просит:

— Костя, ты покорооче не можешь?

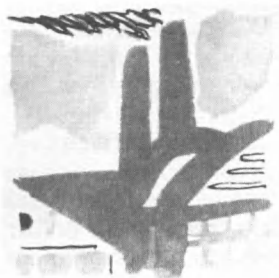
— Нет, не могу. Я когда много молчу, у меня голова болит. Ты лучше скажи: станки откуда привезли?

— Ну, с завода.

— Вот и надо на завод идти, а не в редакцию.

— Нас туда не пустят.

— А может, и пустят. Только надо всем идти. Может, этот толстый, если все придут, испугается.

ПРО ДИРЕКТОРА

Весь день на уроках я думал о толстом директоре. Я даже разговаривал с ним мысленно. Я сказал ему:

— Дайте, пожалуйста, другие станки.

А он будто бы ответил:

— Не дам.

— Вам что, жалко?

— Не твоего ума дело.

Это мне Зинаида всегда говорит: «Не твоего ума дело». Только говорит она так, когда ответить не может. Я ее спрашиваю:

— Зина, почему ты маме сказала, что в библиотеку идешь, а у самой билеты в кино?

— Не твоего ума дело.

— Нет, моего. Ты мне всегда говоришь: «Врать нехорошо. За столом чавкать некрасив». А сама врешь и чавкаешь, потому что всегда с книжкой ешь. Значит, тебе врать и чавкать хорошо, а мне — нехорошо?

— Отстань. Не твоего ума дело.

Вот и весь разговор. Как будто у нее уж такой ум большой, что она умнее всех и ей можно врать и чавкать. А на самом деле я знаю — ей просто сказать нечего. Взрослые всегда так: не любят, если за ними ребята следят. А когда их спросишь чего-нибудь неприятное, говорят: «Вырастешь — поймешь». Да еще погладят по голове, будто я им страшно понравился. А я не люблю, когда меня по голове гладят. Я не маленький и не кошка. Это кошку гладят, чтобы она мурлыкала. А я мурлыкать не умею. И вообще я не люблю, когда со мной как с маленьким говорят. У мамы с папой есть один знакомый. Он, когда меня увидит, всегда говорит:

— А-а, вот он, наш герой!

Я спрашиваю:

— Почему это я герой?

— Ну как же! — кричит он. — Конечно, герой! Ведь ты танкистом будешь?

Я говорю:

— Почему это танкистом! Даже и не думал про танкистов.

Папа мне подмигивает: «Помолчи, Костя». Я ему тоже подмигиваю: «Ладно, помолчу». А знакомый все спрашивает: про отметки

и сколько я голов забил. Уж лучше не спрашивал бы, если не знает. Я в футбол не играю, а в шайбу. Мы и летом на асфальте в шайбу играем. А он все добивается, чтобы я ему ответил про героя и когда я в космос полечу. Тогда я на кухню уйду.

Вообще с ними неинтересно разговаривать. Не со всеми, конечно. С Владимиром Ивановичем — пожалуйста, он веселый. С Алексеем Ивановичем — пожалуйста, он честный. И с Линой Львовной — она всегда слушает и не перебивает. Ей про что угодно можно рассказывать.

А толстый директор мне не понравился. Он нас орлами называл, а ведь это тоже вроде героев. Наверно, никаких станков он нам не даст.

После уроков мы с Борькой стали кричать, чтобы ребята остались.

Они сначала не хотели, но я сказал, что мы чего-то про станки знаем.

Борька вышел к доске и сказал, что у нас сегодня не собрание, а просто так. Я когда услышал, что «просто так», меня будто что-то толкнуло. Я хотел сказать: «Если просто так, то нечего оставаться». Это я по привычке. Но я сразу вспомнил, что сам уговаривал ребят остаться. И ничего не сказал. А то был бы один смех и ничего бы не вышло.

Борька сказал ребятам:

— Давайте сходим на завод. Попросим, чтобы нам хорошие станки дали. Они ведь обещали.

А ребята закричали:

— Он все равно не даст!

— Нас на завод и не пустят!

Тогда я тоже крикнул:

— А вы пробовали — пустят или не пустят?

— А ты пробовал?

— Не пробовал, — говорю я. — Значит, нужно попробовать. Нужно бороться, чтобы станки были.

— Ты языком только можешь бороться, — вставила Милка Орловская.

У меня даже голос охрип от удивления. Не оттого, что она про язык сказала, — это все говорят, — а потому, что она вообще рот раскрыла. Она только с девочками шушукается. А меня она боится. Она ведь знает, что могу ее словами заговорить хоть до смерти. И я уже хотел сказать ей про мальчика и девочку. Но тут я подумал, что опять будет один смех, а станков у нас так и не будет. И я сдержался. Наверное, я все-таки очень выдержанный. Я на нее даже не посмотрел, как будто это муха пискнула.

— Так что, — говорю, — пойдём или не пойдём?

Одни говорят «пойдем», другие — «не пойдём». Ничего не разбираешь. Все кричат, спорят между собой — дадут или не дадут. А чего тут спорить? Нужно попробовать — и всё. И вдруг я придумал.

— Алё! Ребята! — сказал я. — Если мы станки достанем, в шестом «б» все лопнут от зависти.

И сразу стало тихо.

Шестой «б» мы просто ненавидим. У нас в классе про шестой «б» даже говорить воспрещается. За это пенделей дают. Они нас все время дразнят из-за пузырьков. Главное, что мы не виноваты. Из-за этого еще обиднее.

В самом начале года мы собирали аптекарские пузырьки. Владик, наш пионервожатый, вызвал их на соревнование. А нам забыл сказать. Они набрали сто пятьдесят два, а мы всего восемь штук. Просто нам не повезло — в наших домах все какие-то здоровые, пузырьков не было. Да еще ребята не знали про соревнование — зайдут в одну-две квартиры, а больше не ходят. Я бы, если знал, в доме все лекарства вылил. У нас пузырьков штук десять. А так я даже и не ходил по квартирам. Я в шайбу играл.

А теперь они нас дразнят. Главное, они придумали, чтобы все время про пузырьки говорить. Им говори что хочешь, а они — обязательно про пузырьки.

— Ну и классик у вас, — говорят они. — Сплошные бездельники.

Мы отвечаем:

— Сами вы бездельники. У нас, например, Таланов сам приемники делает.

Они говорят:

— Это мы знаем. Приемники — конечно, хорошо. А вот как у вас с пузырьками?

Мы отвечаем:

— У нас Гера Попов — чемпион района по шахматам.

Они говорят:

— Верно. А как насчет пузырьков?

Мы отвечаем:

— У нас пять круглых отличников.

А они говорят:

— А пузырьков сколько?

Просто замучили нас с этими пузырьками. Мы понимаем, что они нарочно говорят. Они видят, как мы злимся, и говорят назло. Но мы от этого еще больше злимся. И вот когда я сказал про шестой «б», сразу стало тихо. Потом Дутов запыхтел:

— Пых... пых... Шмелю — пендель.

Дутов встал, чтобы дать мне пендель. Но его усадили на место и пригрозили, что опять под парту засунут.

И все закричали, что нужно идти на завод. Борька сказал, чтобы подняли руки, кто пойдет. Ребята подняли по две руки. И мы договорились встретиться завтра около кино в половине десятого.

Мы уже хотели уходить, и вдруг прибежал Владик.

— А я думал, вы уже ушли, — сказал он.

— Чего ж ты пришел, если думал? — спросил я.

— Это не твое дело, Шмель! — сказал Владик. — Ребята, у меня важное задание. Завтра в десять часов вы пойдете на сбор пузырьков.

Ребята прямо ахнули. У нас никто слова такого слышать не может — «пузырек». Я сначала даже подумал, что Владик нарочно говорит.

— У тебя важное задание? — спросил я Владика.

— Ну да, важное.

— Чтобы мы пузырьки собирали?

— Ну да. Тебе, Шмель, непонятно?

— Непонятно. Задание у тебя, а мы собирать будем. Вот ты сам и собирай.

— Ты, Шмель, брось эти штучки, — сказал Владик. — Это пионерское поручение.

— А ты пойдешь?

— Я не могу, ребята. У меня завтра соревнование — за честь школы.

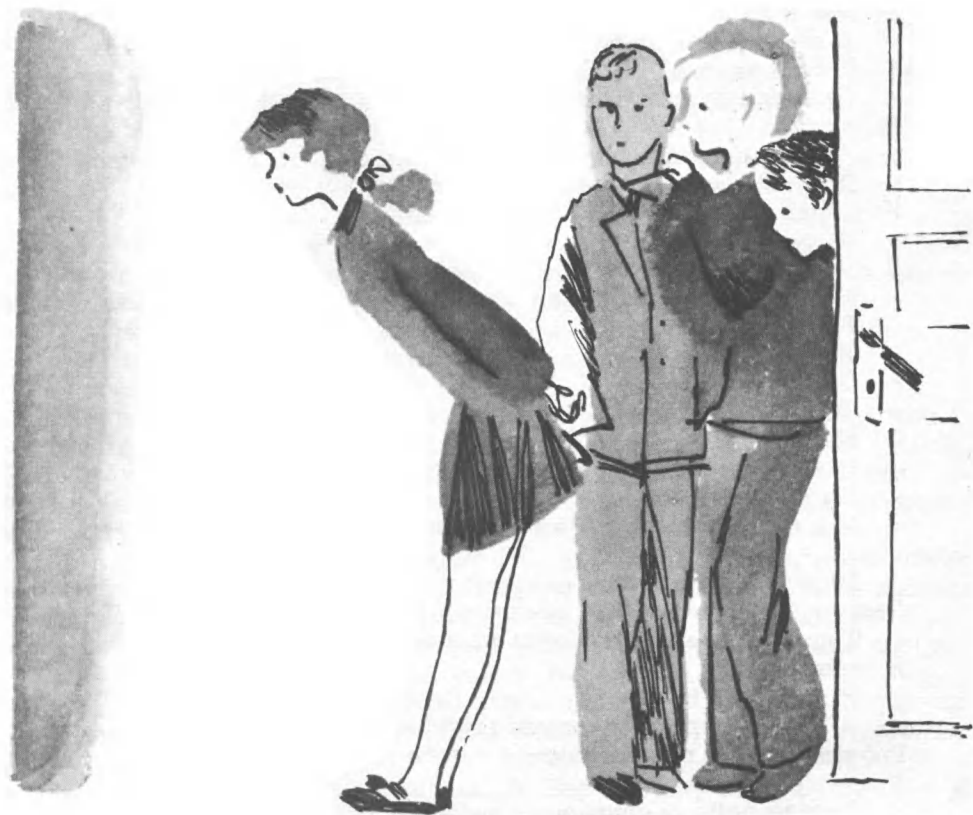
— Ну тогда и мы не пойдем.

— Ты говори за себя. Чего ты за весь класс говоришь!

— Вот весь класс и не пойдет. Мы уже договорились...

И тут ребята начали гудеть. Мы всегда гудим, если нам что-нибудь не нравится. Можно так гудеть, чтобы рта не открывать. Я посмотрел на Борьку и увидел, что он тоже гудит. И даже Вика. Только Дутов не гудел. Наверно, он боялся, что его назовут недисциплинированным.

— Ну, ладно! — сказал Владик. — У вас есть председатель отряда. Вот он и будет отвечать. А мне некогда с вами разговаривать.

— Подожди, Владик, — сказал Борька. — Ребята, тише!
Все перестали гудеть.

— Владик, — сказал Борька, — давай лучше не пузырьки. Хочешь, мы бумагу соберем? Или железо? Только не завтра. Завтра мы на завод идем.

— Про завод я ничего не знаю, — ответил Владик. — Знаю про пузырьки. В десять часов.

Владик убежал.

А мы все равно не пошли собирать пузырьки. Утром в половине десятого мы собрались у кино. Пришли все до одного человека. Даже Дутов пришел, хоть он и боялся, что, если будет недисциплинированным, так его вообще из школы выгонят. А потом мы сели на четырнадцатый трамвай и поехали на завод. Ребята всю дорогу молчали. Мне тоже было немножко страшно. Из-за этого мы даже на всех билеты купили. Кондукторша нас три раза считала и сказала, что в первый раз видит таких сознательных школьников.

Трамвай остановился у самого завода.

Мы подошли к проходной, а там сидит дежурный. Он нас спрашивает:

— Вы, ребята, куда?

- Мы к директору.
- А заявка на вас есть?
- Какая заявка?
- Пропуск нужен. Позвоните в Бюро пропусков.

Я говорю:

- А где звонить?
- Вон телефон на стенке. Набирай пятый номер.

Я набрал пятый номер. Мне отвечают:

- Бюро пропусков.

Я говорю:

- Можно нам на завод пройти?
- Кто говорит?
- Костя.
- Фамилия!
- Фамилия — Шмель.
- Как?
- Шмель! — кричу я. — Насекомое такое знаете?
- По какому вопросу?
- Мы не по вопросу. Нам станки плохие прислали. Мы — к ди-

ректору.

- Передайте трубочку вахтеру.

Дежурный взял трубку, послушал. Потом говорит:

- Товарищ Шмель, давайте паспорт.

Я говорю:

- У меня нет паспорта.
- А без паспорта я пропуск выписать не могу.

Ребята стоят и переминаются с ноги на ногу.

Дутов запыхтел.

- Лучше пойдем пузырьки собирать. Еще успеем.

Если бы он про пузырьки не сказал, может быть, мы так на завод и не попали бы. Ушли бы — и все. Но ребята как услышали про пузырьки, — прямо задрожали, будто их током дернуло. Кричат:

- Никуда не пойдем!
- Хоть до вечера будем ждать!

И я тоже решил: буду сидеть хоть до вечера. Потому что мы пузырьки собирать не пошли, и теперь нам без станков лучше в школу не ходить. Вообще-то Владик не ябеда. Он только все время носит, как угорелый, а не жалуется. Но ведь и так все заметили, что мы не пришли. Сейчас, наверно, говорят: «Конечно... шестой «г»... ничего удивительного». А мы ведь не для себя стараемся. Может быть, вся школа станков ждала. И шестой «б» — тоже, хоть они пузырьчники.

Я говорю дежурному:

— Сами станки испорченные прислали и сами еще не пускаете.

А он говорит:

— Про станки, ребята, я не знаю. А пускать не положено, если без заявки.

Мы вышли из проходной и стоим.

Вика говорит:

— Костя, а ты позвони директору.

Я отвечаю:

— Сама позвони. Пусть он на тебя кричит, а я не хочу, чтобы он на меня кричал. Я ведь не орел. Это ты, может, орел. Ты и звони. Это я так сказал, потому что разозлился. А Вика просто под руку подвернулась. И еще мне было обидно, что я ничего придумать не мог.

— А я позвоню, — сказала Вика.

Она опять зашла в проходную. А мы стоим, и нам даже разговаривать не хочется. Да еще дождик пошел. У нас в Ленинграде зимой всегда дождик идет. А первого мая — снег...

Вдруг Вика выбежала из проходной.

— Ребята, идем. Пропустили! Я с директором говорила — он всех пропустил.

На заводе во дворе я так головой вертел, что чуть под паровоз не попал. Там на рельсах паровозик стоял — маленький такой. То есть я не совсем не попал, а так... Если бы он ехал, то попал бы. Машинист мне пальцем погрозил. Значит, я все-таки мог попасть.

Когда мы подошли к зданию, где директор, у меня ноги стали какие-то слабые. Как тогда, на лыжах. Один бы я ни за что не пошел. Все кругом бегают, какие-то тележки ездят. И еще я думал, что директор нас сейчас орлами назовет и выгонит. У нас в школе все директора боятся. А этот, наверно, еще хуже.

На третий этаж мы поднимались медленно-медленно. Ребятам тоже как-то страшновато было. А я ведь еще впереди шел, чтобы не думали, что я струсил.

Я подошел к двери и открыл. А Борька меня подтолкнул, и я влетел прямо в комнату. Там сидела какая-то женщина. Около нее — четыре телефона. Но это я потом разглядел телефоны. Сначала ничего не разглядел. Женщина спрашивает:

— Тебе кого нужно, мальчик?

Я говорю:

— Ой, подождите, там еще ребята стоят.

И выскочил обратно. И дверь закрыл.

— Ты чего толкаешься? — шепчу я Борьке.

А он тоже шепчет:

— Я не толкаюсь.

Тут дверь открылась. Подошла эта женщина, посмотрела на нас и засмеялась.

— Вот оно что. Ну, проходите. Сергей Васильевич вас ждет.

Она подвела нас к двери с табличкой «Директор». Она открыла дверь, и я зажмурился. Я подумал, толстый меня сразу узнает.

— Входите, не бойтесь, — сказал директор.

Я открыл глаза и увидел директора. Он был не толстый. Это был совсем другой человек. И шея у него не толстая.

— Ну, входите, что ж вы у двери топчетесь? Кто из вас Данилова?

— Я.

— Это с тобой я по телефону говорил?

— Со мной.

— Чего же вы от меня хотите?

Ребята молчали. И я молчал. Не знаю почему. Комната была очень большая. И ковер на полу большой. И вообще громко говорить было страшно.

— Вот чудачки, — сказал директор. — Пришли и молчат. Вы садитесь.

Перед столом директора стоял другой стол. Длинный, и возле него стулья. Мы сели на стулья.

— Так в чем же дело?

А мы молчим.

— Ну молчите, — сказал директор. — Я работать буду. А вы вспоминайте, зачем пришли.

Директор придвинул к себе бумаги и начал их черкать карандашом. Но я заметил, что он все время на меня поглядывает. Я сидел ближе всех, потому что первый вошел. Мне было видно, что он не пишет, а рисует. Он меня рисовал. Я сразу узнал, потому что он веснушки нарисовал на лбу и на носу. Только очень много — все лицо как рябое. Я вытянул шею, чтобы рассмотреть получше, а он спрашивает:

— Похоже?

На самом деле было не очень похоже, но я боялся, что он рассердится, и говорю:

— Очень похоже. Только веснушек много. У меня столько нет.

— А я еще и те, что на затылке, поместил.

Ребята тихонько засмеялись. Они очень вежливо смеялись, просто шепотом.

Я говорю:

— На затылке не бывает.

— Бывает, — сказал директор. — Вот будешь лысым, тогда увидишь.

Ребята засмеялись уже громко. У меня тоже немножко страх прошел.

Я говорю:

— А раньше у вас тут другой директор был?

— Когда раньше?

— Во вторник.

Он посмотрел на меня, сморщился и вдруг как захохочет. И ребята захохотали. А чего смеются, — сами не знают. Наверно, для директора смеялись. Если бы он заплакал, они бы тоже плакать стали.

— Кого же ты во вторник видел? — спрашивает директор.

А ребята хохочут, как сумасшедшие.

Я говорю:

— К нам в школу один приезжал. Он станки привез. Я думал, — директор.

А ребята еще сильнее хохочут. Ну сейчас-то чего смешного? Я же про станки говорю. Я повернулся к ребятам и сказал:

— Чего вам смешно-то? Сами же думали, что он директор.

А они все хохочут, как заведенные. Я думаю: «Ну и смейтесь, а я смеяться не буду». Только я так подумал, у меня щека задергалась.

Я ее прижал рукой, а она еще сильнее дергается. Я изо всех сил стараюсь, чтобы не смеяться, но от этого мне еще сильнее хочется. И я не удержался. Тоже начал смеяться. Сам злюсь, а смеюсь. Ребята понемножку перестали, а я все смеюсь. Я, чтобы на ребят не смотреть, смотрел на стенку. Там часы висели с секундной стрелкой. Эта стрелка прыгала, а мне почему-то смешно было, что она прыгает. Я нарочно отвернулся от часов и посмотрел на другую стенку. Там висел барометр. У него стрелки не прыгают. Но от этого мне еще смешнее стало. Никак остановиться не могу. Ребята видят, что я смеюсь, и опять начали хохотать. Может быть, мы бы до вечера смеялись. Но тут на столе у директора загудело что-то. Все сразу притихли. Директор щелкнул рычажком и говорит: «Занят». Потом он нас спрашивает:

— Так чем же я могу вам помочь?

Вика говорит:

— Товарищ директор, станки совсем неисправные. На них работать нельзя.

— А я тут при чем?

— Вы нам обещали... — сказала Вика.

— Наконец-то понял, — вздохнул директор. — Вы, значит, наши подшефные, и вам привезли неисправные станки. А вы хотите, чтоб вам дали исправные?

— Если можно... если вы... — сказала Вика и замолчала.

Директор протянул руку к ящику на столе и щелкнул рычажком. Там что-то вкнуло, а директор сказал:

— Снабжение? Товарищ Петляев, зайдите.

Через минуту в дверь постучались.

— Да, — сказал директор.

И вошел этот толстый, который к нам приезжал в школу. Я думал, он сейчас заорет: «Здорово, директор! Здорово, орлы! Где равнение? Барабан где?» — и потом нас выгонит.

А он сказал очень тихо:

— Здравствуйте, Сергей Васильевич.

— Здравствуйте, товарищ Петляев. Присаживайтесь. У меня к вам вопрос: вы станки в школу возили?

— А как же, Сергей Васильевич! Сам лично. Молодежь... Так сказать, смена.

— Станки в рабочем состоянии?

— Да как сказать, Сергей Васильевич...

— Где брали?

— Те, Сергей Васильевич, что во втором цеху, в кладовушке.

— Рагозинские?

— Точно так, Сергей Васильевич.

— Так это же лом!

— Как сказать, Сергей Васильевич... Ребятишкам, им что? Покрутить... повертеть... принюхаться, так сказать.

— Эти ребятишки через два года к нам придут, — сказал директор.

— Это точно, Сергей Васильевич.

— Что точно?! Что точно, товарищ Петляев? — Директор поднялся со стула. Этот толстый даже попятился. Но тут директор

посмотрел на нас и снова сел. — Обождите в приемной, товарищ Петляев, — сказал он совсем спокойно.

И толстый вышел из комнаты. Шел он как-то боком, даже на ковер не наступал.

— Ну ладно, — сказал директор. — А зачем вам станки?

Ребята переглянулись. Что, ему непонятно? Милка подняла руку, как на уроке.

— Мы хотим быть токарями. Вот. Чтоб помогать старшим.

— Все хотите?

— Все.

— И ты хочешь быть токарем?

— Я? Я... не знаю.

— А ты? — спросил меня директор.

— Я про это еще не думал, — сказал я. — Просто мне интересно на станке работать. Особенно, если дырки...

И я рассказал директору, как мы сверлили дырки. А потом Вика рассказала про Алексея Ивановича, какой он хороший мастер. И другие ребята говорили. Но больше всего рассказывали про дырки. Борька даже нарисовал чертеж угольника.

— Ну, а со станками вы все-таки что будете делать?

— Ну, чего-нибудь обтачивать, — сказал я.

— Чего-нибудь — неинтересно, — улыбнулся директор. — Хотите, я вам задание дам?

— Какое задание?

Директор подошел к шкафчику и вынул оттуда железную коробку. Она была вся в дырках. Дырки были не только круглые, но и продолговатые.

— Вот смотрите. Это панель для монтажа.

— Это для приемника! — обрадовался Борька.

— Верно, — сказал директор. — Таких панелей выпускаем много. Одних дырок — миллионов пять в месяц.

Ребята прямо ахнули. Мне тоже завидно стало. Вот бы на этом заводе поработать! Я могу хоть целый день дырки сверлить.

— Так вот, — сказал директор. — Возьметесь такие панели делать? Заготовки мы вам дадим.

— Пять миллионов? — спросил я.

Директор засмеялся.

— Пять не пять, но немного дадим. Для начала. Посмотрим, как вы будете справляться. Согласны?

Все закричали, что согласны. А Дутов даже покраснел от жадности. Он уже, наверное, думал все дырки себе заграбастать.

Только вот что, — сказал директор. — Это уже серьезно. На этих панелях монтажники будут схемы собирать. Значит, тут не может быть никакого баловства. Читайте, что вы рабочие. И работать надо честно. Читайте, что у вас не мастерская, а завод. Маленький пионерский завод. Вы поговорите со своим учителем труда. Я не знаю, какая у вас программа. Когда подучитесь, мы сможем вам дать токарные заготовки.

— У нас же станков нет, — сказал я.

— Будут, — сказал директор.

— Правда? — спросил я.

— Честное пионерское, — сказал директор.

Ребята засмеялись. Я опять посмотрел на секундную стрелку, и у меня щека задергалась. Тогда я сказал, чтобы не смеяться:

— Честное пионерское не в счет. Вы же не пионер! Вы какое-нибудь другое дайте.

— Честное директорское! И партийное, если хочешь.

Когда он сказал про партийное, я поверил. Я по своему папе знаю. Он никогда зря партийное не дает. Он когда после школы Зинаида часы купил, мама его спросила: «Сколько стоят?» Он говорит: «Двадцать», — а сам смеется. Мама говорит: «Обманщик. Дай слово». Он говорит: «Даю». — «Нет, дай честное слово». — «Даю». — «Нет, дай партийное...» Тогда он схватил маму в охапку и стал целовать. А партийного слова не дал. Потому что часы стоили пятьдесят рублей. Мама тогда еще сказала, что тридцать рублей за поцелуй — очень дорого.

И я сказал директору:

— Раз партийное, то мы теперь в школу пойдем, Алексею Ивановичу расскажем.

Мы попрощались с директором и вышли из кабинета. Вот тогда я и сосчитал, что около женщины стояло четыре телефона. А еще там на диване сидел толстый Петляев. Мы шли мимо него и говорили по очереди «до свидания». Мы не дразнились, а по-честному. А он, наверное, подумал, что дразнились. Первому он ответил, а остальным нет. А когда я подошел, он вообще отвернулся.

Пока мы шли по заводу, то старались не шуметь. А когда на улице вышли, все начали орать. Кто кричал «ого!», кто «ура», а кто — вообще неизвестно что. Я так орал, — у меня глаза чуть не выскочили.

Дежурный вышел из будки и что-то сказал, но его не было слышно. Даже я не услышал. Я громче всех орал. А Милка Орловская просто визжала! У нее голос тонкий — противно даже. Но она хитрая. Хоть она и визжала, а все-таки заметила, что наш трамвай подходит.

Она еще сильнее завизжала и бросилась к остановке. И все ребята побежали к трамваю. Только мы не успели. Трамвай под самым носом ушел.

Я кричу:

— Алё! Ребята! Догоним! — и за трамваем.

Все бросились за мной. Мы пробежали целую остановку и чуть-чуть не догнали.

Я опять кричу:

— Все равно догоним!

И мы пробежали еще остановку. И опять чуть-чуть не догнали, потому что трамвай долго стоял у светофора. Мы бы и дальше за ним бежали, но школа была уже совсем рядом. А мне все еще бежать хотелось. Поэтому я не в ворота вошел, а через забор перелез.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

В тот день шестой «г» на уроках сидел плохо. Все ждали большой перемены. Но маленькие перемены тоже не пропали даром. Стоило только учителю выйти из класса, шестой «г» срывался с места и мчался на второй этаж. Там были владения ненавистного шестого «б». На втором этаже шестой «г» выстраивался парами и начинал делать круги возле шестого «б».

Неизвестно, кто первый сказал «лично», но всем очень понравилось это выражение. Пары прогуливались по коридору и, встречая «шестибешника», говорили не очень понятные слова.

- Лично мы сделаем большой ПеЗе.
- Лично мы будь здоров!
- Лично я на ПеЗе пойду. А лично ты?
- Лично, еще как!
- А лично тому-то — фига!
- Лично ПеЗе?
- Лично, ага.
- Конечно, фига. Лично им — фига.

«Шестибешники» были тоже не дураки. Они, конечно, понимали, что все фиги имели к ним самое прямое отношение и таинственное ПеЗе — тоже. Но они не знали, что такое ПеЗе. В этом-то и скрывалась главная обида. Можно сказать человеку:

— Эх ты, верблюду!

И он ответит:

— Сам верблюду.

Это очень просто. Тут не нужно ломать голову:

— Болтун!

— Сам болтун!

— Нахал!

— Сам нахал!

— Хулиган!

— Сам хулиган!

А вот если человеку сказать:

— Лично ты ПеЗе.

Тогда что отвечать?

«Сам ПеЗе»?

Конечно, так отвечать нельзя. Просто глупо. И вот человек начинает мучиться. Сначала он переворачивает слово — и получает «ЕЗЕП». Чепуха какая-то! Затем он начинает переставлять буквы, и у него по очереди получается: «ЗЕПЕ, ЕЕЗП, ЕЕПЗ, ПЗЕЕ, ЗПЕЕ, ЕПЕЗ». Опять ерунда. Наконец он начинает расшифровывать буквы. И опять непонятно — то ли это «противная зануда», то ли «прекрасный-замечательный».

«Шестибешники», конечно, сделали вид, что им на все наплевать. Но именно потому, что они делали вид, было понятно, что они растеряны. Правда, они попытались спрашивать насчет пузырьков. Но даже такое испытанное средство на этот раз не помогло. Им отвечали:

— Лично с пузырьками? Плоховато. А вот лично ПеЗе!.. Лично мы, конечно. А лично кому-то — фига.

Стасик Лоскутов — староста и самый заядлый «шестибешник» — пустился на хитрость:

— Какое-то ПеЗе! Такого и слова нет, — сказал он, обращаясь к стенке.

— Есть такое слово, — сказал Костя, обращаясь к той же стенке. — Пе и Зе... Значит — Пу-Зырьки.

И шестой «г» захохотал, очень довольный.

На большую перемену шестой «г» не вышел. В дверную ручку засунули швабру, и староста Вика Данилова не сказала ни слова, хотя ей следовало выгнать всех из класса. Сейчас было не до соблюдения формальностей. Шестой «г» обсуждал дела ПеЗе. ПеЗе откроется в мастерской, как только привезут станки. Даже, может быть, он откроется раньше. Ребята уже говорили с Алексеем Ивановичем. Правда, он сказал, что в школе не одни они учатся...

— А на завод кто ходил? — закричали ребята.

— Верно. Вам за это спасибо, — сказал Алексей Иванович. — Только надо и о других подумать.

— Конечно, надо, — сказал Костя. — А на завод кто ходил?

— Ну ладно, — спросил Алексей Иванович, — сколько вам нужно? Сто?

— Не делится, — сказал Костя. — Нужно всем поровну — сто восемь. И чур, сверла сами вставлять будем...

Алексей Иванович покачал головой. Но тут его обступили девочки. Они заглядывали ему в глаза и говорили всякие льстивые слова: о том, что они его очень любят; что он очень добрый. Они с самого начала поняли, какой он добрый. Если он хочет, они будут ему каждый день гладить галстук.

Алексей Иванович только крякал, слушая такую нахальную лесть. Ребята стояли рядом и удивлялись, что девочкам прощается такое, чего бы им никогда не простилось. В конце концов, Алексей Иванович учитель и рабочий. А бесстыжие девочки теребили его за рукав и говорили тянучими голосами:

— Ну-у, Алексе-ей Иванович...

И Алексей Иванович сдался. Он пообещал сто восемь первых панелей шестому «г». А еще пообещал пока никому ничего не говорить... Это было самое главное.

Никогда еще шестой «г» не чувствовал себя так хорошо. Они сидели в классе и обсуждали, кого принимать на ПеЗе и кого нет. Шла большая перемена. Швабра, просунутая в ручку двери, дергалась и подпрыгивала. «Шестибешники» ломались в дверь. Они придумали мечь.

— Надо принимать, у кого троек нет, — предложила Вика.

Костя подозрительно взглянул на Вику. Он хорошо помнил свои тройки — по ботанике и по поведению.

— Почему это — троек! — сказал Костя. — Надо принимать, у кого двоек нет. Тройку всегда можно случайно получить.

У окна тоскливо переминался с ноги на ногу Дутов. Он хотел предложить, чтобы принимали и с двойками, но боялся, что его опять засунут под парту.

А швабра все подпрыгивала. В дверь стучали ногами и кулаками. Костя подошел к двери и выдернул швабру.

Перед дверью стоял Стасик Лоскутов. Остальные «шестибешники» сгрудились за ним. Они казались очень довольными.

— Чего надо? — спросил Костя.

— Есть загадка, — сказал Стасик. — Тридцать шесть дураков собрали восемь пузырьков. Ответьте на следующие вопросы: что это за пузырьки, кто эти дураки и сколько будет на каждого?

«Шестибешники» дружно вздохнули. Они пол-урока сочиняли эту задачу. Теперь они хотели насладиться. Они вздохнули и закрыли рты, чтобы засмеяться. И в это время Костя захлопнул дверь. «Шестибешники» запоздало хохотали за дверью. Им было не очень весело. С ними даже не хотели связываться.

— А из других классов принимать? — спросил Борька.

— Может, еще из шестого «б» принимать? — сказал Костя.

— Еще не известно, кто будет принимать, — возразил Борька. — Если Алексей Иванович, он примет.

— Нужно тогда экзамен устроить. Может быть, кто-нибудь только портить будет. Это же настоящие панели, а не игрушечные, — сказал Костя. — А шестому «б»...

В этот момент опять затряслась швабра. В дверь застучали.

— Постучи лбом, тогда откроем! — крикнул Костя.

— Что? — спросили за дверью.

— Лично лбом постучи! — крикнул Костя.

Костя подбежал к двери, выдернул швабру, и... Костино сердце сжалось и медленно поползло куда-то в низ живота.

Перед дверью стояла Елизавета Максимовна.

— Шмель, — сказала Елизавета Максимовна, глядя на портрет Дарвина. — Зайди к Вере Аркадьевне. Вера Аркадьевна тебя ждет.

Елизавета Максимовна отступила на шаг и пропустила Костю. Сама она вошла в класс и закрыла дверь.

— Данилова, — услышал Костя, — почему сегодня класс не вышел на сбор аптекарской посуды?

Костя медленно брел по коридору. Вокруг свистела, кричала и топала Большая Перемена. Какие-то счастливые мальчишки жевали бутерброды и дергали девчонок за косы. Счастливые девчонки визжали и делали вид, что им это не нравится, но далеко не убегали.

Счастливые рыбы плавали в аквариумах на подоконниках.

А несчастный Костя приближался к двери с сине-белой табличкой. Он шел и думал о чуде. Ведь бывают же чудеса... Бывают же всякие Хоттабычи и волшебные лампы! Или все это придумано для того, чтобы дразнить несчастных людей? Бывают ведь пожары и наводнения. Почему сейчас нет ни пожара, ни наводнения? Это всегда так: когда нужно — нет. Бывает, что люди неожиданно ломают ногу... Костя вышел на лестницу и прыгнул через три ступеньки. Но чуда не случилось. Нога осталась цела.

У двери Костя помедлил. Кто-то положил руку ему на плечо. Костя вздрогнул. Рядом стояла Лина Львовна.

— Вызвали?

Костя кивнул.

— Тебе не будет неприятно, если я тоже зайду?

— Все равно, — сказал Костя.

Лина Львовна прищурилась, и Костя вдруг заметил, что у нее очень пушистые ресницы. Глаза, спрятанные за этими ресницами, смотрели сочувственно. И Косте вдруг стало очень тоскливо и жалко себя до слез... Он осторожно открыл дверь.

— Можно, Вера Аркадьевна? — спросила Лина Львовна.

— Входи, Линочка, — сказала Вера Аркадьевна. — Входи и садись. Привела?

— Нет, — ответила Лина Львовна. — Он сам пришел.

— Ну, ученик Шмель, — сказала Вера Аркадьевна. — Ты знаешь, зачем я тебя вызвала?

— Не знаю.

— Тогда давай считать, — Вера Аркадьевна вздохнула. — Будем считать только за последние две недели. Выгнан из класса — три раза. Чуть ли не сорвал пионерское собрание...

Лина Львовна шевельнулась на стуле.

— Ты хочешь что-то сказать, Лина?

— Нет, Вера Аркадьевна, я потом.

— Чуть не сорвал пионерское собрание, — повторила Вера Аркадьевна.

— Я не срывал, — сказал Костя. Он покосился на Лину Львовну. Ведь Лина Львовна знает, что не срывал, — почему же она молчит? Они всегда заодно — взрослые!

— Хорошо, мы выясним. Сначала давай досчитаем. Итак, пионерское собрание...

— Я не срывал, — сказал Костя.

— Ты мне дашь договорить? — Голос у Веры Аркадьевны был противный, квакающий. — Итак, собрание. И вот уже сегодня, вместе со всем классом, ты не вышел на сбор аптекарской посуды.

— Мы договорились... — сказал Костя.

— Это еще хуже, — сказала Вера Аркадьевна. — Выходит, вы сознательно не пошли! Что значит «договорились»? А если вы договоритесь не ходить на уроки?

— Мы про это не договаривались.

Костя с тоской смотрел на портрет горниста. При чем тут уроки? И зачем все спрашивать и спрашивать? Почему нельзя просто сказать: «Ученик Шмель, мы исключаем тебя из школы»? Разве обязательно сначала помучать, а потом исключить?

А Вера Аркадьевна смотрела на Костю. Она думала: «Вот стоит ученик Шмель. Я научила его читать и писать. Как быстро он вырос. У него уже — характер. Он уже обо всем имеет собственное мнение. Интересно, что он о нас думает? Например, обо мне. Наверное, — что я противная старуха, что мне очень приятно мучать его вопросами. Может быть, он ненавидит меня в эту минуту. И от этого нам обоим трудно. Мне трудно помочь, а ему — понять. Конечно, можно пригрозить. Можно заставить его бояться. Но человек, научившийся бояться с детства, вырастает злым. А злоба — плохой спутник в жизни...»

Вера Аркадьевна задумалась. На какое-то время она забыла о Косте и Лине Львовне. Она смотрела на них, но не видела, погруженная в свои мысли. И только когда Лина Львовна снова шевельнулась на стуле, Вера Аркадьевна спохватилась. Исчезли тысячи лиц, только

что проплывшие перед ее глазами. Остались Лина Львовна и Костя. «Я слишком много вспоминаю, — подумала Вера Аркадьевна. — Слишком много. Наверное, это — уже старость».

— Так почему же вы не пошли на сбор аптекарской посуды? Почему не пошел ты, Шмель? — сказала Вера Аркадьевна.

— Мы ходили на завод.

— На какой завод?

— Откуда нам станки привезли.

— При чем здесь станки?

— Они для школы.

— Теперь понимаю, — сказала Вера Аркадьевна уже не таким противным голосом. — Вы ходили на завод обменять станки? Так?

Костя молчал. Он знал, что будет дальше. Сейчас Вера Аркадьевна спросит: «Разве вы не могли пойти в другое время?»

— А вы не могли выбрать другое время? — спросила Вера Аркадьевна.

— Мы с вечера договорились, — сказал Костя. — А потом нам объявили про пузырьки. А мы уже договорились...

Вера Аркадьевна внимательно взглянула на Костю. А Костя подумал: «Сейчас она спросит: «Значит, раз вы договорились, то для вас уже не обязательно подчиняться?»

— Вам дали станки? — спросила Вера Аркадьевна.

— Дали. И еще панели дадут, — оживился Костя, радуясь, что разговор уходит в сторону.

— Вы все ходили? — с удивлением спросила Лина Львовна.

— Весь класс! — с гордостью сказал Костя.

— А что ты натворил на собрании? — скучным голосом спросила Вера Аркадьевна.

«Про пузырьки спрашивать больше не будет», — промелькнуло в голове у Кости. И вдруг — на какую-то секунду — у него появилась надежда, что его сегодня не исключат. Ведь уже спрашивает про собрание, а не про пузырьки. Может быть, удастся объяснить Вере Аркадьевне и про собрание.

— Я ничего не натворил, Вера Аркадьевна. Честное слово!

— Почему же на тебя жалуются?

— Кто жалуется?

— Это неважно, — сказала Вера Аркадьевна. — Важно, что жалуются. Будь любезен, отвечай на вопросы.

— Я говорил, что не надо выбирать Дутова, а она говорит — надо.

— Кто «она»?

— Елизавета Максимовна.

— Значит, не «она», а Елизавета Максимовна. Тебе, Шмель, понятна разница?

«Исключит», — подумал Костя. И внезапно все стало ему безразлично. Ему больше не хотелось отвечать. Все они — заодно.

— Куда хотели выбирать Дутова?

Молчание. Счастливым горнист с картины победно смотрел на Костю. Дать бы ему, чтобы не трубил!

— Костя, я тебя спрашиваю. — Голос Веры Аркадьевны уже не такой скучный.

— Звеньевым.

— Дутова? — с удивлением спросила Вера Аркадьевна.

— Дутова! — воскликнула Лина Львовна. — Вера Аркадьевна, ведь Дутов...

— Хорошо, Линочка, хорошо... — проговорила Вера Аркадьевна. — Дутова я знаю.

«Может, не исключат?» — подумал Костя.

— Костя, а с уроков тебя тоже напрасно выгоняли?

«Все-таки исключит», — подумал Костя. Ему было очень жалко себя. Он стоял одинокий и беспомощный. Он отвечал на один вопрос, а ему задавали другой. И весь этот разговор не имел смысла — все равно исключат.

— Я жду, Костя.

— Не напрасно.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — сказала Вера Аркадьевна. — Но разве нельзя сделать так, чтобы не выгоняли? Ты думаешь, учителю приятно тебя выгонять? Ты ведь способный мальчик, Шмель...

Голос у Веры Аркадьевны уже совсем не противный. Она смотрит на Костю так, будто ей очень обидно, что есть на свете человек Константин Шмель, который способен много сделать хорошего и не делает этого. А Костя в этот момент думает, что сейчас самое время сказать про ракету, и тогда еще можно на что-то надеяться. Ведь Вера Аркадьевна очень любит, когда говорят про ракету.

Но в этот момент Костя замечает, что Вера Аркадьевна бледнеет. Она наклоняет голову, и лицо ее становится беспомощным. Она как будто хочет проглотить что-то и не может. Руки ее шарят по карманам кофты. Она достает стеклянный пузырек. Она делает все это очень спокойно, но в спокойствии этом есть что-то страшное.

— Вера Аркадьевна! — Лина Львовна вскакивает со стула.

Вера Аркадьевна открывает пузырек и лижет пробку.

— Вера Аркадьевна, я позову кого-нибудь! — взволнованно говорит Лина Львовна.

— Что с тобой, Лина? — спрашивает Вера Аркадьевна. — Ничего не случилось. Мне просто нужно принимать это время от времени... Так что же, Костя?

А Костя, который не знает, что у Веры Аркадьевны больное сердце, все же понимает — чуть не случилось что-то ужасное. Такое, когда звонят телефонные звонки и приезжает машина «Скорой помощи». И люди тогда толпятся у этих машин, как будто это очень важно — заглянуть в лицо тому, на носилках. Костя не знает, что у Веры Аркадьевны бывает так и дома, когда она проверяет тетради; и в трамвае — когда она едет в школу с другого конца города. Косте кажется, что это он виноват во всем. Приготовленные слова вылетают из его головы, и он торопливо говорит. Не для себя — для Веры Аркадьевны, чтобы ей было лучше, чтобы вокруг стало светлее, чтобы все быстрее кончилось.

— Я обещаю, Вера Аркадьевна. Честное слово!

В эту минуту он верит в свои слова. Он верит, что будет собирать пузырьки, дружить с Викой Даниловой, перестанет строить рожи на уроках и дразнить Дутова.

А Вере Аркадьевне уже лучше. Это прошло. Когда это не проходит быстро, пузырьки уже бесполезны. И Вера Аркадьевна верит Косте. Ей всегда легче поверить хорошему, чем плохому.

— Иди на урок, Костя, — говорит она. — Только на урок, а не слоняйся по коридору. Скажи, что я тебя задержала.

Дверь открывается и закрывается.

— Вера Аркадьевна, вам плохо? — спрашивает Лина Львовна.

Вместо ответа Вера Аркадьевна достает из стола бумажку. Она показывает ее Лине Львовне. Там написано: «Вера Аркадьевна, зайдите срочно в пионерскую комнату. Неизвестный».

— Помнишь, Лина, — говорит Вера Аркадьевна, — я к тебе заходила... Ну, тогда... Это ведь он написал. У него с первого класса буква «д» с закорючкой. Никак я не могла отучить его от этой закорючки.

Но Лина Львовна все еще не может опомниться.

— Ой, Вера Аркадьевна, как я испугалась! Вы такая бледная стали.

— Ты знаешь, зачем он это написал? — спросила Вера Аркадьевна.

— Не знаю, — говорит Лина Львовна.

— Он ведь тебя пожалел. Они очень теряются, когда плачут взрослые. Им кажется, что весь мир рушится.

— Я больше не буду плакать, — смущенно говорит Лина Львовна. — Я постараюсь никогда не плакать, Вера Аркадьевна.

— Так уж и обещаешь, — улыбается Вера Аркадьевна. — Не обещай. Никогда не плачут только равнодушные люди. Я думаю, ученик Шмель тоже умеет плакать. Только он уходит плакать в уборную. Ты пойди, Линочка, разыщи его. Он сейчас, наверное, стоит в коридоре и думает — исключаю я его или нет? А с Елизаветой Максимовной я о нем поговорию.

— Ой, Вера Аркадьевна! — восклицает Лина Львовна, вдруг снова почувствовавшая себя ученицей.

Вера Аркадьевна засмеялась.

— Иди, иди, Линочка.

Тем временем Костя шел по коридору третьего этажа. Он так и не понял, исключили его или нет. Скорее всего, — нет. А может быть, исключили... Костя представил себе, как от станции к станции летит на папину льдину радиограмма. И везде — на Диксоне, на Вайгаче, на Земле Франца-Иосифа — полярники хмурятся и переживают за папу, потому что его знают на всем Севере.

Задумавшись, Костя опустил голову, а когда поднял ее, услышав шаги, прятаться было уже поздно. Рядом с ним стояла Елизавета Максимовна.

— Почему ты не на уроке?

— Вы же сами...

— Я знаю, что сама, — спокойно сказала Елизавета Максимовна. — Почему ты не торопишься?

Костя стоял, переминаясь с ноги на ногу. И вдруг он ощутил короткие и злые толчки пульса, будто Невидимка стучал по его голове маленьким молоточком. Костя понимал, что лучше не связываться, лучше молчать, но и на этот раз Невидимка оказался сильнее его.

— А я что, — бежать должен?

— Должен, — твердо сказала Елизавета Максимовна. — Если тебе приказывает учитель, будешь бегать и все что угодно.

— Я не буду бегать, — ответил Костя.

Елизавета Максимовна смотрела на Костю очень холодно и спокойно. Она смотрела так, будто за его спиной стоял другой человек, к которому она и обращалась. Костя потупился.

— Почему ты боишься смотреть мне в глаза?

— Нипочему, — сказал Костя.

«Нет, это невозможно, — подумала Елизавета Максимовна. — Или — я, или этот мальчишка. Неужели я не могу сломить его? Да, да, именно так. Ибо воспитывать — значит ломать, неумолимо отсекай все гнилое. Пусть сейчас ему больно, но потом он сам будет мне благодарен. Пусть сейчас смотрит на меня зверем — детские обиды проходят быстро... Но если я сегодня разрешу ему со мной спорить, то завтра... Кто знает, что будет завтра! Они не любят меня, — думала Елизавета Максимовна. — Но это не имеет значения. Я выполняю свой долг, и нужно быть твердой».

Мысль о том, что она всегда была решительна и справедлива, наполнила гордостью душу Елизаветы Максимовны. Прошедшие годы казались ей подвигом, который никогда и никто не оценит. Это было немного грустно, но во всякой грусти есть что-то приятное. Вспоминая о своей жизни, человек всегда становится немного добрее, и сейчас Елизавета Максимовна, пожалуй, могла бы простить Костю.

— Если ты, Шмель, дашь мне честное слово...

— Я не дам слово.

— Тогда Шмель, — кончено.

Елизавета Максимовна повернулась и медленно пошла прочь. А из кабинета завуча навстречу ей вышла Лина Львовна. Они встретились на середине коридора, и Лина Львовна посторонилась, пожалуй, слишком поспешно.

«Вот Лине я сумела внушить уважение, — подумала Елизавета Максимовна. — Это уже — на всю жизнь». И внезапно, повинувшись какому-то неожиданному для нее порыву, быть может, все еще продолжая спор с учеником Шмелем, она спросила:

— Линочка, скажи мне... Вот ты у меня училась... Как относился ко мне твой класс?

Лина Львовна широко открыла глаза. Не в обычае Елизаветы Максимовны было задавать такие вопросы.

— Только говори честно.

— Мы... к вам?

— Ну, ну, смелее.

— Мы вас боялись, — тихо сказала Лина Львовна. — Мы всегда вас боялись.

И теперь уже Лине Львовне показалось, что за ее спиной стоит человек, на которого смотрит Елизавета Максимовна.

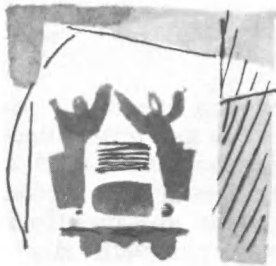
— Мне нужно идти, — еще тише сказала Лина Львовна.

— Иди.

Елизавета Максимовна твердым шагом подошла к двери с синей белой табличкой и взялась за ручку.

Только теперь Лина Львовна увидела Костю.

- Что же ты не идешь в класс?
- А меня исключили? — спросил Костя.
- Пока нет.
- А на льдину она все равно напишет, — уныло сказал Костя.
- Не «она», а Елизавета Максимовна.
- Ну да, Елизавета Максимовна...
- Не напишет, — сказала Лина Львовна. — Я тебе обещаю. Если, конечно, ты еще чего-нибудь не выкинешь.
- Правда? — спросил Костя.
- Правда, — ответила Лина Львовна.
- Тогда я вам про ПеЗе расскажу. Вы ведь про ПеЗе еще не знаете.
- Знаю, — сказала Лина Львовна. — Мне уже рассказали. По секрету. Очень вы хорошо придумали.
- Кто рассказал?! Орловская?
- Так ведь по секрету же, Костя.
- Конечно, Орловская! — возмутился Костя. — Ну, она еще у меня получит!
- А обещание? — спросила Лина Львовна.
- А она не сейчас получит. Летом. Когда в седьмой класс перейдем. А я вам тогда про школу расскажу! Вы знаете, — в нашей школе Петр Первый учился, царь. Все ребята говорят.
- Ты забыл, Костя, что я тоже здесь училась. Я это давно знаю. Только не понимаю, как он мог здесь учиться. Ведь он построил наш город, когда уже был взрослым.
- Но Костю сбить не так просто.
- А он сначала построил, а потом стал учиться. Тогда все цари неграмотные были. Они только по-немецки читать умели.
- И Костя убежал, не дожидаясь ответа. Последнее слово осталось за ним, а это — всегда приятно. Особенно, если говоришь с человеком, который понимает шутку.

ПРО СТАСИКА

Когда меня вызвали к Вере Аркадьевне, я здорово напугался. Я думал, меня вообще исключат. А меня не исключили. За что меня исключать? Я же ничего такого не сделал. У меня просто характер нетерпеливый. Если за это исключать, так, может, в школе одни первоклассники останутся. Они как раз терпеливые. А я вот никак не могу терпеть. Когда нам станки привезли новые, я прямо с урока хотел бежать. И все ребята хотели. Нам было в окно видно, как их выгружали. Я даже Владимиру Ивановичу сказал:

— Владимир Иванович, отпустите нас. Мы, честное слово, все дома выучим.

— Хорошо, — сказал Владимир Иванович, — я вас отпущу за пять минут до конца. Только не шуметь. Идти на цыпочках.

Я говорю:

— Владимир Иванович, это же мы на завод ходили. Помните, вы нам советовали подумать? Мы думали... Отпустите хоть за десять минут.

— Ладно. Отпущу за десять.

— Владимир Иванович, а может быть, за пятнадцать?

Владимир Иванович засмеялся и сказал:

— Торговаться мы не будем. Отпущу за десять. Только за вычетом тех минут, которые мы с тобой проговорили.

Я сказал:

— Владимир Иванович, ведь это я от нетерпения.

А он говорит:

— Девять.

Ребята повернулись ко мне и зашикали. И я больше ничего говорить не стал. Я знаю, что Владимир Иванович всегда выполняет обещание.

Только мы зря торопились. Владимир Иванович отпустил нас за девять минут, а мы очень тихо спустились на первый этаж. Нам хотелось первыми посмотреть на станки. Но мастерская была заперта. Алексей Иванович уехал на завод получать еще какие-то станки и панели. Мы решили, что первыми его встретим. Следующий урок у нас как раз был Алексея Ивановича. И мы пошли его встречать к воротам. Мы постояли немножко, и началась перемена. И тут во двор выбежал шестой «б». Они подошли к воротам и стоят.

Мы говорим:

— Вы чего тут стоите?

А они говорят:

— Просто так. Погода хорошая. А вы чего стоите?

Я говорю:

— У нас голова болит. Мы подышать вышли.

А Стасик Лоскутов спрашивает:

— У вас на всех одна голова, что ли?

Я говорю:

— У нас голов сколько угодно. Можем одолжить, если хотите.

Берите вон Вовкину, у него футбольная.

Вовка мне говорит:

— Сам дурак!

А Стасик думал, что Вовка ему сказал. Он скатал снежок и запустил в Дутова. А мне стало обидно, что он в Дутова запустил. Все-таки Вовка из нашего класса. За своих всегда надо заступаться. И я тоже залепил снежком в Стасика. И тогда все стали бросаться снегом. Ребята перемешались и начали бегать по двору друг за другом. Но я не за всеми бегал. Я Стасика искал. Он у них самый главный. Я догнал его на волейбольной площадке, и мы стали бороться. Мы прямо на снегу боролись. У меня в уши снег набрался. Но у него еще больше набралось. У него все лицо в снегу было и за шиворотом тоже.

Мы долго боролись. Я уже почти совсем его поборол, но только вдруг устал. Борюсь, а мне уже бороться не хочется. Я его отпустил и сел. И он тоже сел.

Я говорю:

— Ну, будешь еще?

А он говорит:

— А ты будешь?

Я говорю:

— Иди сюда.

— Иди ты сюда.

А чего идти, если мы рядом сидим. Просто устали очень. Вдруг Стасик говорит:

— Костя, а я знаю, что такое ПеЗе.

Я говорю:

— Лично ты?

Он говорит:

— Это пионерский завод.

А я отвечаю:

— В лесу родилась елочка.

Он спрашивает:

— Думаешь, ты один там будешь работать? Мы все будем.

А я отвечаю:

— Спасибо, я уже пообедал.

Он говорит:

— Лина Львовна сказала, что там все будут работать. Нам тоже задания будут давать.

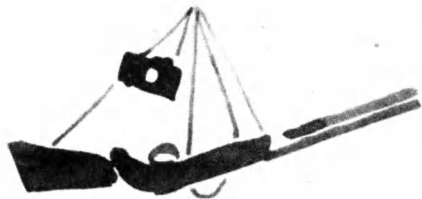
А я говорю:

— Вот Алексей Иванович едет.

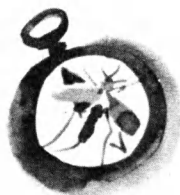
В это время машина как раз к воротам подошла. Я еще издали увидел в кузове Алексея Ивановича и Лину Львовну. Только я Стасику не говорил, чтобы раньше его успеть.

И мы побежали.

И всё.

Рассказы

Счастливый Дзюб

Павлика разбудил здоровенный желтый шмель. Он летал у окна и противно зудел, стучась о стекло. Павлик слез с кровати, подошел к окну и толкнул створки. Мягко зашлепали по стеклу листья; прохладная ветка сирени влезла в комнату, стряхнув на подоконник несколько капель. Шмель свечкой взвился вверх, вспыхнул под солнцем золотой бусиной и исчез.

— Вот так шмель! — сказал сам себе Павлик.

Заранее морщась, он подошел к рукомоЙнику, поддал носик ладонью и потер лоб и одну щеку.

Ходики на стене показывали девять часов.

— Вот так часики! — сказал Павлик.

В соседней комнате распластались по полу солнечные квадраты. С удовольствием ступая по горячему полу босыми ногами, Павлик подошел к столу.

Сдернув газету, прикрывавшую еду, он взял кринку с молоком и пил, пока не захватило дух. Потом очистил яйцо, съел его без хлеба и важно подумал, что сегодня он, если захочет, то может не есть хоть весь день.

Отец с матерью рано утром уехали в город покупать телевизор. Вчера Павлик, узнав, что они уезжают на целый день, обрадовался и еще с вечера начал придумывать, что он будет делать.

Отломив кусочек хлеба, он вышел на крыльцо. Солнце уже высоко поднялось.

Над лугом извивались и таяли в воздухе прозрачные змейки. День был жаркий.

Павлик поднял руку и стал крошить хлеб. Едва первые крошки упали на ступени, со всех сторон — из-за дома, с огорода, из-под сарая — помчались к крыльцу куры. Последним прибежал соседский белый петух. Куры, толкаясь и ссорясь, полезли на крыльцо, а петух стал прохаживаться перед домом, подозрительно поглядывая на Павлика.

Павлик запустил в него коркой. Петух подскочил и вякнул что-то, наверное, выругался.

Прямо с места Павлик прыгнул вниз через три ступени. Ноги разъехались на горячем песке, и Павлик упал. Лежа на спине, он с любопытством смотрел на петуха, который метался вдоль забора, не находя лаза.

Сегодня не было ничего запретного: хочешь — иди на речку, хочешь — на пруд, кататься на плоту, или — на железную дорогу; если приложить ухо к рельсу, то можно услышать, как идет поезд. И Павлик никак не мог решить, что же выбрать. Ему хотелось всего сразу... Он встал и вышел на улицу.

За редким забором соседнего дома копал землю лопатой мальчик с белыми ресницами.

— Жека... А Жека!.. — позвал Павлик.

Жека вывернул большой ком земли, стукнул по нему лопатой и стал внимательно рассматривать.

— Жека, — шепотом спросил Павлик, — Жека, ты чего, а?

— Червей копаю. Не видишь?!

Павлик вздохнул. По началу разговора было ясно, что с Жекой сегодня ничего не выйдет. Жека берет в компанию Павлика только в самом крайнем случае, когда нет никого другого. Павлик уважает его и немного побаивается. Он все делает так, как скажет Жека, даже не спорит с ним никогда.

Жека сильный — он может взять Павлика за руки и кружить по воздуху. И ловкий — он может ездить верхом. Жека умеет надуть лягушек через соломинку...

— Дай я покопаю, — предложил Павлик.

Жека молча вывернул еще один ком.

— Ну, дай!.. — повторил Павлик.

— И без тебя никак не накопать! Сейчас Витька придет, а у меня нет ничего.

— Ты с ним пойдешь?

— А с кем еще?..

— Можно, я пойду?

— Больно умный! — отрубил Жека.

Павлик постоял, помолчал и пошел прочь. Жека крикнул ему вслед:

— А у меня капроновая жилка есть. И крючок кованый... Дачник подарил!

Жека просто хотел похвастаться. Но Павлик подумал, что его дразнят. Он обиделся и стал думать, как бы сделать так, чтобы Жека у него чего-нибудь попросил.

Вот, например, если у Жеки сгорит дом... Жека придет к Павлику и попросит удочку. «У тебя же есть капроновая жилка», — ехидно скажет Павлик. «У меня теперь ничего нет, — грустно ответит Жека и заплачет. — Жилка сгорела, и дом — тоже, и все вещи... Дай твою удочку половить».

Тогда Павлик засмеется и скажет: «Помнишь, ты не взял меня на рыбалку? Теперь и я тебе ничего не дам».

Павлику так ясно представился этот разговор и умоляющее лицо Жеки, что он улыбнулся и помотал головой от удовольствия.

Во дворе Павлик взял грабли и направился за сарай, где в тени лежала гряда старой щепы. Он разгреб щепу и прямо с земли стал собирать червей в две банки сразу. Сзади слышались шаги. Павлик знал, что это Жека, но не обернулся.

— Много накопал? — спросил Жека.

— Две полбанки, — ответил Павлик.

— Дай мне чуть-чуть. У меня только три штуки, а сейчас Витька придет...

Павлик засопел, чтобы не рассмеяться. Лицо у Жеки было как раз такое, будто у него сгорел дом.

— Бери, мне и совсем не нужно, — сказал Павлик.

После такой щедрости Жека, конечно, должен был взять Павлика с собой. Но он забрал червяков и ушел. «Это все из-за Витьки», — решил Павлик и стал думать про Витьку. У Витьки тоже может сгореть дом. Тогда он придет к Павлику и будет проситься переночевать на одну ночь. Павлик даже зажмурился, чтобы лучше представить лицо Витьки. И Витька встал перед ним как живой.

Он долго умолял Павлика. Наконец он заплакал и даже стал биться головой о ель, что росла у них во дворе. Павлик смотрел на него и смеялся безжалостным смехом. А потом ушел навсегда из дома и сделался машинистом электрички.

В этот момент снова пришел Жека.

— Ты Витьку не видел?

— Никого я не видел.

— Обещал в шесть разбудить, а сейчас уже девять...

— Уже десять, — злорадно сказал Павлик. — Он и не придет вовсе.

— Еще как придет... — не очень уверенно возразил Жека. — Мы позавчера договорились. А он никогда не обманывает.

— А кто у тебя колесо от тачки украл? — напомнил Павлик.

— Колесо? Подумаешь, колесо... — Жека повел плечом и внешне обозлился. — Ему вообще верить нельзя! Он всегда врет!

— Ага! Он такой... — с готовностью подтвердил Павлик.

— Я еще ему ноги повыдергаю! — пригрозил распалившийся Жека.

— Ага! — звонким голосом подтвердил Павлик. — Хордшо бы, у него дом сгорел! Да?

Но Жека не понял его.

— Нет, дом не надо, — сказал он. — У них дом новый. Пойдешь со мной?

— Я?!

— А то кто, свинья? — усмехнулся Жека.

Павлик не обиделся. Наоборот, он засмеялся еще громче Жеки, хотя и понимал, что смеется над собой.

— Только ты вот чего... — сказал Жека. — Котелок возьми, будем уху варить. Я бы взял, да неохота домой идти.

Павлик бегом бросился в дом и вынес белую эмалированную кастрюлю. Он знал, что ему попадет за кастрюлю, но это будет когда еще... А сейчас надо было торопиться, пока у Жеки не изменилось настроение.

Пыльная дорога привела их к лугу, расчерченному валками скошенной травы. Они перепрыгнули через канаву и зашагали по стерне, шаркая ногами, чтобы не уколотся.

День был безветренный и жаркий. Над лугом стоял неумолчный звон. Это кузнечики пели свои песни. В небе грелись под солнцем белые облака. «Почему они никогда не загорают? — подумал Павлик. — Ведь у меня тоже спина сначала белая, а потом становится коричневая... А они целый день жарятся — и хоть бы что. Правда, бывают темные облака, но это — тучи. Может быть, туча — это облако, которое загорело?»

Ребята поднялись на полотно железной дороги и зашагали по шпалам. Тревожно свистя, вылетела из леса электричка. Они уступили ей дорогу.

— Два машиниста! Видел? — воскликнул Павлик.

— А хоть двадцать два... — пробурчал Жека. — Все равно по шпалам идти — хуже нет. Через одну наступать — широко, а на каждую — очень узко. Им же все равно, как дорогу строить, придумали бы такую, чтобы ходить было удобно.

— Ага, — согласился Павлик. Он хотел еще спросить, почему в будке два машиниста, но в это время из придорожных кустов вылез толстый дачник в резиновых сапогах и с рюкзаком. В руках он держал спиннинг и несколько удочек, связанных пучком. Все снаряжение у этого человека было совершенно новенькое: сверкающая катушка на спиннинге, зеленые бамбуковые удочки, сапоги, оставляющие на песке четкий рубчатый след. Ремешки на рюкзаке были такими гладкими и блестящими, что их хотелось лизнуть.

— Ого! — сказал дачник, подходя к ним. — Тоже рыбаки?

Павлик и Жека молча уставились на него.

— Чего же вы молчите? — спросил дачник, стараясь казаться очень веселым. — Может быть, вы думаете, что я Карабас-Варабас?

— Не... — сказал Жека.

— Вот и хорошо! — весело воскликнул дачник. — Я такой же рыбак, как и вы. Люблю с удочкой посидеть. Рыболовы самый лучший народ, верно?

— Не... — сказал Жека.

— А кто же лучше?

— Мы не знаем.

Дачник громко засмеялся и подмигнул ребятам, отчего лицо у него сразу стало такое, будто он собирался заплакать.

— А хотите, ребята, я вам крючков дам? — неожиданно предложил он. — У меня всякие есть. И кованые и заглотиши... Я вам крючков дам, а вы мне места покажете, где лучше клюет. Вы, наверное, тут все места знаете?

— Не... зачем... — угрюмо сказал Жека.

Но дачник не унимался. Он достал из кармана стеклянную баночку, отвинтил крышку и высыпал на ладонь горку крючков. Тут были и черные, и желтые, и большие, и маленькие, были даже белые, каких Павлик никогда не видел. Павлик шагнул вперед, но Жека дернул его за руку.

— Мы пойдем, дядя, — сказал Жека.

— А как же наш уговор? — все еще бодрым голосом спросил дачник. — Возьмете меня с собой? А я... — Он полез в карман. — А я вам полтинник дам.

— Не... — сказал Жека, переминаясь с ноги на ногу.

Дачник заморгал глазами, сердито швырнул крючки в банку. Лицо у него было такое обиженное, что Павлику стало его жалко и он хотел сказать, что никаких мест они не знают. Но Жека уже тянул его в сторону. Они шли насыпью, и Павлик несколько раз оборачивался, чтобы взглянуть на этого толстого, шумного и странного человека.

— «Карабас-Барабас»... — передразнил Жека. — Места ему покажи! Боров толстый!

— А крючки хорошие. Да, Жека? — сказал Павлик. — А кто это Карабас-Барабас?

— Тут один... — Жека сплюнул на рельс. — Ты не знаешь.

И Павлик с уважением подумал, что Жека очень умный и смелый.

Сойдя с дороги, они еще долго шли лесом, пока не вышли к низинке, где в берегах, заросших осокой, пряталась ленивая речка Орлинка.

Над темной водой летали голубые стрекозы. Невдалеке от берега торчали две камышины. Паутина, растянутая между ними, блестела, как жестяная. Прямые стрелы осоки, прибрежные кусты, облепленные пухом, зеленая ряска и листья кувшинок — все было неподвижно, все застыло, разморенное солнцем. Такая стояла над Орлинкой тишина, что когда лягушка нырнула в воду, то шлепок раскатился, как выстрел.

На цыпочках, чтобы не распугать рыбу, ребята подошли к реке. Забросив удочку, Павлик замер.

У самого берега плавало на воде отражение солнца. Поплавок медленно сносило течением в этот ослепительно желтый круг. Павлик жмурился от нестерпимого света, он боялся пошевелиться, чтобы не рассердить Жеку.

Но Жека не выдержал первым.

— Тут один окуня поймал. Здоровый! — сказал он шепотом.

— Ага, — так же шепотом отозвался Павлик.

— До войны тут знаешь сколько окуней было? Немцы всех поглотили снарядами.

— Ага! — подтвердил Павлик, и ему сразу представился толстый немец, бросавший в речку снаряды. Немец был похож на дачника с удочками.

— Жека, — холодея, сказал Павлик, — а Жека... Этот дачник шпион, может быть?

Но тут у Жеки клюнуло, и он вытащил окуня.

— Вот это да! — заорал Жека. — Вот это шпион! Попался!

Павлик вскочил, забыв про дачника.

— Ура! Шпион!

— В тюрьму шпиона! — крикнул Жека.

— В тюрьму шпиона! — завопил Павлик.

Жека набрал воды в кастрюлю и выпустил туда «шпиона». Они

ползали на коленях возле кастрюли, рассматривая окуня, и тыкали в него веточкой, чтобы он растопырил свои колючки.

Наконец окунь перевернулся кверху брюхом, и ребята возвратились к удочкам.

Больше они ничего не поймали, хотя просидели часа три.

— Давай уху сварим, — предложил Жека.

— Из одной рыбины?

— А мы воды нальем побольше.

— А ножик есть, чистить?

— Окуня нужно с кишками варить, — солидно сказал Жека. — Навару больше будет. Иди за дровами.

Павлик принес сухих веток. Жека сложил их крест-накрест и поджег.

При солнечном свете пламени почти не было видно, — будто сами по себе раскалялись, начинали светиться ветки. Костер прогорел очень быстро.

— Говорил я тебе — толстых неси, — недовольно сказал Жека. — Лучше я сам принесу.

Жека ушел, а Павлик встал на четвереньки и начал дуть под кастрюлю изо всех сил. Ему очень хотелось, чтобы уха сварилась, прежде чем придет Жека. Он дул, пока не закружилась голова; угли под кастрюлей гудели, но вода не закипала.

Пришел Жека и швырнул возле костра охапку сучьев.

— По дороге дровину уронил, — сказал он по-прежнему недовольно. — Иди подбери.

И Павлик, чувствуя себя виноватым, вскочил и побежал искать дровину, даже не спросив, где она лежит.

— Не та, — сухо сказал Жека, когда Павлик притащил еловый сук.

Павлик, покрасневший от усердия и раскаяния, стоял подле костра и думал: что бы такое сделать? Как умилостивить Жеку? Как ни странно, в глубине души Павлик был на его стороне. Может быть, тем самым отстаивал он свое право распоряжаться и командовать, когда вырастет такой же большой.

— Порядок в танковых войсках, — сказал Жека. — Пусть уварится. Купнемся?

Не дожидаясь ответа, он сдернул штаны, рубашку, приплясывая, сбежал к реке и прыгнул в воду.

Павлик, так же приплясывая, побежал за ним и с нарочитой неловкостью, болтая ногами, стараясь поднять как можно больше брызг, обрушился в речку.

— А я в штанах!.. — крикнул он, вынырнув. — Я нарочно! В штанах прыгнул!

— Ура! — ответил Жека, нырнул и схватил Павлика за ногу.

Павлик, набрав воздуха, тоже нырнул, нащупал руками голову Жеки и притянул ее к себе. Они столкнулись лбами и открыли глаза.

— Бурл-бул... — сказала Жекина голова, выпустив серебряный пузырь.

— Блуп... — ответил Павлик.

Они вместе вынырнули на поверхность и захохотали. От смеха

у Павлика сразу отяжелели руки. Он хотел перестать смеяться, но от этого засмеялся еще сильнее и окунулся с головой. Ему стало страшно, но он ничего не мог поделать — даже под водой ему хотелось смеяться.

То погружаясь, то выныривая, хохочущий и бледный Павлик кое-как добрался до берега и, обессиленный, растянулся на траве.

Мимо прошлепал Жека.

— В воде смеяться нельзя, — назидательно сказал он. — В прошлом году одна знаешь как нахлебалась? Чуть не до смерти! Сама тонет и смеется. . .

Прижавшись щекой к траве, Павлик молча смотрел, как Жека танцевал на одной ноге, стараясь другой попасть в штанину. Жека подошел к костру и застыл, бессмысленно, как показалось Павлику, глядя на огонь. Затем он схватил ветку, поддел кастрюлю и швырнул ее в сторону.

— Иди скорей!

Павлик, прежде чем подошел, понял, что случилось. Чудесная новая кастрюля с белыми, блестящими боками. . . От копти она стала совершенно черной! Вода выкипела; эмаль потрескалась и отлетела во многих местах. На дне припекся и чадил бурый комок с головой окуна.

Кастрюля тихо потрескивала, остывая.

— Нужно ее в воду, — решил Жека.

Он зацепил кастрюлю палкой за ручку и понес к реке. Ни он, ни Павлик не подумал, что этого нельзя было делать. Попав в воду, горячая кастрюля совсем облупилась.

— Тебе попадет?

Павлик кивнул.

— А ты скажи, будто ее цыгане украли. Как раз они утром проходили, — я видел.

— Правда? — с надеждой спросил Павлик.

— Честное пионерское, чтоб мне провалиться! Они если даже и не украдут. . . все равно на них подумают. Потому что они настырные.

Павлик чуть улыбнулся: все-таки Жека — настоящий друг.

Через минуту они уже гоняли кастрюлю по лугу, пока она не свалилась в речку.

— Теперь ей крышка, — с удовольствием сказал Жека.

— У нее крышка, и ей крышка! — засмеялся Павлик.

— И у дома крыша! — подхватил Жека.

И все вместе это было так смешно, что они повалились на траву и смеялись до слез, болтая ногами в воздухе. Павлик вспомнил, как здорово он искупался в штанах, и подумал, что теперь они будут ходить с Жекой каждый день.

— Жека. . . — начал он.

— Крышка! — отозвался Жека.

И опять раскатился взрыв хохота. Голоса ребят, отраженные стеной леса, возвращались обратно, и казалось, что лес смеется вместе с ними.

Потом они, усталые, лежали рядом и смотрели в небо. Облака стояли на месте, а земля неслась под ними, как большой

корабль. Далеко, на дне голубого провала, с неторопливым рокотом проплыл пузатый жук.

— Вертолет, — сказал Жека. — Лес тушить полетел, наверное.

— Почему лес?

— Сухо. Горит везде. Ты бы хотел лес тушить?

— Ага... — лениво сказал Павлик.

— И я бы хотел. Говорят, скоро вертолеты будут всем продавать.

Для личного пользования. С велосипедным мотором. А милиционерам и почтальонам — бесплатно. Бензин у них будет специальный, химический.

— Химический... — засыпая, пробормотал Павлик.

Они спали долго. Сквозь сон Павлик слышал, как вертолет прилетел снова. Он кружился над ними и грохотал все громче, но никак не мог улететь. Потом он стал стрелять из пушки, и Павлик проснулся.

Огромная сизая туча с оплавленными золотыми краями шла над лесом. Резкий удар грома хлестнул по земле, и лес ухнул и пригнулся, смятый порывом ветра.

Жека тоже проснулся и вскочил на ноги. Подобрал удочки, они бросились к опушке и укрылись под большой елью. Отсюда был виден притихший луг и кусты над рекой, замершие, будто скованные страхом. С минуту стояла настороженная, недобрая тишина. Затем где-то далеко зародился и стал приближаться глухой шум. Он двигался быстро, как поезд. И когда он подошел вплотную, на землю обрушился дождь.

Плотная серая занавеска опустилась на луг, и только на другом берегу Орлинки, над багрово-красным обрывом, тянулись к земле золотые нити.

— Как на елке! — шепотом сказал Павлик.

Ель недолго спасала их от воды. Сверху зачастили тяжелые холодные капли.

— Бежим домой по дождю, — предложил Жека, — все равно мокро.

Павлик поехал.

— Бежим, под дождем теплее.

Они выскочили из леса на поле, и ливень, хлестнув им в спину, вымочил с головы до ног в одну секунду. Это было даже приятно, — как будто окунулся в теплую воду.

Вдоль дороги, по канаве, мчался коричневый бурный поток. Вода, исклестанная дождем, пузырилась и кипела. Жека влез в канаву и пошел против течения.

— Я иду по реке босиком! — крикнул он.

И тотчас же Павлик спрыгнул в канаву и побрел вслед за Жекой, не обращая внимания на щепки и мелкие камни, больно ударявшие по ногам. Все это вместе: и быстрая мутная вода, и капли дождя, секущие спину, и краешек голубого неба, показавшийся на горизонте, и даже то, что вокруг не было ни души, — все это было так прекрасно, что Павлику захотелось сделать что-нибудь особенное.

— Жека!

Жека обернулся.

Павлик подогнул ноги и сел прямо в воду посреди канавы. Тараща глаза и кривя рот, чтобы было еще смешнее, он захлопал по воде ладонями.

Жека расхохотался и двинулся дальше. Павлик вскочил и пошел за ним, распевая:

Дождик, лей, лей, лей!
Этот дождик чимбалей!
Дождик, лей, лей, лей!
Этот дождик чимбалей!

Размахивая руками, он маршировал под эту песню и загребал ногами, разбрызгивая воду.

Дождь прекратился сразу, как будто завили кран. Ребята вышли на околицу. В самом конце широкой и прямой деревенской улицы медленно уходила за горизонт половинка солнца.

— Вот это да! Часов девять, — сказал Жека.

Павлик, прищурившись, взглянул на солнце, от которого оставался уже лишь узкий ломоть.

— Полдесятого, — сказал он наугад.

На крыльце магазина сидел промокший дачник с рюкзаком. Он угощал пивом пастуха и все спрашивал о местах, где хорошо клюет рыба. А пастух пил пиво, сочувственно кивал головой, но помалкивал. Он тоже не знал таких мест. Павлик подумал, что если он найдет такое место, то обязательно приведет туда дачника и даже не возьмет за это крючков.

Они обогнали колхозное стадо.

Коровы шли медленно. Павлик подошел к одной и похлопал ее по влажному, дымящемуся боку. Раньше он никогда так не делал, но сегодня ему почему-то ничто не было страшно. Сегодня был удивительный, счастливый день.

У Жекиного дома они встретили Витьку.

— Чего ж ты! — сказал Витька Жеке. — Я тебя ждал, ждал, а тебя, оказывается, и вовсе нету.

— Это я тебя ждал! — вскинулся Жека.

— Нет, я, — уперся Витька.

— Витька, он правда тебя ждал, — храбро вмешался Павлик.

Витька презрительно взглянул на него.

— Ты еще тут... Молчи, пока не получил.

Павлик потихоньку подвинулся за спину Жеки.

— А вот и не получит, — сказал Жека, делая шаг вперед.

— А вот получит! — Витька сделал шаг назад.

— А не получит! — уже громче сказал Жека, делая еще шаг вперед.

— Еще и ты получишь! — Витька отступил сразу на два шага.

— Не получу!! — грозно сказал Жека и двинулся на Витьку, выставив вперед плечо.

Витька отбежал на несколько метров.

— Колесо украл! — крикнул Павлик, чувствуя себя в безопасности.

— И еще украду! — заорал Витька. — Всю тачку украду!

Жека нагнулся и поднял камень. Витька скрылся за углом забора.

— Не приду к тебе никогда... — донеслось издали.

— И не надо! Не надо! — заорал Жека. — Мы теперь с Павликом!.. Лучше не приходи в наш конец!

«Мы с Павликом...» Услышав эти слова, Павлик ощутил в себе такое мужество, что подобрал камень, брошенный Жекой, и побежал к забору. Но Витьки уже не было.

— Завтра опять пойдем, — предложил Жека, когда Павлик вернулся. — Верно?

— Ага! — с восторгом сказал Павлик. — Еще и не туда... Еще и не туда... Еще больше наловим!

— Я тебя разбужу, — сказал Жека. — Только ты вот что... кастрюлю захвати. Может, много наловим, тогда еще сварим.

Павлик задумался. Напоминание о кастрюле отозвалось в низу живота легким холодком. Дома ждала мать. Она, конечно, заметила пропажу. Но Павлик не мог отказаться от своего счастья. Если Жеке нужна кастрюля, она будет!

— Я принесу, — ответил Павлик. — У нас есть еще три. Еще побольше той.

И Павлик храбро поднялся по ступенькам крыльца.

Так усторожи Компас

Еще в конце мая сплыла по реке последняя льдина, ослепительная, как весна. Стрелками поднялась молодая трава. Оттаяли промороженные до звона кедры. Даже вытертые ледоходом береговые кусты вдруг расцвели и зазеленели.

На земле дымятся бурые прошлогодние листья, корежатся от тепла, сворачиваются в трубки; дымятся серебристые от мха стволы, дымится опавшая хвоя. Кажется, сам воздух дымится и под кронами елей лучи солнца протянулись голубыми столбами.

Зимой в тайге сто дорог, — иди куда хочешь. А сейчас валежник затаился в густой траве, всякому проходящему норовит дать подножку. Луговицы стали болотами, поляны — озерами. Путь по тайге извилист и труден.

Из леса на обогретую солнцем поляну вышел паренек. Поведя плечами, он поправил мешок за спиной, посмотрел назад и, мотнув головой, сплюнул. На его скуластом лице появилась гримаса неудовольствия.

— Ну, долго ты там? — крикнул он.

— Иду-у, Сеня-а-а!.. — отозвался кто-то из тайги.

Из-за дерева вынырнул мальчик, такой же скуластый и тоже с мешком. Он встал на четвереньки, сопя, пролез под лесину, через которую только что перешагнул Семен, и улыбнулся.

— Жарко...

— То тебе жарко, то тебе холодно... Давно бы дома были!

— Я и так бегом бегу, — сказал мальчик, ничуть не обижаясь, — я ведь не лошадь. — Видно, ему понравилось это сравнение, и он повторил еще раз: — Конечно, я не лошадь.

— Не мели! — приказал брат. — Идем!

— Я расстегнусь? — Мальчик оттянул воротник ватника и pokrutil шей. — Жарко!

— Не смей! — сказал брат и зашагал дальше.

— Ну, тогда вот!.. — крикнул мальчик, срывая с головы шапку. — Ладно?

— Ладно, — ответил брат, не оборачиваясь.

Они шли уже часа три. В мешках, которые висели у них за спиной, лежало по восемь килограммов муки; груз разделили поровну. Но сил у них было совсем не поровну. Младший быстро устал и все время отставал.

На стройку, куда их послала мать, они приплыли пароходом. В магазине была мука двух сортов: белая и белоснежная. Они купили белоснежной и теперь шли напрямик, тайгой, потому что на обратную дорогу не осталось денег.

Роса еще не высохла. Маленькие солнца выглядывали из каждой капли. Мальчик с сожалением смотрел, как они скатывались вниз и гасли под каблуком. Ему надоело идти молча.

— Сень, а за муку нам не попадет? Мамка сказала купить по тридцать.

— А купили по пятьдесят. И всё! — ответил Семен.

Мальчик, придерживая мешок, пробежал несколько шагов, догнав брата. Нога поскользнулась на мокрых листьях. Он упал. Мешок стукнул его по спине, вспыхнуло белое облачко и плавно опустилось на землю.

Мальчик не двигался, прижавшись щекой к траве, смотрел, как, сев на каплю росы, шевелилась, словно живая, и быстро темнела пылинка. Подниматься с прохладной земли не хотелось.

Брат остановился. Мальчик вскочил и, глядя себе под ноги, принялся стряхивать листья с ватника.

— Последний раз я с тобой пошел! Понял?

Мальчик ничего не ответил, проверил, не развязался ли мешок, и двинулся вслед за братом. Некоторое время слышалось только шуршание травы и треск сучьев под ногами. Постепенно с лица мальчика сошло выражение озабоченности, он улыбнулся каким-то своим мыслям и, не выдержав, снова крикнул:

— Сень, а скажи, почему большие всегда кричат на маленьких? Нет, ты скажи, а?

Семен не отозвался.

Через полчаса сзади снова послышалось:

— Сеня-а-а, подожди-и!..

Задержавшись, Семен услышал торопливую припрыжку и шумное дыхание. Он видел, что брат старается изо всех сил, но все-таки раскрасневшийся, путающийся ногами в траве мальчишка вызывал у него раздражение. Семен тоже порядком устал. Но он не хотел показывать этого, а разговаривал с братом сурово потому, что самый простой способ скрыть свои слабости — это свалить их на другого.

— Давай, давай!.. Устал, что ли?

— Тебе хорошо, у тебя сапоги, — сказал мальчик. — А у меня ботинки. В них уже чавкает. Слышишь? — В его голосе не было ни малейшей обиды. Так уж повелось, что старшие всегда кричат и командуют. Так было всегда. И будет вечно. И в конце концов к этому можно привыкнуть.

Семен посмотрел на мокрые ноги брата, взглянул на свои толстокожие, добротные сапоги и впервые за всю дорогу не нашел, что ответить.

— Ладно, — сказал он после раздумья, — снимай. Сейчас костер разожжем.

Через несколько минут они сидели у костра, и мальчик, протянув к огню побелевшие, словно выстиранные ступни, снова попытался завязать разговор:

— Сень, а ведь тебе дома влетит за курево! Придем, мамка скажет: «Дыхни». Дыхнешь, а?

Семен, занятый раскуркой громадной, неуклюже слепленной самокрутки, негодующе мотнул головой, поперхнувшись дымом.

— А мне что... — торопливо сказал мальчик. — Мне ничего... Я-то не скажу. Она сама узнает. Сень, а правда, что на Гнилом покосе комары лакшеевскую корову сожрали?

— Их и здесь хватает, — ответил Семен и дунул дымом, стараясь попасть в самую середину плотного комариного облака. — А насчет коровы: рога да шкура остались. А так — всю высосали.

— И кости?

— Нет, кости вроде тоже остались. Только никто их не видел. Сам-то Лакшеев на покос не лазил — побродил с краю. Говорит: рога торчат на середке. А может, это и не рога, а сучок.

— Может... — согласился мальчик. — Только коровы у него теперь нет.

— Сейчас на Гнилой идти можно, только если ветер дует, — продолжал Семен. — Иначе заедят. Самое их время.

— Точно. Они сейчас вылупляются, — подтвердил мальчик. — А ты бы пошел?

— Ну да!.. С тобой еще я пошел бы! — внезапно рассердился Семен. — Ты на твердом-то месте ровно хромой!

— А один?.. — настойчиво допытывался мальчик.

— Вот смола! Чего пристал!

Не хватило у Семена духу ни соврать, ни правду сказать. Июнь — комариный месяц. Ступи ногой — и везде, где есть хоть немного воды и тени в ложбинах, в прибрежном тальнике, на болоте, — вскинется в воздух звонкий серый клубок. Можно задыхаться в накомарнике, мазаться дегтем, залезать в самую середину костра — бесполезно. Среди миллионов всегда найдутся тысячи, которые не боятся ни дыма, ни дегтярного запаха, ни взмахов рук. А на Гнилом покосе комаров было столько, что даже лоси обходили его стороной в это время.

— Нет, я бы ни за что не пошел, — сказал мальчик.

— Может, мы тут и заночуем? — сердито спросил Семен, которому этот разговор был явно не по душе.

— Я сейчас... — заторопился мальчик. — Видишь, ботинки от огня скорезжились, не надешь. А горячо! — обрадовался он, сунув ногу в нагретый ботинок. — Вот всегда бы так!

Семен просунул руки в лямки мешка и, не оглядываясь, пошел вперед. Он прошел всего несколько шагов и вдруг, провалившись куда-то ногой, упал набок. Мальчик засмеялся и крикнул:

— Последний раз я с тобой пошел! Понял? — и умолк, увидев, как внезапно изменилось лицо брата. — Ты чего, Сень? — шепотом

спросил он, подбежав к брату, и потянул его за плечо. Тот приподнялся на руках, и удивление на его лице сменилось выражением страха и боли. Он медленно опустил на живот, загреб горстями траву и потянул ее к себе, выдирая с корнем.

— Сеня-а! — в ужасе крикнул мальчик. — Сеня-а-а!

— Нога-а... — простонал Семен.

Он не шевелился, только пальцы его то сжимались, то разжимались.

Услышав голос брата, мальчик немного успокоился.

— Ты за меня держись, — сказал он, опускаясь на колени и подставляя плечо.

— Уй-ди! — сквозь зубы ответил Семен.

Мальчик в растерянности смотрел на беспомощную фигуру брата. По растрепавшимся волосам Семена деловито, словно ничего не случилось, сновали муравьи. Нога, застрявшая в отнорке, изогнулась необычно — вбок. Так не должны гнуться ноги.

Мальчик прополз до отнорка и стал выдирать траву.

— Уй-ди! — И, уже не сдерживая боли, Семен застонал.

— Сейчас, Сеня, откопаю только. Откопаю и пойдем, — заторопился мальчик. Он скобил ногтями проплетенную корнями землю. В глубине она была сухой и твердой.

Когда пальцы мальчика касались сапога, спина Семена вздрагивала и напрягалась.

— Теперь можешь?

Семен перевалился на спину, попытался сесть, но каждое движение отзывалось беспощадной болью.

— Не могу... — с усилием сказал Семен. — Один... дойдешь? Сашок... позови людей.

— Ты попробуй, Сеня... Я дороги не знаю.

— Дурак! — крикнул Семен. — Я ногу сломал! — И снова заговорил тихо, отделяя слова большими паузами: — У меня... в кармане... компас. Достань. У стрелки один конец красный... Видишь?

— Вижу.

— Иди, куда... показывает, — выйдешь к реке... Кричи... На той стороне Байкит... Только никуда не сворачивай...

Черная коробочка с дрожащей стрелкой лежала на ладони мальчика.

И внезапно ему стало страшно.

Небо над головой. Тайга. Тишина. Все это было громадно по сравнению с маленькой пугливой стрелкой.

— Иди, Сашок, — проговорил Семен. — Как-нибудь... Никуда не сворачивай.

Беспрерывно оглядываясь, мальчик пошел через полянку.

— Не сворачивай! — крикнул Семен ему вслед.

Деревья расступились и сомкнулись сзади. Шум шагов не стихал сразу, и за спиной долго еще что-то шелестело и потрескивало. Шорохи разлетались по сторонам, стукались о стволы деревьев, приходили обратно. В молчании тайги было что-то затаенное. Казалось, вот-вот все вокруг взорвется, закружится и понесется вперед со свистом и уханьем. Внезапно обострившийся слух улавливал каждый

шорох, и мальчик побежал, стремясь уйти от этих, сходящихся со всех сторон звуков. Только раз он остановился, чтобы взглянуть на компас, и сразу же почувствовал, как ноют натруженные лямками плечи. Второпях он забыл снять мешок.

Мальчик скинул мешок, поставил его на сухом месте, у подножия дерева. Отойдя несколько шагов, оглянулся. Мешок, пятнистый от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь листву, сливался с обомшелыми бугорками, и мальчик не сразу отыскал его взглядом. «Потом не найти, — подумал он, — пропадет...» — вернулся и снова вскинул мешок за плечи.

Лес впереди посветлел. Над головой распахнулось небо. Далеко впереди, ломаясь в теплых струях, плыла в воздухе кромка леса. По сторонам раскинулось кочковатое желтое поле. Ему не было конца ни справа, ни слева. На маслянистой воде между кочками застыло тусклое, неживое солнце. Тяжело и неподвижно обвисли длинные стебли болотных трав. Это был Гнилой покос. Мальчик узнал его сразу, хотя раньше никогда не видел. Узнал по свинцовому блеску воды и по еле уловимому звону, который, как говорили, всегда стоял в июне над Гнилым покосом.

Красный конец стрелки показывал прямо на болото. Мальчик встряхнул компас; стрелка заметалась под стеклом, покачалась из стороны в сторону и снова замерла в прежнем положении. Тогда он осторожно стал поворачивать коробочку, надеясь, что стрелка все-таки показывает неверно. Может быть, она зацепилась или случилось что-нибудь другое... Ведь это неправильно, что он, восьмилетний мальчик, должен идти прямо туда, где, наверное, валяются рога дурной лакшеевской коровы. Но как он ни старался обмануть стрелку, она упрямо показывала на болото.

А если не сделать так, как показывает стрелка, Сенька останется лежать в лесу с ногой, изогнутой нелепо, как ложка в стакане с чаем.

И мальчик пошел прямо. Он ступил на податливую, пружинящую, как матрац, землю и сразу провалился по колено. Маленькие юркие пузыри защебетали возле ноги. Болото вздохнуло, неохотно выпуская ногу. Второй шаг был таким же трудным. Но скоро земля стала тверже, и он пошел быстрее. И тогда снова послышался тихий неумолчный звон. Он висел над болотом — монотонный, идущий со всех сторон, как будто звенели и земля, и воздух.

На кистях рук шевелилось что-то прилипчивое и колючее, как шелуха. Комары! Мальчик не заметил их сразу потому, что их было слишком много. Они облепили одежду и каждую клеточку голой кожи. Мальчик побежал, но серое облако по-прежнему плыло над головой — живое, беспокойное, неутомимое.

Кончилась твердая поляна, и нога с размаху погрузилась в трясину. Мальчик упал плашмя. Кочки охотно расступились. Что-то холодное цепко схватило за ступню. Он рванулся. Колыхнулся мягкий живот земли, вздрогнули соседние кочки. Болото не отпустило.

И тогда мальчик заплакал. Он не думал ни о чем в этот момент, он слишком устал и измучился, чтобы думать. Он просто лежал и плакал.

Комары облепили лицо и шею, но он уже не чувствовал боли. Он

провел рукой по лицу. Комары посыпались в воду. Но на смену им с тупым комариным бесстрашием бросились новые.

Мальчик оперся руками на кочки и начал осторожно раскачивать ногу. Трясина отпускала неохотно, по сантиметрам. Выдернув ногу, он прополз несколько метров и встал. Промокший мешок стал еще тяжелее. Лямки врезались в набухший ватник, но тяжесть мешка не ощущалась отдельно: он как бы слился с одеждой, припаянной водой к телу.

Мальчик разжал кулак. Пучок травы скатился с ладони. Компаса не было.

И тогда он снова заплакал.

Но слезы мешали видеть. Он вытер глаза кулаком, лег на живот и принялся шарить в илистой воде между кочками. Перед лицом прыгали пузыри. Склонившиеся над головой кустики травы показались ему непомерно большими, как деревья. Они закрыли горизонт и солнце. На краях стеблей четко выделялись зазубрины. И мальчику вдруг показалось, что он стал очень маленьким, как муравей, и может теперь ползти по этим стеблям и не проваливаться больше в воду.

Наконец он нащупал коробочку компаса и с трудом встал на ноги. Под стеклом в желтой воде по-прежнему неподвижно стояла стрелка.

Мальчик пошел вперед. Оступаясь на кочках, разбрызгивая воду, он шел с бесстрашием бесконечно уставшего человека.

Под ногами перестало чавкать. Колючая ветка хлестнула по лицу, и это было даже приятно: будто почесала зудевшую кожу. Показались прибрежные кусты, но мальчик не увидел их. Он уже почти ничего не видел: брови и веки оплыли от укусов, кожа стала упругой, как сырое тесто.

Он сел на песок у самой воды. Услышал гудок и клёкот воды за кормой. Снизу шел пароход. На пароходе играло радио, и до берега доносились музыка, вздохи машины и громкий разговор. Звуки не смешивались и были слышны каждый в отдельности. Говорил уверенный густой голос:

— ... А в Красноярске на самолет — и в Сочи. Вода — двадцать девять градусов... Пальмы! Мандарины прямо с дерева! Представляете?

Мальчик разлепил пальцами веки. Пароход шел близко. У перил лицом друг к другу стояли двое мужчин.

— Э-э-э-эй, дя-а-аденька! — крикнул мальчик.

— Мандаринов еще нет, — ответил другой голос, — они в октябре...

— Э-э-э-эй, сто-ойте! — снова крикнул мальчик и замахал руками.

На этот раз его услышали. Мужчины повернулись, и один из них тоже помахал рукой. Вдоль берега, шипя, прокатилась волна. Пароход скрылся за поворотом.

Перед глазами мальчика поплыли большие искрящиеся шары. Все происшедшее сегодня, казалось, было давным-давно. И очень хотелось спать. Он прижался щекой к мокрому песку и подумал устало: «Сенька, наверно, умер...»

«Сенька умер... Сенька умер...» — застучало в висках, и, когда смысл этих слов дошел до сознания, мальчик вскочил на ноги. Вер-

нее, ему показалось, что вскочил. Он поднялся медленно, с трудом расстегнул ватник и сбросил его вместе с мешком. Затем снял штаны и прикрыл ими мешок с промокшей мукой.

Из-за кустов выплыла лодка. Две женщины, сидя между копенками сырого сена, не спеша гребли по течению. Они увидели мальчика и бросили весла.

Он стоял по пояс в воде, съежившись и всхлипывая. Потом шагнул вперед, поплыл, мотая головой, крестя воду неуклюжей мальчишеской саженкой. Плыл он как-то странно: правая рука загребала ладошкой, левая — кулаком.

— Купальщик! Дурной! — крикнули женщины.

Мальчик поднял голову из воды, и они увидели его распухшие, слепые веки.

Когда его втаскивали в лодку, из разжавшегося кулака выкатилась и упала на колени одной из женщин черная коробочка компаса.

...К вечеру Семен уже лежал в больнице. А мальчик только через два дня увидел солнце.

Его спросили:

— Зачем полез в болото? Обойти не мог?

— Сенька сказал: «Не сворачивай», — ответил он.

— Ну, а вплавь-то зачем? Ширина здесь — километр, а то и больше. Утонул бы...

— Сенька сказал: «Не сворачивай!»! — упрямо повторил мальчик и нахмурился. — У меня был компас... И стрелка показывала все время прямо. Я же не виноват, что он так устроен.

Олой Степка

В субботу на уроке географии Степка Хокканен получил двойку. Я считаю, что получил он ее за свой язык.

Говорят, будто финны народ неразговорчивый. Степка — финн, но болтает почище любого. Из-за этого мы с ним и дружим. Мне нравится, что он может ответить на какой хочешь вопрос. Даже если не знает, — соврет, но ответит. А Степке нравится, что я больше молчу или поддакиваю и он может говорить сколько влезет. Меня всегда хвалили за скромность.

Раньше мне было это приятно, и теперь я вырос такой скромный, что самому противно. Иногда возьму и просто для себя начну придумывать какую-нибудь историю. Получается не хуже, чем у Хокканена. Но при нем не могу, он меня забивает. Еще мне нравится, что Степка умеет становиться бешеным, когда захочет. Если, скажем, на нас по дороге из школы нападут ребята с турбазы, то у Степки лицо сразу делается красным, а на шее надувается жила. Он швыряет портфель в грязь и идет прямо на турбазовских, размахивая кулаками. Турбазовские разбегаются, хотя в этот момент ничего не стоит дать Степке в поддыхало, потому что, размахивая руками, он закрывает глаза.

Сначала мы со Степкой дружили просто так, из-за того, что рядом живем. Но потом нам понравилось, и мы договорились дружить на всю жизнь. Мы решили все делить пополам. Один раз Степка достал семь кованных крючков. Он сразу отдал мне три и себе взял три, а лишний бросил в колодец. Потом мы целый день доставали крючок магнитом, чтобы он не попал кому-нибудь в ведро.

А когда еще весной к нам приезжал папин товарищ, охотник, и оставил полпачки патронов, я тоже принес их Степке. Он стащил у отца ружье, мы ушли в лес подальше и начали подбрасывать свои

шапки и стрелять в них по очереди. Степка стреляет лучше меня: он попал в свою шапку, а я нет. Поэтому его выпороли, а меня нет, и он злился на меня целую неделю.

И все-таки я завидую Степке. Пускай бы и меня пороли: по крайней мере, все кончается очень быстро, да потом еще жалеют. Меня вот не жалеют нисколько. Как начнут родители воспитывать, так и воспитывают по два часа — даже уроки делать некогда. И все примеры приводят из своей жизни, будто они были такие золотые — прямо серебряные. Мне надоест их слушать, и я начну кашлять. А они и кашель используют.

— Вот, ходишь — душа нараспашку... Видишь, к чему это приводит? Так и до чахотки недалеко! А мы ведь тебе только добра желаем...

А по-моему, если желаешь человеку добра, то не надо все время об этом говорить, потому что к таким словам привыкаешь и никакого добра уже не заметно.

Я один раз даже не вытерпел и сказал:

— Во-первых, не чахотка, а туберкулез! А во-вторых, теперь туберкулез вылечивают пенициллином, как дважды два!

После этого мне еще час объясняли, что я грубиян, и спрашивали, почему я начал портиться, хотя раньше был скромным. Хоть бы про скромность не говорили! Мне эта скромность хуже туберкулеза!

Вот Степка небось не скромный. Зато и делает что хочет. Захотел — и влюбился в Нину Полянскую. Об этом весь класс знает, потому что с некоторых пор Степка стал толкать ее на переменах. А Полянская тоже влюбилась в Степку; она всегда говорит: «Ты, Хокканен, дурак! Дождешься...» — но никогда не жалуется. Теперь им весь класс завидует.

В субботу Степка доказывал, что двойку он схватил из-за Полянской, но я все-таки думаю — за свой язык.

Анна Наумовна спросила Степку строение атмосферы. Он объяснил, почему внизу воздух плотный, наверху — разреженный, но на какие слои делится атмосфера, забыл. Анна Наумовна стала ему задавать наводящие вопросы. Степка видит, что ему все равно не вспомнить, и начал, как обычно, Анну Наумовну заговаривать. Она его спрашивает про слои, а он говорит:

— Ага, Анна Наумовна, в верхнем слое совершенно дышать нечем. Я вот читал: один раз туда орел нечаянно залетел и задохнулся без воздуха.

(Про орла он, конечно, выдумал.)

— Хокканен, тебе понятен мой вопрос? — сказала Анна Наумовна. — Ответь четко и ясно: на какие слои делится атмосфера Земли? Ну... Тропо...

— Ага, Анна Наумовна... Если на реактивном самолете лопнет кабина, то летчика раздавит воздушной волной. Внизу очень плотный воздух.

Анна Наумовна рассердилась.

— Стыдно, Хокканен, не знать таких вещей! Даже если ты не читал учебник... В наш век — век спутника! — об этом знает каждый школьник. Во всех журналах написано. Ты хоть журналы читаешь?

«Век спутника» — любимое выражение Анны Наумовны. Когда

запустили спутник, она прибежала в класс с газетой и весь урок читала нам сообщение и объясняла устройство приборов, которые там установлены.

И ребята тогда здорово обрадовались, что наши запустили спутник вперед всех и что нас в тот день не спрашивали по географии. С тех пор Анна Наумовна всегда говорила «век спутника», если на нас сердилась.

Степка, услышав про спутник, понял, что дело плохо, и уже мечтал о тройке. Но в это время Полянская нарисовала на промокашке рожу с длинным языком и потихоньку показала Степке. Если бы это сделал кто-нибудь другой, то Степка стерпел бы, как миленький... А тут у него даже уши зашевелились от злости. Но Полянскую он сейчас тронуть не мог и сказал Анне Наумовне:

— Я читаю журналы, Анна Наумовна. В одном журнале написано, что в нашей школе есть всякие ненормальные художники...

Анна Наумовна даже покраснела.

— Ты о ком, Хокканен?

Степка испугался, что она приняла на свой счет, и заторопился:

— Я не про вас, Анна Наумовна! Честное слово, не про вас...

Этим оправданием он только испортил дело.

— Иди на место, Хокканен! За ответ — три, за поведение — единица, в среднем — двойка. И останешься после уроков, я с тобой поговорю.

После уроков мы остались вместе. Анна Наумовна подошла к нам в коридоре.

— Хокканен, — сказала она, — почему ты не можешь сдерживать свой язык? Если тебя спрашивают урок, ты говоришь бог знает о чем, только не о том, что нужно. Что это за орлы? При чем тут летчики, художники?

— А чего она...

— Кто «она»?

— Да тут одна. Только я не про вас, честное слово!

— Я не интересуюсь твоими секретами, — сказала Анна Наумовна. — Я только хочу, чтобы ты вырос знающим и умным человеком. Завтра ты придешь в школу и будешь заниматься со мной дополнительно, пока не ответишь по всему материалу за неделю.

— Завтра воскресенье!

— А ты думаешь, Хокканен, что мне интересно заниматься с тобой в воскресенье? У меня есть семья. Двое ребят, ты сам знаешь... Но все же мне придется сидеть с тобой в воскресенье.

— Да, — повторил Степка. — Приходится сидеть в воскресенье. Да еще в век спутника.

Я стоял рядом. Мне ведь тоже было обидно, потому что мы в воскресенье собирались идти смотреть, как взрывают гранит в карьере. Но все-таки Степка зря сказал про спутник. Анна Наумовна покачала головой и ушла.

— Она еще у меня дождется! — сказал Степка.

— Не хвались, Степка, ничего ты ей не можешь сделать.

— Да нет, не Анна Наумовна, а Нинка...

— Ты же в нее влюбился!

— Я ее уже два часа ненавижу, — сказал Степка.

Пока мы шли домой, я все время думал, как объяснить Степке, что он зря сказал про спутник. А Степка уже про это забыл. Он такой: если сам забыл, то думает, что и другие быстро забывают.

* * *

В воскресенье утром мы со Степкой отправились в школу. Мне хоть не нужно было, но я пошел — все равно дома делать нечего. До нашей школы, если бегом по дороге, всегда пять минут. Но Степка уговаривал меня идти лесом к Мраморному озеру, потом повернуть к железной дороге, а потом уже — в школу. Он сказал, что на свежем воздухе у него лучше работает голова и он хочет все повторить вслух.

В лесу было много снега. Мы набрали полные валенки, пока выбрались на тропку.

Конечно, Степка повторять ничего не стал. Он шел впереди и все время старался незаметно потряхнуть ветку, чтобы меня обсыпало снегом. Потом стал петь песню, которую слышал по радио: «Кольцо души-девицы я в море уронил...»

Кроме этой строчки, он ничего не помнил, но ему очень нравились слова «души-девицы». Дойдя до этих слов, он всегда начинал смеяться. Я сказал ему, чтобы он хоть немного повторил. Но когда Степка поет про девицу, с ним разговаривать невозможно. Лишь один раз он остановился, задрал голову и сказал:

— Эх, атмосфера какая синяя!.. Почему, Мишка?

Вышли мы на Мраморное озеро. Там у лунки сидел человек с удочкой. К нам, на Карельский перешеек, каждое воскресенье приезжают из города, но мы никогда не видели, чтобы ловили на Мраморном. Там и летом нет ничего, кроме раков.

— Клюет? — спросил Степка.

Человек этот очень обрадовался, когда Степка его спросил. Наверное, ему надоело сидеть одному.

— Все утро клевало, — сказал он и похлопал по рюкзаку, — килограмма три поймал. Да все мелочь. А сейчас не клюет, как обрезало.

Нам было смешно. Мы-то знали, что в Мраморном нет ни рыбки. Там вода гнилая. Но Степка тут же сказал, что в озере водятся зеркальные карпы.

— Нет, карпа я ни одного не поймал, — вздохнул человек, — все окуни.

Мы ушли, а он остался ловить зеркальных карпов. Мы ничего ему не сказали. Рыбаки — они все ненормальные, все равно он просидит до самого вечера. По крайней мере, хоть будет думать, что может поймать рыбку, и от этого ему станет веселее сидеть.

Только мы со Степкой вошли в лес, как услышали совсем рядом выстрел. Потом кто-то крикнул:

— Держи, держи! Уйдет!

— Чего они его, руками ловят, что ли? — сказал Степка. Он думал — заяц.

Вдруг справа от нас затрещали кусты и выбежал лось. Увидел нас и — в сторону. Мы сами испугались не меньше его. Глаза у него дикие! Видно, злой был, или это от страха...

И тут наперерез лосю из кустов выскочили двое таких... Ну, вроде дачников — в бурках. И ругаются, как пьяные. Лось прыгнул через куст. Легко, легко прыгнул — чуть ногами шевельнул. Мне даже показалось, что он на землю не опустится, а так и улетит.

Дачники в него сразу из двух ружей — бах-бах!

Лось упал на землю, присел на задние ноги. Потом повалился рогами в снег. А сам еще дышит, и у него под брюхом снег красный.

Дачники закричали:

— Сергей Сергеевич, идите сюда! Готов!

Видим, по кустам еще один ломится. Ветки раздвигает и тоже ругается. Вылез на поляну.

— Где он? А-а, вот он, голубок! Не стреляйте! Я сам добыю.

Наставил ружье и выстрелил два раза прямо в упор. Лось голову запрокинул, дернулся и затих. Тогда этот, Сергей Сергеевич, скомандовал:

— Встаньте поближе, я вас увековечу.

Дачники подошли к лосю, поставили ему ноги на спину и ружья взяли наперевес, как часовые. А он достал из-за пазухи фотоаппарат и щелкает. Потом сказал:

— Теперь меня давайте.

Я стою, а мне лося жалко, ну прямо как человека. У нас их много развелось — к самым домам подходили. Мы со Степкой для них в магазине соль покупали, они соль любят.

Степка тянет за рукав: «Идем поближе, посмотрим», — я не хочу идти, потому что боюсь на лося смотреть. Но Степка настоял. Мы подошли и говорим: «Здравствуйте!»

— Здравствуйте, если не шутите, — говорит Сергей Сергеевич. — Вам что нужно?

— Мы — посмотреть, — говорит Степка.

— Вы что, одни? Или еще с вами есть кто-нибудь?

— Одни. У вас «зауэр три кольца»?

— Нет, у меня «ижевка», — отвечает Сергей Сергеевич, а сам озирается и ногой притоптывает.

Я взглянул на лося и отвернулся, чтобы мне его еще больше жалко не стало. Глаза у него открытые, а в них все отражается: деревья, облака и даже я — только все очень маленькое.

— Ну и ладненько, — говорит Сергей Сергеевич, — поглядели, а теперь шагайте.

— Почему? — спрашивает Степка. — Вам лесу жалко?

— Тебе еще объяснять! Ну, шагай, не порть атмосферу!

Как он сказал про атмосферу, у Степки даже глаза стали круглые.

— А ваше какое дело!

— Брысь! — говорит Сергей Сергеевич, а сам все озирается.

Степка отошел немного и вдруг кричит:

— А разрешение у вас есть, чтобы лося убить?

Тут они все трое затоптались на месте, а один дачник говорит:

— Пойдемте, Сергей Сергеевич, ну его к черту...

А Степка орет:

— Покажи разрешение! Покажи, а то отца позову!

Сергей Сергеевич — к нему. Степка отпрыгнул в сторону и опять:

— Нет разрешения? Да? Па-а-па! Иди сюда-а-а!

Они как услышали про папу, — ружья под мышки и заторопились. Мы тогда совсем догадались, что никакого разрешения у них нет. Они просто браконьеры и жулики.

Степка подскочил ко мне и шепчет:

— Мишка, пойдем за ними!

— А что мы сделаем? Нам одним не справиться.

— Куда-нибудь они придут, не будут в лесу ночевать. Позовем людей и задержим. Они ведь жулики!

Дачники вышли на тропу. Идут и на нас оглядываются. Степка шагает сзади метров на пятьдесят и орет во всю глотку:

— «Самовольный отстрел лося карается принудительными работами сроком на один год или штрафом пятьсот рублей!»

У Степки отец — егерь. Дома у них висят плакаты с правилами охоты. Степка их наизусть выучил. Кончилось про охоту, он заорал про рыболовство:

— «Воспрещается ставить переметы более чем на пятьдесят крючков, а также...»

Я смотрю, дачники чуть не бегом побежали. Меня смех разбieraет: такие здоровые, а от нас удирают. Но когда Степка стал орать про переметы, Сергей Сергеевич не выдержал. Повернул обратно и — за Степкой. Степка — назад, а я растерялся и стою. Он несется прямо на меня; лицо у него красное, и топают, как бык. Но, видно, ему очень захотелось самого Степку измолотить. Он мимо меня пробежал, будто и не заметил. Мне даже обидно стало. Я ему от обиды шепчу вслед: «Браконьер!» — но голос у меня тихий.

А Степка пробежал немного по тропе и свернул в лес, прямо по снегу. Сергей Сергеевич — за ним, завяз по самый свой меховой пледшубок. Стоят они друг против друга метрах в двадцати. Сергей Сергеевич ругается, а Степка орет:

— Па-а-па! Иди-и сюда-а-а!

Сергей Сергеевич шагнет вперед, Степка шагнет назад. Сергей Сергеевич — назад, Степка — вперед. Сергей Сергеевич плюнул и побежал обратно. А Степка — ему вслед, на весь лес:

— Браконьер чесоточный! Все равно не отстану! — и снова: — «Лица, виновные в нарушении вышеуказанных правил, привлекаются к уголовной ответственности...»

Степка совсем осмелел, прямо на пятки им наступает. А они табуном несутся, и от них — пар.

Скоро мы выбежали на какую-то совсем незнакомую дорогу.

— Сейчас мы их сцапаем, — говорит Степка. — Машина пойдет или еще кто...

Вдруг дачники свернули с дороги. Смотрим, на обочине стоит машина, синяя «победа». Они в эту машину — плюх! Машина — фырк! — и уехала. Мы даже номера не разглядели. Стоим посреди дороги.

— Зря ты их напугал, — говорю я Степке. — Не нужно было про уголовную ответственность... Нужно было сделать вид, будто мы отстали, а потом следить. Хоть бы номер записали!

— Я и не хотел их пугать. Это я от злости. Я же не знал, что они нападутся.

В этот момент над нашим ухом что-то как загудит. Обернулись. Видим — грузовик. Шофер из кабины высунулся и грозит кулаком.

— Не понимаете, что дорога скользкая? Из-за вас, из-за паразитов, только в тюрьму сядешь!

А я вижу, у Степки глаза забегали, забегали. Значит, придумал что-то.

— Товарищ водитель, мы не нарочно. Мы в больницу к брату идем. Подвезите нас, пожалуйста, до Приозерска.

— Какой еще брат?

— Мой, — отвечает Степка. — Ему живот резали.

Шофер помолчал и спросил:

— А сколько лет твоему брату?

— Пять.

— Дела-а, — удивился шофер, — такого малька режут. Ну, садитесь.

Сели мы в кабину. Проехали немного. Шофер спрашивает:

— А что доктора-то говорят? Живой будет?

— А он и не живой, — отвечает Степка.

— Хоронить, значит, едете?

— Нет... У меня брата и сроду не было.

Шофер как тормознет, аж машину занесло.

— Вылезайте, паршивцы!

— Товарищ водитель, — говорит Степка, — я же вам честно признался. Я и врать не хотел, только, если мы говорим правду, нам ни за что не верят. А если соврем, — верят. Нам обязательно нужно быстрее в милицию.

— К сестре? — спрашивает шофер.

— Нет! — говорит Степка. — Честное пионерское!.. — И рассказал про лося.

— А без вранья нельзя было? Сказал бы правду, я бы и так подвез.

— Да нет, — говорит Степка, — я уж знаю... Тут обязательно нужно, чтобы кто-нибудь заболел или умер. Иначе ни за что не подвезут.

Шофер засмеялся и тронул машину. И всю дорогу ему чего-то смешно было. Даже чуть на корову не наехал.

Подвез нас до самой милиции, вылез из машины и тоже пошел с нами. В милиции — дежурный. Лейтенант. Молодой такой, румяный. Степка ему все рассказал. И еще прибавил для убедительности, что они все с кинжалами. Я стою и завидую: я бы никогда про кинжалы не придумал. Но у лейтенанта и без кинжалов глаза разгорелись.

— Номер заметили?

— Нет, не заметили.

Лейтенант снова сел.

— Тюхи! Как же я их задержу!

И вдруг шофер говорит:

— Слушай, лейтенант, раз такое дело, — грузись в мою машину. Эти ворюги из города, не иначе. Мы их на шоссе догоним. На шестьдесят первом километре — пост ГАИ. Ты позвони, пусть задержат. Какого цвета машина?

— Синего, — говорит Степка.

Все так и вышло, как сказал шофер, ну прямо точно. Через час мы их догнали. Только видим, не одна синяя «победа» стоит, а целых четыре. Пассажиры повывезали, ругаются, руками размахивают. Один кричит, что он в театр опаздывает, другой на самолет торопится.

А один, в пыжиковой шапке, стучит кулаком по капоту:

— Да вы поймите! Она же не синяя! Не синяя! А ультрамариновая! Уль-тра-ма-ри-но-ва-я!

— Ну, дадут они тебе жару, лейтенант, — говорит шофер.

Лейтенант вылез из кабины. Они все — к нему.

— Это вы нас задержали?!

— Как на улице хулиганы, так их нет!

— Дайте вашу фамилию!

— Раз в неделю отдохнуть не дают!

А Степка бегаёт вокруг нашей «победы» и орет:

— Вот эти, товарищ лейтенант! Идите сюда! Вот эти!

Такой шум стоит, будто бетономешалка работает.

Лейтенант то одного уговаривает, то другого, но они не слушают. Дядька в пыжиковой шапке тянет его за рукав к своей машине и все кричит, что она ультрамариновая. Я сижу в кабине, и вылезать чего-то не хочется. Ведь на самом деле не лейтенант все задержал, а мы.

Но тут был еще инспектор ГАИ, который их задержал. Спасибо, хоть он помог. Встал около лейтенанта и говорит:

— Товарищи, хватит кричать. Лейтенант исполняет свой долг, а вы портите ему нервы. Был приказ — задержать синюю «победу»... А вы, граждане, простояли всего полчаса, но зато помогли задержать преступников. Теперь можете ехать, кроме этой машины... Спасибо. — Снимает перчатку и протягивает руку. — И вам спасибо. И вам...

Они поворчали еще немного и уехали. Даже фамилию не записали. А тот, который на ультрамариновой, еще свой адрес оставил, как свидетель.

Инспектор говорит лейтенанту:

— Ну, вы, лейтенант, теперь сами разберетесь?

— Так точно, товарищ капитан.

— Счастливо. — Сел на свой мотоцикл и уехал.

Пока шум был, дачники сидели в своей «победе». А когда лейтенант к ним подошел, вылезли. Стоят и злятся.

— Ваши документы!

— Прошу вас, — говорит Сергей Сергеевич.

Лейтенант проверил документы и мнет их в руках.

— Здесь речь шла о преступниках, — снова говорит Сергей Сергеевич. Вид у него злощипый, прямо благородный. — Очевидно, это мы?

Другие двое стоят молча, тоже изображают, будто сердятся.

— Предъявите разрешение на отстрел лося.

— Может быть, вы объясните, друзья? — Сергей Сергеевич обобщается к своим.

А они стоят, как святые. Один из них говорит:

— Ничего не понимаю! Просто цирк какой-то...

— В лесу вами убит лось. Вот эти двое ребят указывают на вас.

— Эти двое хулиганов, — говорит Сергей Сергеевич и от своего благородства чуть не лопается. — Эти двое хулиганов могут выдумывать все, что им угодно. Но отвечать будете вы. Мы действительно были в лесу, но никакого лося не видели. И даже не истратили ни одного заряда. Я не обязан перед вами отчитываться, но все-таки покажу... — Взгляните на стволы. — Переламывает свою «ижевку», а стволы внутри — как зеркало. Значит, вычистили по дороге.

— Ты можешь показать это место? — спрашивает лейтенант Степку.

— С дороги я не найду. А вот пойдете к нашему дому, потом — к Мраморному озеру, тогда сразу найду.

А они на Степку даже внимания не обращают.

— Вот видите, они сами путаются, — говорит Сергей Сергеевич. — Я даже допускаю, что где-то в лесу убит лось. Допустим, мы сделаем глупость и придем на это место. Что дальше? Вы спросите у лося, кто его убил?

— Да они же убили! — кричит Степка. — У него еще подлости хватает говорить!.. Мишка, скажи ему!

Я стою, и мне как-то неудобно. Я в жизни не видел, чтобы так ввали. У лейтенанта вид тоже растерянный. Ведь и правда, даже если придем на то место, все равно не докажешь. Мы-то думали, что они сразу по-честному сознаются...

Шофер молчал, молчал и говорит:

— Я этим огольцам вот как верю! А ты, — это Сергею Сергеевичу, — просто жук навозный!

— Да это какой-то бандитизм! — возмутился Сергей Сергеевич. — Задержали... оскорбляют! Верните немедленно документы! А я этого так не оставлю, я в «Правду» напишу!

— Жалуйся на меня своей бабушке, — говорит шофер. — Поехали, лейтенант, ничего ты им не докажешь.

Лейтенанту, вижу, никак не хочется документы возвращать. Повертел он их в руках, покраснел даже, но отдал.

А Степка стоит, чуть не плачет, и на шее у него жила надулась. Я думал, он сейчас станет бешеным и кинется на них. Но он

бросился не на них, а к «победе». Схватил с сиденья фотоаппарат и побежал по дороге. Сергей Сергеевич побледнел сразу и за ним.

— Стой, негодяй!

Только не ему со Степкой гоняться. Пробежал метров сто и пошел шагом. А Степка мчится, как заведенный.

Лейтенант растерялся, глаза у него стали круглые, как у кошки.

Говорит мне:

— Это что же такое? Вы и вправду хулиганы!

Сергей Сергеевич остановился, даже идти не может. Тогда и Степка остановился. Лейтенант кричит:

— Отдай сейчас же!

А Степка далеко — еле слышно:

— Не... не пойду... он мне морду набьет.

— Давай в машину! — говорит лейтенант шоферу. — Догоняй его!

Я еле-еле успел прыгнуть в машину. Проехали мы мимо Сергея Сергеевича, а Степка никуда не бежит. Повесил аппарат на сучок, вышел на обочину и стоит, ждет. Довольный такой.

— Стой! — кричит ему лейтенант.

— Я и стою, — говорит Степка, а у самого — рот до ушей.

Лейтенант спрыгнул, схватил Степку за руку и втолкнул в кабину.

— Я с тобой в Приозерске рассчитаюсь!

— Да товарищ лейтенант... — начал было Степка.

— Молчи! Разговаривать с тобой не хочу.

— Да вы сначала послушайте...

— И слушать не хочу!

— Пожалуйста... — говорит Степка.

И мы уехали. А фотоаппарат остался висеть на сучке.

Приехали в Приозерск. Лейтенант написал шоферу какую-то бумажку. Шофер ушел. Нас лейтенант посадил за перегородку. Сам сидит, молчит. Уж тут даже и я не выдержал.

— Товарищ лейтенант, да честное слово!.. Хоть идемте в лес...

Лейтенант молчит, бритвой на столе чертит. Потом встал.

— Пойдемте.

Мы идем по улице и думаем: «Куда он нас ведет? В тюрьму, что ли?» А он идет впереди и не оборачивается. На улице уже темно, удрать можно, как дважды два. Но мы же не виноваты, чтобы нам удирать. Даже и не собираемся. Я Степке шепчу:

— Зачем фотоаппарат отдал? Там же они все засняты у лося...

Но Степка тоже молчит. Обиделся на лейтенанта.

Пришли мы в столовую. Лейтенант купил чаю и пончиков.

— Ешьте.

Мы хоть и обиделись, но стали есть, потому что были голодные. Лейтенант сидит, на скатерти узелки завязывает и сам не ест. Потом говорит:

— Слушайте, ребята, давайте по-честному... Убили лося или нет? Или вообще никакого лося не было?

Степка жует и молчит. Я говорю:

— Убили.

— Я вас отпущу, — продолжает лейтенант, — только скажите

правду. Если они действительно убили, то жаловаться не будут, и я еще это дело разберу. Можно следователя пригласить, экспертизу... Я номер «победы» записал. А если ничего не было, то мне из-за вас влетит. Так хоть скажите, чтобы заранее знал.

Степка вынул изо рта недожеванный пончик и положил на тарелку.

— Вы с нами разговаривать не хотите, сами сказали.

— Хочу. Только не врите.

Но Степка не любит, чтобы все было просто. Говорит:

— Закройте глаза.

— Не дури.

— Ну, тогда отвернитесь.

Лейтенант вздохнул, но отвернулся. Степка вынул из кармана кассету от фотоаппарата и положил на стол.

— Пожалуйста.

— Это что еще?

— А то, — говорит Степка. — Пока он за мной по дороге бежал, я кассету вынул. Они, когда лося убили, стали сниматься. Теперь можно карточки отпечатать. Там все ихние морды с ружьями.

Лейтенант как вскочит со стула.

— А ты не засветил?

— Ну да еще... Что я, не знаю? Я смотал сначала. Хотите, можно хоть сейчас проявить? У меня тут фотограф знакомый.

— Ну, нет... — говорит лейтенант. — Хватит мне ваших знакомых! Я в лабораторию отдам. А сейчас идемте, домой провожу.

— А как насчет пленки? — спросил Степка. — Может, распisku дадите?

Лейтенант засмеялся.

— Будет тебе расписка. Из какой школы?

Степка сказал. Лейтенант нас немного проводил, остановил на дороге машину, и мы доехали почти до самого дома.

В понедельник Анна Наумовна вошла в класс — и сразу к Степке.

— Хокканен, ты почему не явился?

— Я шел... Только не дошел.

Ребята засмеялись, а Полянская покраснела. Наверное, она за воскресенье еще больше в Степку влюбилась.

— Что ты не дошел, мне известно. А вот почему не дошел, — объясни.

— Мы с Крыловым жуликов ловили.

Ребята еще сильнее хохочут. Они-то Степку знают и никак не думают, что он — всерьез. Даже Анна Наумовна губы прикусила, чтобы не засмеяться.

— Поймали?

— Поймали. Не самих жуликов, а фотографии... Но это все равно. Лейтенант следователя вызовет.

Анна Наумовна нахмурилась.

— Ну, вот что, Хокканен. Хватит мне этих летчиков, художников, жуликов, лейтенантов, следователей...

— И орлов! Орлов! — кричали ребята.

— И орлов... Останешься после уроков на два часа. У меня будет с тобой последний разговор.

В это время открывается дверь и заглядывает учитель физкультуры.

— Хокканена и Крылова — к директору.

— Что там такое? — спрашивает Анна Наумовна.

— Понятия не имею. Пришел кто-то из милиции.

Анна Наумовна даже побледнела.

— Мальчики, что вы натворили, говорите быстро.

А мы и сами напугались. Идем в кабинет, а у меня в ногах какие-то пузырьки бегают. Анна Наумовна идет с нами. Постучались. Смотрим, у стола сидит наш лейтенант. Директор карточки в руках вертит.

— А-а, сыщики, — говорит директор. — Ну что, Хокканен, зашили живот моему брату?

Лейтенант смеется. Вот уж действительно — ничего на свете скрыть нельзя.

Директор тоже смеется.

— Вот товарищ лейтенант говорит: двое, из нашей школы... Мне сначала и невдомек — кто это мог быть? Но как про живот услышал, сразу догадался — Хокканен! А с ним и Крылов, конечно.

Директор протянул нам карточки, а там все точно, как было: лось и они с ружьями. Жалко только, что нас не видно. Надо было нам пораньше из кустов вылезти.

Анна Наумовна заглянула через мое плечо.

— Боже мой, какое варварство! Значит, вы действительно помогли задержать этих людей?

— Можно сказать, целиком их заслуга, — подтвердил лейтенант.

— Что же с ними теперь сделают?

— Судить будут. Я все материалы уже к следователю направил. Ребятишек в суд вызовут свидетелями, вы не пугайтесь.

— Теперь не испугаемся, — говорит директор.

И лейтенант ушел. Оставил нам на память две фотографии.

Одну карточку Степка подарил Полянской, а другую мы приклеили к забору и расстреляли снежками.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П О В Е С Т И

Шел по городу волшебник. Повесть, в которой случаются чудеса	5
Часть первая. Мелкие чудеса	5
Часть вторая. Чудеса поневоле	90
Борька, я и невидимка	131
На Марс!	131
Про антенну	136
Снег идет.	138
Про Лину Львовну	139
Про собрание	144
Следы на снегу	153
Вы меня губите!	162
Про лыжи	170
Земля — небо — земля	177
Про урок труда	184
Про кошку и мышку	189
Про директора	197
Честное слово!	208
Про Стасика	217

РА С С К А З Ы

Счастливым день	223
Так устроен компас	234
Мой друг Стенка	242

Для среднего и старшего возраста

Томин Юрий Геннадиевич
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Ответственный редактор
Е. Д. Шнитникова.

Художественный редактор
В. В. Куприянов.

Технический редактор
З. П. Коренюк.

Корректоры

К. Д. Немковская и В. Г. Шишкина.

Сдано в набор 20/XI 1974 г. Подписано к печати
14/III 1975 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсет-
ная № 1. Печ. л. 16. Усл. печ. л. 20,8. Уч.-изд.
л. 19,39. Тираж 100 000 экз. М-22072. Заказ № 691.
Цена 86 коп.

Ленинградское отделение ордена Трудового Крас-
ного Знамени издательства «Детская литерату-
ра». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабри-
ка «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Ленинград, 193036,
2-я Советская, 7.

Томин Ю. Г.

Т 56 Повести и рассказы. Рис. С. Спицына. Л.,
«Дет. лит.», 1975.

255 с., с ил.

В сборник входит сказочная повесть «Шел по городу волшеб-
ник», повесть «Борька, я и невидимка» — о жизни шестиклассников
и несколько рассказов.

Р 2 ср.

86хэп.